

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В. ХОМУТОВ

НА ОГНЕН-НОЙ ЧЕРТЕ

ПОГИБШИЕ В ЮНОСТИ — О ВАС РАССКАЗЫВАЕТСЯ, ВАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Мама помнит все... И первый шаг сынишки, первый класс его, и тот день, когда провожала сына в армию...

Больное, трудно работающее сердце ее не смирится никогда, что сын пропал без вести в первые дни войны. Все живет тихонько в сердце надежда, что не убит он и вот когда-то даст весточку о себе, придет, придет...

•

Расхлестанная бомбовыми ударами с воздуха, почти искрошенная в первых трудных оборонительных боях с танковой и двумя моторизованными дивизиями немцев, отброшенная от своего корпуса и вновь стянутая в один кулак усилиями и волей старших командиров, потеряв больше половины убитыми и ранеными, 43-я кадровая стрелковая дивизия уходила на Молодечно, чтобы оторваться от гитлеровцев и выйти из-под угрозы окружения.

Во второй половине ночи 6 июля комдив полковник Белоногов вызвал к себе командира второй роты третьего батальона (полков уже не было) лейтенанта Геннадия Чернышева и младшего политрука Свешникова.

Когда лейтенанты подходили к штабным машинам, они увидели на лесной поляне свет карбидной лампы, группку штабников, которые склонились, рассматривая что-то на земле. Влево, в темноте,

виднелись носилки, неясные фигуры медсестер около них.

Комдив сидел на ящике у автомашины, опустив забинтованную голову, смотрел на разостланную перед ним на земле карту, молчал. Около него медленно вышагивал взад-вперед старший батальонный комиссар Егармин, покачивал, успокаивал висевшую на грязном бинте перебитую левую руку. К заднему скату машины привалился, сидя прямо на земле, начальник штаба дивизии майор Уланов. Гимнастерка его была разодрана и на правом плече белели свежие бинты. Рядом на носилках лежал еще один штабной командир, накрытый плащом, и тихонько, чуть слышно стонал, видимо, во сне. У ног комдива сидел какой-то незнакомый капитан в диагоналевой гимнастерке с расстегнутым воротом. Он внимательно рассматривал большую карту комдива и что-то переносил на свой планшет: видно, готовил кроки маршрутов.

Пахло лекарствами и бензином. Евгений Свешников и Геннадий Чернышев доложили о своем прибытии, приметили усталость в острых глазах комдива, седую щетину на его лице, грязный подворотничок, орден на левой стороне груди.

— Младший политрук, в роте все члены ВКП(б) и комсомольцы? — негромко спросил полковник.

— Кроме двух первогодков, товарищ командир дивизии. — Евгений подкинул руку к пилотке.

— Ознакомьтесь с обстановкой,— проговорил комдив, приглашая лейтенантов к карте. — Боевой приказ вашей роте. Здесь, у Малой Зозулихи, перекрыть большак, вот тут, у отметки 17,62. Видите? Справа и слева от большака болото, вас не обойдут, будут наступать только с фронта. Ваша задача — задержать немцев до сегодняшнего вечера.

Комдив чуть отодвинул ногой карту, поднял голову и тихо, твердо продолжал:

— Приказ — стоять насмерть — знаете? Вот и встаньте здесь насмерть. Умереть, но немцев не пропустить хоть бы до вечера. Иначе — смерть раненым, и дивизии не будет...

В сердце Евгения кольнула тоненькая острая иголка, по груди и спине прошел неприятно влажный холодок...

У полковника, видимо, была ушиблена или ранена ключица. Он согнул левую руку, прижал локоть ладонью здоровой правой руки, чуть слышно выдохнул, сразу ослабил и опустил плечи, качнулась вперед перебинтованная голова.

— Сейчас пойдете к начальнику боеснабжения, получите два станковых пулемета, два ручных, связки гранат, бутылки с горючкой... хоть и мало их. Поднимайте роту, начинайте окапываться сразу. Бойцов рассредоточьте и глубже закапывайтесь, иначе танками подавит.

К командирам подошел старший батальонный комиссар Егармин, спросил Геннадия:

— Взводами кто, Чернышев, командует?

— Первым — старшина Яринцев, вторым — сержант Ненахов, третьим — младший сержант Шумаков...

— Тех знаю. А Шумаков кто?

— Челябинский, земляк мой, — сказал командир Свешников.

— А-а-а... Ну-ну, — припоминал Егармин. — Этот, что все говорит: «Мы с Урала, у нас на Урале»... Принимали его в апреле кандидатом в партию, хорошо принимали...

Полковник остановил комиссара:

— Проверял, Георгий Николаевич, саперы готовы?

— Отделение, Григорий Серафимыч, и только двадцать две мины,— комиссар снова медленно заходил вдоль разостланной карты, тихонько поддерживал руку.

— Вот что, лейтенанты, — полковник повернулся к Евгению и Геннадию: — с вами пойдет саперное отделение, поставит противотанковые мины. Мины поставят близко к вам. Сами понимаете, разбросать их — проку мало, а ближе к роте — танки на них верней наедут... Прижимайтесь, лейтенанты, к опушке, на голом месте побьют с ходу. Ну, идите.

Геннадий и Евгений четко повернулись, но комдив остановил их.

— Еще, командиры... Стоять насмерть. Но им всех нас не перебить, выстоим... Бойцам скажите — надо выстоять! А вечером уходите на Молодечно, там наш корпус. Вот посмотрите: на Фролищи, потом хутор Егорушкин и дальше — на Ростань. Держитесь ближе к лесу... Ну, может, скажешь еще что командирам, Георгий Николаевич?

— Что им сказать? — вздохнул комиссар.

Остроумный, начитанный, еще недавно отличавшийся безукоризненной военной выправкой, Егармин стоял перед лей-

тенантами небритый, усталый, с переломленной рукой. Что им сказать?

— Знаете ведь, кто достоин жизни и свободы? Вот и придется за эту жизнь и свободу теперь идти нам на бой, каждый день идти. Что уж больше я скажу вам, хлопцы? Растили мы вас, вырастили...

— Ну, сынки, — комдив с трудом, медленно поднялся с ящика. — На вас вся надежда... Оторваться сегодня надо, раненых вывезти, матчасть... а вам драться...

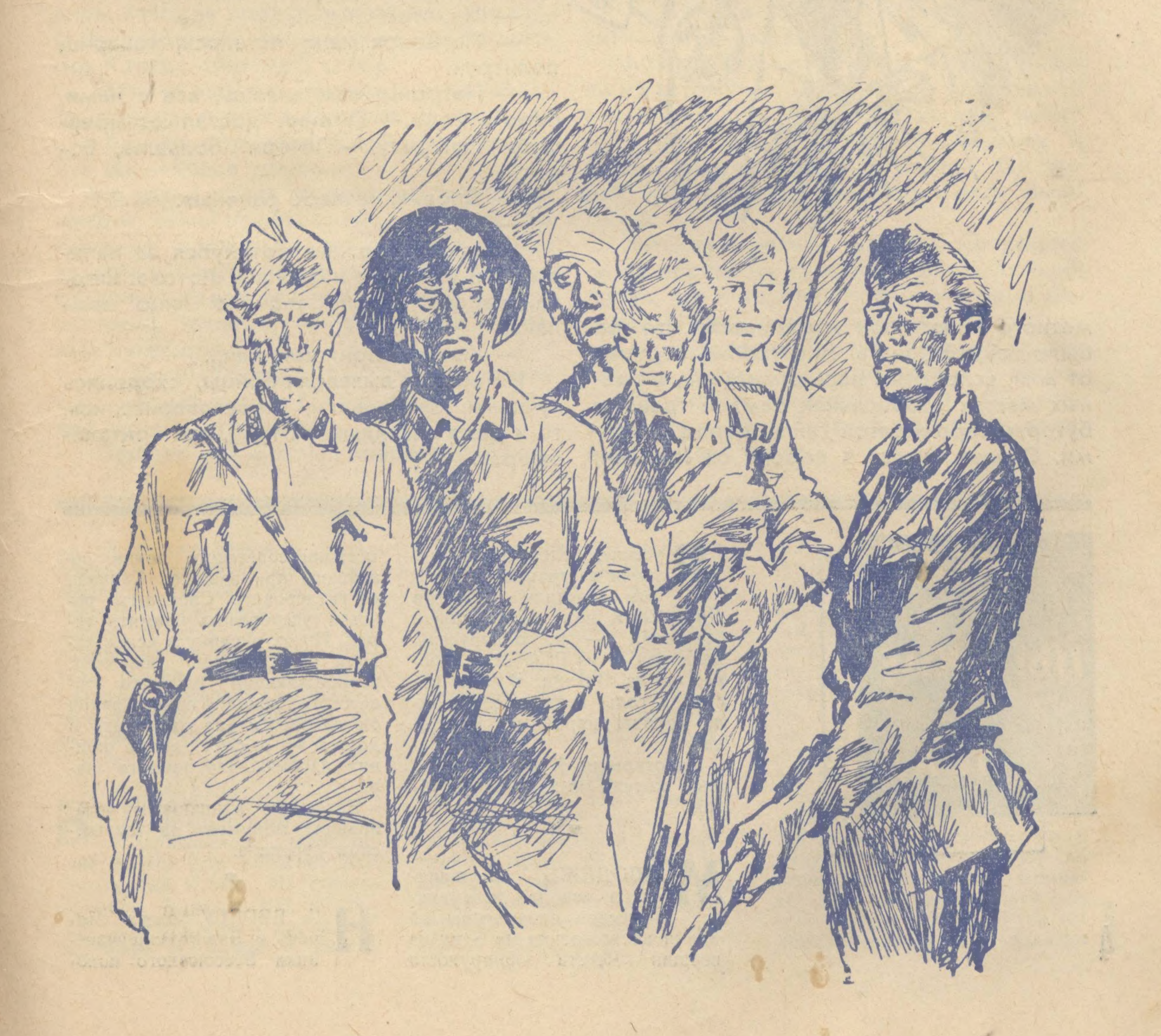
И так непривычно, не по-командирски сказал он, что чутким сердцем понял Женька: перед ними стоит не властный командир дивизии, не полковник кадровой службы, а усталый, бесконечно измученный отец, отец всех убитых, раненых и живых в их разбитой и загнанной в этот лес дивизии, которая завтра может погибнуть вся, до последнего человека, в неравной схватке с противником на своей, такой родной белорусской земле. И у Евгения перехватило дыхание.

Отходя строевым шагом из освещенного карбидной лампой круга, лейтенанты чувствовали, как командир дивизии, комиссар, штабные командиры и незнакомый капитан долго, внимательно смотрели им вслед...

Звенело в ушах, гудела голова, мучительно ныло все тело, и только сейчас Евгений почувствовал, как нестерпимо хочется пить, хочется припасть к полному котелку с холодной водой и выпить его весь, сразу.

Он уперся ладонями о сырые края окопа и, как на брусьях в училище, рывком выбросился наверх.

Оседала пыль. Местность после мино-

метного налета так изменилась, что ее было трудно узнать. Неглубокие воронки от мин, вспоротый взрывами дерн, в разных местах забросанная землей трава и бугорки серо-желтой глины перед окопами. Справа, шагах в сорока от Женьки, из окопчика вылез боец, зажал ладонями уши, наклонился вперед и начал резко встряхивать головой.

«Оглох» — понял Евгений и пошел влево, к Володе Лотову: так захотелось увидеть синеглазого баяниста и ротного весельчака, своего постоянного помощника в комсомольских делах. Когда подошел к окопчику Володи, дурнота схватила сердце, подкосила ноги.

Володя неловко лежал на дне окопчика, уткнувшись головой в переднюю стенку, а вся его гимнастерка была залита кровью. Крупный осколок сразу, видно, оборвал жизнь омского парня.

— Товарищ младший политрук!

Евгений обернулся. Подходил младший сержант Шумаков, земляк. Лицо его осунулось, левая щека была в грязи, чувствовалось, как он устал от напряжения за этот короткий, стремительный бой.

— Ну, что?

— Патронов мало осталось, товарищ политрук.

— Патроны, сам знаешь, все с нами, беречь надо. — Евгений достал отсыревшую папиросу. — Потери большие, Борис?

— Двое. И четверо раненых.

— На, кури.

Младший сержант потянулся за папиросой и взглянул в окопчик Лотова. Евгений увидел, как побледнело лицо земляка...

— Какого парня кончили...

Из окопов вылезали бойцы, сходились кучками, закуривали, переговаривались, то и дело взглядывали туда, где притаился враг.

Русские, белорусы и латыши на границе республик создали Курган Дружбы. К нему ведут аллеи: березовая — из Белоруссии, кленовая — из РСФСР и липовая — из Латвии. В этих местах в годы войны действовали отряды народных мстителей.

На открытие Кургана собрались жители всех трех республик.

•

Молодежь Нальчикского завода телемеханической аппаратуры во время восхождения на одну из вершин Чегета обнаружила останки советского воина, погибшего при защите Кавказа от гитлеровцев. Следопыты решили увековечить память героя. По их рисунку в цехах завода был сделан монумент, изображающий раненого советского воина: одной рукой он опирается на автомат, а другой — высоко вверх поднял изображение земного шара.

Заводские альпинисты установили монумент на Былымском перевале.

•

На берегу озера Нарочь в Белоруссии участники Всесоюзного похо-

Подошел командир роты Геннадий Чернышев.

— Ну, выдержали, Женя. Потери небольшие, еще бы часа три, и можно отходить.

— Погоди, Гена, — Евгений снял мокрую изнутри пилотку. — Боюсь, танки скоро пойдут. Так просто они нас не оставят...

— Поторопились мы. Подпустили бы ближе, больше бы выхлестали. Кто стрелять начал, не проверял?

— Чего искать? И что это даст? — Евгений вздохнул. — Все виноваты.

...Два с лишним часа назад далеко по дороге начало распухать облако пыли — шла немецкая моторизованная колонна. Даже без бинокля было видно, как за первой офицерской машиной взлетал пыльный хвост, закрывал остальные. Немцы катили уверенно.

Еще с утра Геннадий, Евгений, командиры взводов предупредили всех: подпустить немцев по большаку на триста метров и тогда открывать огонь.

Евгений еще раз проверил самозарядку, гранаты и снова смотрел на колонну.

«Вон до того дерева дойдут, — прикинул он. — Тогда ударим».

Но вдруг, когда до колонны было еще метров семьсот-восемьсот, впереди из чьего-то окопчика резко, неожиданно хлестнул винтовочный выстрел, за ним сорвались сразу два, и вразнобой забили винтовки, захлебнулись станковые и ручные пулеметы.

— Стой! Отставить! — кричал Евгений и не слышал своего голоса в грохоте беспорядочной стрельбы.

Офицерская машина впереди колонны вильнула и сунулась радиатором в канаву, шедший за ней грузовик развернулся и перегородил дорогу. Колонна остановилась.

А стрелки и пулеметчики все били и били. Женька в бинокль ясно видел, как с бортов задних машин быстро сваливались немцы и разбегались по лощине в цепь.

Над ротой свистнули первые автоматные очереди, и тогда огонь из окопов начал спадать неровными толчками.

— Не стрелять, бойцы, не стрелять! Передайте, не стрелять! — изо всей силы кричал Евгений.

Его услышали ближние, закричали по цепочке: — Не стрелять! — И стрельба утихла, лишь изредка срывались одиночные выстрелы.

Цепь стремительными перебежками пошла на сближение.

— К атаке готовсь! Гранаты, винтовки! — закричал Евгений.

А немцы уже поднялись, на ходу резали из автоматов. И вот тут-то ударили все винтовки и пулеметы роты. Евгений ловил на мушку своей самозарядки немцев и быстро бил, не чувствуя отдачи. Он видел, как валились фашисты. Цепь была смята.

Затихла стрельба. Далеко на дороге опять поднялось пыльное облако. Евгений понял, что к колонне подходят новые машины. И вдруг среди окопов рванула мина, за ней вторая, третья. Ударило грохотом по ушам, и Евгений присел в окопе.

Противник двадцать минут обстреливал роту из двух батальонных минометов, и снова все утихло...

да по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа соорудили обелиск партизанам, сражавшимся в этих местах. Он взметнулся на высоту 26 метров. На его барельефах отображены эпизоды партизанской борьбы. У подножья горит вечный огонь Славы.

•

В ОЩЕПКОВСКОЙ школе Пышминского района Свердловской области уже второй год работает литературный музей. На стенах комнаты — портреты писателей, иллюстрации к их произведениям, в шкафах — книги.

В школу приходят письма из Москвы и Ленинграда, Орла и Ростова. Пишут работники музеев и люди, которые встречались с писателями и поэтами, кому дороги имена Пушкина и Некрасова, Гоголя и Чернышевского, Чехова и Горького. Вот одно из писем пушкиноведа Арнольда Ильича Гессена:

«Дорогие друзья! Рад тому, что голос мой дошел до вас. Рад был, что вы увлеклись организацией школьного литературного музея. Рад был, наконец, и тому, что Пушкину, этому волшебнику и чародею, отводите в нем первое и достойное место...

Мне, вашему большому другу, идет уже 89 год. И я уверен, что Пушкину, взволнованному и волнующему, я обязан тем, что в мои поздние годы продолжаю радостно трудиться. Труд не дает мне стареть, сохраняет молодость моей души и сердца. Работа над моими книгами о жизни и творчестве Пушкина — источник моего счастья».

Экспозиция о Пушкине занимает основное место в музее. Материалов так много, что в будущем ребята мечтают об отдельной пушкинской комнате. Для выставки «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» собираются издания

— Цепь они в разведку бросили, прощупать нас. — Геннадий застегнул гимнастерку. — Танки скоро пойдут. По радио вызовут... А нам кого и как вызвать, Женя?

Подошел партгрупорг роты старшина-сверхсрочник Яринцев, по уставу приложил руку к пилотке:

— Может, партсобрание проведем, летучку, товарищ младший политрук?

— Какое тут партсобрание, Сидор Поликарпович, — Евгений поморщился. — Позови членов партии на минутку.

Старшина пошел по окопам, а Чернышев, прищуренно глядя вдаль на дорогу, передвинул назад кобуру и поправил командирскую сумку.

— Скоро нам, политрук, такое собрание с протоколом и полным решением будет, навек запомнится, коль живы останемся.

Подошли шестеро бойцов.

— Вот что, друзья. — Евгений надел пилотку, поправил гимнастерку. — Прошу, пройдите по окопам, скажите товарищам: скоро фашисты танками навалятся. Чтоб не трусили, подпускали, били бутылками, гранатами. Сидор Поликарпович, да и все вы, члены партии, особо проверьте, чтобы бойцы спички и терки положили с бутылками рядом, не растерялись бы.

Шумаков обратился к Геннадию:

— Товарищ лейтенант, бойцы просят на немцев убитых посмотреть. Тут недалеко.

— Не до экскурсий теперь. Скоро опять живых увидим. Идите, товарищи.

Когда бойцы пошли в разные стороны, Евгений, разминая последнюю папиросу, спросил ротного:

— Что не разрешил сходить? Посмотрели бы, духом окрепли.

— Окрепли... Скоро, Женя, так окрепнем, что...

Он не договорил. Издалека дошел слабый, но глухой и плотный гул.

— Идут! — Геннадий повернулся к Евгению, и тот увидел, как что-то сразу изменилось в глазах друга. — Адрес ты мой знаешь...

— И ты мой знаешь, Гена...

— Если что, сообщи... Ну, Женя, может не увидимся больше. — Геннадий сощурился, и глаза его повлажнели. — Прощай, браток...

Евгений обхватил, обнял друга и поцеловал в сухие губы.

— Прощай, Гена, друг мой, товарищ мой...

Бойцы, увидев, как обнялись лейтенанты, тоже стали прощаться, побежали от окопа к окопу, жали руки товарищам, приникали на мгновение друг к другу.

Геннадий выхватил наган, ринулся к своему окопу, командуя на бегу.

— Евгений Николаевич! — Шумаков подбежал, задохнулся, сглотнул слюну: — Вы не забыли — Кыштым, Советская, 19?

Шумаков обхватил Евгения, прижался щекой...

Один за другим восемь танков вырвались из-за поворота. Завывая моторами, они разворачивались в цепь, выходили на исходный рубеж для атаки. За ними, там, далеко, спрыгивали с машин немецкие солдаты и группами бежали под прикрытием танковой брони.

И так заболело, защемило сердце у Евгения, что стало трудно дышать, он покрылся испариной и лег головой на глини-

---

поэта на языках народов СССР.

Недавно в музей пришло письмо от школьников из Михайловского. Они прислали серию открыток «Пушкинский заповедник».

Интересна экспозиция, посвященная Тургеневу. В ней представлены открытки и репродукции, подаренные музеем писателя в Орле. Ленинградцы подарили уральцам выставку, посвященную Некрасову. Экспонаты музея рассказывают о творчестве Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова, А. М. Горького, Николая Островского. В витринах собраны письма сестры Фадеева, племянника Мамина-Сибиряка.

Работы у следопытов непочатый край. Систематизируют собранные материалы, продолжают сбор экспонатов по русской советской литературе, по литературе народов СССР.

•

Следопыты Ильинской средней школы Богдановичского района Свердловской области по заданию администрации колхоза в течение двух лет исследовали реку Калиновку от истока до устья. Представленный материал использован при строительстве плотины и создании водоемов для разведения рыбы.

•

В школе № 1 Камышлова создан краеведческий музей. Следопыты отряда «Искатель» провели большую работу по изучению боевого пути полка «Красных орлов». По совету Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова они собрали много материалов по народному творчеству времен гражданской войны,

стый бруствер; едва слышно стонал, держал левую руку у сердца и чуть-чуть растирал, гладил ладонью заболевшую грудь.

По земле прокатился удар первого пристрелочного выстрела из танковой пушки. Евгений поднял голову и прищуренными глазами увидел, как танки, подминая кустики, быстро катились на окопы, с ходу били из пулеметов. Бойцы стреляли по смотровым щелям, по башням, и Евгению казалось, что он слышит, как бьются о броню остроносые пули, плющатся и с визгом отскакивают, бессильные ужалить стальные громадины.

Левый танк, черный и угловатый, блестя отполированными траками, быстро катил прямо на Евгения, и тот с холодным бешенством, как на полигоне, бил из самозарядки.

Танк наехал гусеницей на мину и в дымном грохоте взрыва крутанул стальным крупповским лбом. Соседний с ним танк вильнул, взревел мотором на повороте и пошел наискосок. Он проехал десяток метров и вздыбился от удара двух противотанковых мин.

Сейчас перед ротой была пехота. Евгений увидел слева от себя спину Шумакова. У того дрожало правое плечо — он поднялся над бруствером, поставил перед собой ручной пулемет, длинными очередями резал подбегавших фашистских солдат, и они валились, не добежав до окопов.

Евгений глянул вправо, туда, где был Геннадий. Шесть танков пошли по окопам роты. Один наехал гусеницей на окоп, с лязгом повернулся одной гусеницей над ним, раздавил бойца. Второй — близко от Евгения — наехал на другой окоп, остановился, и Евгений увидел в просвет между

гусеницами, как из нижнего люка высунулся ствол автомата, ударила очередь по бойцу.

— Гад! Убил! — закричал Евгений не помня себя.

Из соседнего окопа вылетела связка гранат, кувыркнулась растопыренными ручками в воздухе, грохнула перед танком, засыпала его землей. В немецкие танки полетели еще связки гранат, бутылки и в нескольких местах на земле расползлось черное густое пламя. Один танк горел, метался среди окопов, пытаясь сбить со своей спины огонь. Сразу с двух сторон запылал второй.

За танками на позицию роты ворвалась пехота.

Геннадий выскочил на бруствер, что-то кричал, а следом за ним из окопов выскакивали бойцы роты, и бросались с винтовками на немцев.

— Гена! Друг!

Женька стрелял по подбегавшим к Геннадию немцам, а тот отбил винтовку фашистского солдата, с размаху всадил в него штык и сам повалился на колено, упал...

На Евгения бежал немецкий офицер.

— Гад! — Евгений послал в немца две последние пули. Запнувшись в стремительном беге, офицер полетел вниз лицом, не выпуская из рук автомата, словно и мертвым хотел еще стрелять в защитников этой белорусской земли. Евгений отбросил пустую самозарядку, вырвал из кобуры фашиста парабеллум.

— Комсомольцы, вперед, за Родину! — кричал он и крутил над головой пистолетом. Женька навскидку трижды выстрелил в ближнего автоматчика, свалил его. Второй за ним, подбегая, бросил гранату. Она упала перед Евгением, подпрыгнула, крутнулась, и взрыв опрокинул его на землю...

Евгений не видел, как немецкие солдаты разошлись группами по позиции роты, не слышал, как резко били короткие очереди — немцы добивали раненых. Его сознание затянуло тонкой пленкой. Когда эта пленка растекалась, уходила, перед ним отрывочно мелькали картины детства: улицы Челябинска, цирк, вот рядом с матерью он тащит в двух ведрах полоскать белье на Миасс, а мать что-то говорит ему. Вновь пленка затягивала сознание, гасила его. Евгений захлебывался кровью.

В это время из реденького леса на опушке болота несколько гитлеровцев вывели шестерых пленных бойцов. Один из них запнулся, упал. Он пытался подняться, упирался руками о землю и вновь лицом и грудью обессиленно валился вниз. Высокий широкоплечий солдат с каской на ремне пнул его, что-то гортанно крикнул и снял с плеча автомат. От хлестнувшей сзади очереди пятеро бойцов дернулись, сбились в кучку, и быстрее пошли к танкам, туда, куда автоматом указал им путь конвоир.

Евгений не видел, как немецкие танкисты в черных мундирах, мстя за своих убитых, повалили наших бойцов, быстро связали их, а потом один побежал к танку, прыгнул в люк; танк задрожал и двинулся на связанных. Их страшного крика Евгений не слышал.

К нему подошел долговязый солдат в расстегнутом мундире, с закатанными до локтей рукавами. Он увидел комиссарскую звездочку на рукаве гимнастерки, удивленно остановился, обернулся, помахал автоматом и что-то крикнул другим солдатам. Те с разных сторон направились к нему. Они подходили один за другим, полукругом обступая Евгения. Потные, с подтеками на пыльных лицах и шеях, разглядывали немцы лежащего перед ними комиссара, и в их глазах — голубых, серых, карих — сразу появлялось одинаковое выражение настороженного любопытства. Последним подошел пожилой фельдфебель. Солдаты расступились, и он так же удивленно остановился перед Евгением.

— О-о-о! Politkomissar! — произнес фельдфебель, оттянул затвор автомата и повел стволом вниз...

А когда наступило ласковое белорусское утро, Евгений, перерезанный через всю грудь автоматной очередью, лежал в траве, раскинув руки. По его комиссарской звездочке, залитой кровью, проворно бегали рыжие лесные муравьи...

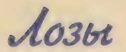
И уже не суждено было Евгению знать, что его родная вторая рота смертью своей спасла остатки дивизии от неминуемого разгрома.

Рисунки Н. Мооса

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

ЭЛИДА ДУБРОВИНА

Лозы

Тянутся к солнцу лозы.
Почки — в пуху золотистом.
Крупно сверкают росы
На фиолетовых листьях.
Праздник оттенков и линий,
Красок безудержных радость.
Лозы, а сколько вам ливней!
Сколько рассветов и радуг!
Гибкие,
        крепкие,
                юные,
В легких, как дым, волоконцах,
Лозы, вы — тонкие струны
Между землей и солнцем!
Лозы, вы — жаркие русла,
Полные влаги зеленой.
Вы — королевы русые
В бронзово-алых коронах!
Быстро, как майские грозы,
Ночи и дни пронесутся...
Полупрозрачные гроздья
Розовым соком нальются.
Ветренно вам и ливенно,
Сладостно вам и солоно,
Сестры мои счастливые,
Дочери доброго Солнца!

* * *

Над размытою глиной дорожек,
Над картофельною ботвой
Шелестит застенчивый дождик,
Разговаривает сам с собой.

Потемнели в траве одуванчики,
Словно вымокшие птенцы,
А на грядах, в земле перепачканные,
Тихо светятся огурцы.

Лягушонок, маленький робот,
Пялит в вечность бессмысленный взгляд,
И зеленые звезды укропа
На незримых орбитах дрожат...

Ну, давайте будем, как дети!
Ведь скорей ощутишь, чем поймешь:
На Земле, одинокой планете,
Шелестит удивительный дождь.

Песня друга

Струится Млечный...
Звезды сыплет вечер.
Чешуйчатые сосны высоки.
И отрывает пламени куски
От моего костра гудящий ветер.

Мне сердце обступила тишина,
Тяжелая от звезд и от тревоги.
А тени плещутся...
И я совсем одна
Здесь, у огня, без друга и дороги.

Не смейся, леший, филин лупоглазый,
Ночных лесов косматый старожил!..
Жил друг когда-то...
Песенку сложил.
Простой напев я вспомнила не сразу:

«Вот скрипят ворота,
Тальянка поет.

Вот уходит рота
В поход, в поход!
То ли звон набата,
То ли — дожди...
Не робей, ребята,
Все впереди!

Дождь по тропам рыщет,
Ветер студит грудь...
Проживем лет тыщу,
И не как-нибудь!

Гимнастерку выжать,
У костра присесть...
А кому-то выжить,
А кому-то смерть!

Пуля-дура встрянет
Промеж синих глаз,
И кому-то стариться
Без нас,
Без нас!

Рощею березовой
Бродит ветерок.
А мы, парни бронзовые,
Встали у дорог.

Встали в прежней силе,
Молоды, крепки.
Но несет Россия
Нам к ногам венки.

Снова будут ландыши,
Песни, тополя...
Наши братья младшие
Распашут поля.

Будет в утро розовое
Хлебом пахнуть дым...
А мы, парни бронзовые,
У дорог стоим...

Снова будут ландыши,
Песни, тополя...
Наши братья младшие
Распашут поля...

Наши годы лучшие
Оборвала смерть!
Слышите, живущие,
Не робеть, не сметь!..

Спит в тумане озеро,
Бродит ветерок...
А мы, парни бронзовые,
Встали у дорог...»

Курлындия

Облетела старая береза,
Желтый лист прилип к стеклу окошка...
Алька мой на каменном крылечке
Провожает взглядом журавлей.
Ой, курлы,
Курлы...

Выцвели короткие штанишки,
Зябнут заскорузлые коленки...
Алька знает, что в страну Курлындию
Держат путь далекий журавли.

Выкопаны свекла и картошка,
Отгорел костер ночной рыбалки.
А в Курлындии — тепло и море...
В добрый путь,
До лета, журавли!

А в Курлындии — песок и солнце!
Только Алька почему-то плачет.
Жаль ему в Курлындию летящих
Одиноких, серых журавлей.
Ой, курлы,
Курлы!..

Детство

Конь Каурый нас домой везет...
Где-то за полями зорька тает.
Я с горбушки слизываю мед,
Папка спит, а я ворон считаю.

Прыгает под сеном дробовик,
Тарахтит телега на ухабах.
Заяц из овса навстречу — прыг!
И помчался прочь на длинных лапах.

Сено стало мокрым от росы.
Бьют перепела... Цветет горошек...
Конь Каурый завернул в овсы,
И жует себе, гоняя мошек.

И простор густеет... А вокруг
Мгла струится — синяя вода.
Травы тянут к небу кисти рук,
В небе загорается звезда...

Было все — зари вечерней чудо,
В ветряках и пыльных тропках Русь.
Только грусти не было. Откуда
Ты пришла в воспоминанья, грусть!

Рисунки Ю. Григорьева

РАССКАЗ О ТРЕХ ПОИСКАХ

В 27-й школе города Барнаула на двери одной комнаты висит табличка: «Литературный музей». Войдите, и вы увидите стенды, витрины с книгами, документы, альбомы. А у рабочих столиков, у картотеки — ребята: кто читает, кто что-то выписывает. Здесь есть свои исследователи, экскурсоводы, фотокорреспонденты. И, как в каждый музей, сюда идут люди: студенты, школьники, учителя, комсомольские работники, жители Барнаула.

Музей появился не сразу. Сначала в школе работал литературно-творческий кружок. Члены его читали, спорили, выпускали рукописный журнал, печатались в краевой молодежной газете.

Однажды на занятии кружка девочка-восьмиклассница рассказала, что прочитала «Семью Зитаров» и ее поразило, как прекрасно знает Вилис Лацис Алтай. «А ведь он жил и учился в Барнауле»,— ответили ей. Это было неожиданностью почти для всех ребят. Стали вспоминать, кто еще из известных писателей бывал в нашем крае. Вячеслав Шишков — автор «Угрюм-реки» — работал на Чуйском тракте. Новиков-Прибой жил в Барнауле. А Анна Караваева? Читали «Золотой клюв»?

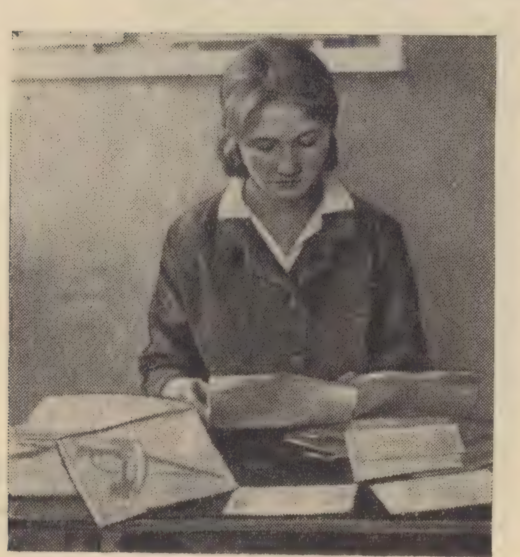
И тогда кружковцы решили узнать, что привело писателей-сибиряков на Алтай. Обратились в библиотеки, написали писателям, их родственникам.

Первым откликнулся Вилис Лацис 10 декабря 1960 года. Вот его письмо.

«Дорогие друзья!

Я получил ваше письмо, в котором вы просили меня рассказать о своем пребывании в Барнауле и жизни на Алтае в годы моей юности.

В Барнаул я приехал в 1917 году в ноябре — сразу после Великой Октябрьской революции — и прожил в вашем городе почти год. Жил на одной из Алтайских улиц — кажется на Пятой, потом на улице Л. Толстого, почти на самом берегу Оби. Зимой учился в учительской семинарии, летом работал в типографии «Заря Алтая». Потом переехал в Горный Алтай, где прожил до весны 1919 г., а потом перебрался в сторону Кузнецка и прожил в алтайской тайге до лета 1921 г. В это время работал с отцом, рубили лес, корчевали пни, собирали хмель, ягоды и т. д. Два года проработал секретарем сельсовета. Тогда же и начал первую «пробу пера». Начал писать рассказы, фельетоны, статьи. Кое-что было напечатано в сибирской латышской печати.

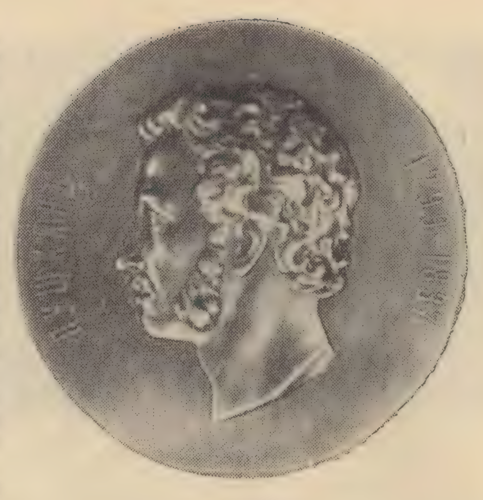
Этот период моей жизни очень ярко сохранился у меня в памяти. Потом, став писателем, я написал ряд рассказов на сибирскую тематику, но больше всего свои впечатления о тогдашней жизни я передал в одной из частей своего романа «Семья Зитаров».

С тех пор мне не удалось больше побывать на Алтае, но я много читал и узнал очень многое об изменениях в жизни этого прекрасного, незабываемого края. Если бы мое здоровье было получше, я бы охотно поехал еще раз туда, чтобы своими глазами повидать то новое, что создано руками советских людей за эти годы.

Посылаю сердечный привет моим юным друзьям в Барнауле.

С дружеским крепким рукопожатием Вилис Лацис».

С этого дня и началась наша «музейная» работа, а позднее 10 декабря 1960 года мы стали считать днем рождения музея. Вскоре в небольшой комнате кабинете директора школы появились первые стенды и выставки. Сейчас у нас около двух с половиной тысяч экспонатов. Они представлены в семи отделах. Каждый кружковец для самостоятельной работы берет тему. Например: «А. С. Новиков-Прибой на Алтае», «Алтайские страницы жизни В. Лациса», «Исследователь и писатель» (о В. Я. Шишкове), «Горький и Алтай» и другие. Над темой обычно работают два-три следопыта.

В 1961 году пришла в музей и начала работу над темой «А. С. Новиков-Прибой на Алтае» Алла Морозова. Она написала жене писателя и получила от нее добрый сердечный ответ. Мария Людвиговна заинтересовалась школьным музеем, к нам стали приходить бандероли с книгами Алексея Силыча, фотографии. Например, снимок броненосца «Орел», на котором служил писатель, или группы матросов (снимок 1903 года) и среди них Алексей Силыч...

Краевая газета «Молодежь Алтая» напечатала статью Аллы «Веха причудливой судьбы», в которой рассказывалось о жизни писателя на Алтае. Мария Людвиговна по этому поводу написала: «Статья очень хорошая, и мне приятно, что ваша молодежь так тепло отметила юбилейную дату — 85 лет со дня рождения писателя».

На статью откликнулись жители Барнаула: А. Носкова, в доме которой жил Алексей Силыч в 1919 году, и П. Дрошков, встретившийся с Новиковым-Прибоем в Крыму в 1937 году.

Два года работала Алла Морозова над темой, потом у нее появилась преемница Лена Петрова. Она продолжила переписку, подготовила сообщение для одиннадцатых классов, где по программе изучалась литература 30-х годов, выступала по телевидению. Тема привлекла и Алису Чиликину. 24 марта 1967 года, в день 90-летия писателя, в газете появилась статья Алисы «Барнаульские страницы». А в Москву на вечер, посвященный памяти писателя, была приглашена ученица нашей школы Люда Николенко.

Все у нас занимаются исследовательской работой: одни следопыты любят рыться в старых книгах, другие часами беседуют со старожилами, третьи — могут целые вечера копаться в пыли чердаков и подвалов, надеясь найти что-нибудь интересное. И находят!

Так в руки ребят попал литературный журнал, изданный в Петрограде в 1917 году. Открыли первую страницу: А. Блок, Л. Андреев, В. Шишков. И вдруг Светлана Зимина заметила вложенные между журнальными страницами два пожелтевших листа: «Декрет о мире», «Декрет о земле». Вот они, подлинные документы пролетарской революции! Кто-то бережно сохранил их, и сейчас они лежат в витрине нашего музея.

Бесконечные почему, где, когда встают перед теми, в чьих руках оказалась старая фотография, письмо, журнал.

Где, на какой улице, в каком доме жил в 1917 году в Барнауле В. Лацис? Сам он пишет: «сначала на одной из Алтайских, кажется, Пятой, потом на улице Льва Толстого, почти на самом берегу Оби...» Искать квартиру на улице Л. Толстого бесполезно: тех временных домиков, которые строились после пожара 1917 года, уже нет. О первой же квартире в одном из писем писатель сообщал: «Это был одноэтажный дом, всего две квартирки, и принадлежал семье Зориных...»

Казалось бы, что тут долго искать: улица известна и фамилия хозяев, и имена братьев, и возраст, и место работы. Но только через несколько лет после письма мы смогли сказать: «Вот в этом доме жил в 1917 году Вилис Тенисович Лацис». Он стоит на углу переулка Челюскинцев (бывшей Пятой Прудской). Этот поиск завершили Юра Агеенко и Сережа Банин.

Еще одна история. В музей принесли бронзовую медаль, выпущенную в 1899 году. На лицевой стороне — всем знакомый профиль великого Пушкина и даты его жизни. На оборотной стихи:

Недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой.

ВСЕМIРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗЪ. РОССIЯ.
UNION POSTALE UNIVERSELLE
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. — CARTE POSTALE

Медаль легла в витрину отдела «Их имена носят улицы города». (С 1899 года одна улица Барнаула называется Пушкинской). Что это за медаль: наградная или памятная? Кем выпущена? Кому вручена? Из какого стихотворения строки?

Уже на следующий день одна из девочек принесла томик пушкинских стихов и торжественно прочитала:

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды.
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира.
О, нет! Недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Это стихотворение написано в 1825 году и посвящено слепому поэту И. И. Козлову.

На остальные вопросы ответить оказалось не так легко. Ребята читали книги о жизни Пушкина, рылись в библиографических справочниках. И вдруг, разбирая найденные газеты 30-х годов, увидели ту же самую медаль на 4-й странице «Советской Сибири» от 22 июля 1936 года. В небольшой заметке сообщалось, что медаль найдена в Бийске, выпущена она в столетнюю годовщину со дня рождения поэта. Было их несколько. Они раздавались в виде наград учащимся старших классов средних учебных заведений. Потом мы возили медаль в Москву, но в Пушкинском музее нам ничего нового не сообщили. Обратились в Ленинград. Научный сотрудник Пушкинского дома Наталия Николаевна Фонякова написала: «28 октября 1898 года в Академии наук была образована комиссия по проведению столетия со дня рождения поэта; на заседании 10 января 1899 года была утверждена выработанная программа чествования и получено от царя разрешение на выбитие медали в память празднования столетней годовщины. 26 января 1899 года на заседании Академии наук было постановлено: «...изготовить 4 золотые (для императорской фамилии и лицея), 20 серебряных и 5000 бронзовых медалей. Работу штемпелей поручить медальеру С.-Петербургского монетного двора, классному художнику М. А. Скуднову». Рисунок лицевой стороны был выполнен им, а оборотной — академиком М. Я. Вилье.

Теперь осталось нам узнать, кому принадлежала медаль. Пока известно, что она привезена из Ленинграда и подарена жительнице Барнаула в 1950 году.

А как был отмечен юбилей великого поэта в нашем городе? Интересные материалы, особенно о праздновании юбилея учащимися реального, горного училищ и женской гимназии были найдены в Алтайском краевом архиве.

Большое впечатление на посетителей музея производят факсимильные копии рукописей А. С. Пушкина, напечатанные в 1911 году. Каждому хочется подержать в руках томик произведений поэта, выпущенный в свет в 1887 году.

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...» Сразу после Октября настало это время. В далеком алтайском селе, в коммуне «Майское утро» учитель А. М. Топоров читал крестьянам Пушкина, а они, затаив дыхание, слушали. Им, только что овладевшим грамотой, поэт был понятен, он тронул их души. Ребята читают отзывы крестьян о Пушкине, напечатанные в книге А. М. Топорова «Крестьяне о писателях».

В те дни, когда создавался музей, познакомились следопыты с Ириной Ивановной Шароновой, в прошлом учительницей пения. У нее и ее мужа С. В. Шаронова, музыканта, собирателя фольклора, газетчика, были редкие книги, местные газеты, интересные фотографии. Многое пропало во время войны, потому что это богатство находилось в полуразвалившемся сарае. Но кое-что сохранилось. И. И. Шаронова передала школьному музею ценные экспонаты. Среди них — номера журнала «Алтайский кооператор» 1923—1925 годов с первыми произведениями начинающей писательницы А. А. Караваевой.

В альбоме Ирины Ивановны есть снимки Барнаула начала XX века, фотографии ученых, артистов, сделанные в те годы. Наше внимание привлекла открытка с изображением Л. Н. Толстого. И. И. Шаронова подарила ее нам.

В школе следопыты внимательно рассмотрели подарок. Лицевая сторона почтовой карточки — государственный кредитный билет 25-рублевого достоинства. Слева — овал, над ним — царская корона. Но портрета царя нет. В середине билет разорван, и в разрыве — портрет Л. Толстого. Открытка-то явно «крамольная!» Десятиклассники вспомнили строки из дневника Суворина: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон и его династию».

Заинтересовало изображение писателя: какой портрет или фотография воспроизведены на открытке? Просмотрели все, что имелось в школе, дома у ребят. Нет ничего похожего. Потом раздобыли альбом «Лев Толстой в фотографиях современников», изданный в 1960 году. Одна фотография привлекла внимание: та же поза, тот же поворот головы. Только на фотографии руки опираются на маленький столик, а на открытке столика не видно. Снимок сделан в 1896 году Шерером и Набгольцем. В нижнем правом углу портрета ребята увидели цифры. Рассмотрели их в лупу: 834802. Что они обозначают? Когда и кем выпущена эта смелая открытка? Послана она С. В. Шаронову из Минусинска, барнаульская почта приняла ее 2 мая 1910 года. Значит, еще при жизни писателя. Может быть, в революционном 1905 году? А может быть, в 1908, к 80-летию Толстого? Видел ли он ее, как отнесся к ней? Много загадок.

Как найти отправителя? С. В. Шаронова нет в живых, а Ирина Ивановна никогда не слышала от мужа фамилию минусинского адресата. Послали фотокопию открытки в музей Л. Н. Толстого в Москве. Оттуда ответили, что такой открытки у них нет и о ней ничего неизвестно. Такой же ответ пришел из Пушкинского дома.

Вот тогда-то и появилась в «Литературной газете» заметка поэта И. Фонякова «Открытка из школьного музея». Но пока откликнувшиеся читатели ничего интересного не сообщили. Может быть, нам помогут читатели «Уральского следопыта»?

Это только три истории, рассказ о трех поисках, которые ведут следопыты 27-й барнаульской школы. А сколько их? Каждый день — это новый экспонат, новая загадка, новая нить очередного поиска.

Л. ОСТЕРТАГ, руководитель музея

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Поделились

Мы ехали на озеро Инерки в Мордовском заповеднике. На развилке лесной дороги я вышел из «Москвича», чтобы определить направление. В это время из-за деревьев показался лось и направился к нашей машине. На всякий случай я сел за руль.

А красавец лось подошел к «Москвичу» и просунул голову в открытое окно. Мой товарищ как раз закусывал: в руке у него был бутерброд. Зверь мягко, губами взял хлеб и не спеша стал жевать. Оторопевший товарищ отломил от буханки добрую горбушку и протянул лосю. Тот принял угощение. Так продолжалось до тех пор, пока зверь не насытился, ополовинив наши припасы, и не отправился обратно в чащу леса.

Знакомый егерь рассказал нам, что лоси нередко приходят на кордон к самым домам, чтобы полакомиться хлебом с солью.

П. МОЧАЛОВ

Столетние спички

В селе Шатрово, Курганской области, стоял старый дом. Когда его построили, никто не помнит. Старожилы говорят, что прежде в нем была лавочка местного купца, после революции размещалась типография районной газеты, и позднее — школьные мастерские.

Со временем дом совсем обветшал... Начали его плотники разбирать и обнаружили за наличником одного окна спичечную коробку значительно крупней нынешних, и спички в ней оказались длинные и толстые.

Этикетка рассказала, что спички выпущены в 1867 году частной фабрикой в Тюмени. Несмотря на столетний возраст, ими можно пользоваться и сейчас.

Л. САДОВСКИЙ

Тюлень в Ижме

Немало удивились жители республики Коми, узнав, что на берегу притока Печоры — реке Ижме, в 1020 километрах от Северного Ледовитого океана появился тюлень. Как мог так далеко забраться житель полярных морей?

Ответить на этот вопрос взялись научные сотрудники института биологии Коми филиала Академии наук СССР. Они обследовали тушу морского зверя и пришли к выводу, что своим появлением на реке тюлень обязан «охотничьему азарту». Ученые предполагают: молодой тюлень устремился вверх по Печоре вслед за косяками семги.

В институте измерили неожиданного гостя. Его длина 93 сантиметра, вес — немногим больше 53 килограммов. Шкура необыкновенно красивая желто-палевого цвета с черными пятнами. Вот почему этот вид тюленей называют пестрой нерпой...

А. НИКИТИН

Вадим ИНФАНТЬЕВ

Рисунки Ю. Григорьева

В светлице было сухо, жарко и неимоверно душно, но император запретил открывать окна. Иначе с ветерком в комнату вваливались густые клубы пыли, поднятые проходившими через село войсками, и противно-кислый запах пожарищ.

Откуда-то донесся пронзительный визг. Затем грянул выстрел, визг оборвался. Видимо, солдаты пристрелили свинью, и сейчас к запахам пожарищ добавится вонь горелой щетины.

За окнами маячили закопченные трубы печей, массивных, как саркофаги египетских фараонов. Эти печи удивляли своей грубой громоздкой архитектурой — с всевозможными выступами, приступками, нишами. Огромные сводчатые топки печей чернели, как скорбно разинутые рты.

Через полгода французские солдаты поймут, почему русские строят такие несуразные печи...

В этом большом селе чудом уцелело только несколько изб. Кругом одни трубы, трубы. Да на высоких деревьях темнели крохотные домики для скворцов.

...Что-то рядом с императором назойливо блестело и мешало сосредоточиться. Это переливался орден на груди генерала. Генерал стоял возле кресла, прибыв с утренним рапортом.

Наступление, докладывал генерал, развивается успешно, но противник избегает решающих сражений; порой он несет тяжелые потери и отходит потрепанным... но не разбитым.

— Что еще? — сухо спросил император.

Генерал стал докладывать о частных эпизодах за минувшие сутки. В соседней деревне жители перебили взвод, охранявший обоз, а коней и телеги с грузом угнали в лес. Посланный в догонку отряд драгун несколько раз попадал в засады, а затем вышел к баррикаде из деревьев, поваленных друг на друга. Вступив в перестрелку с охраной завала, драгуны его подожгли. Разбушевавшийся лесной пожар вынудил драгун вернуться ни с чем.

Генерал докладывал спокойно и монотонно. Император молчал. Из мелких частных эпизодов было ясно, что добиться желаемого успеха не удалось.

Первоначальный замысел был прост. Поскольку войска противника не имели единого командования, император решил всю силу удара сосредоточить на Первой армии Барклая де-Толли, отсечь ее от армии Багратиона. Последний, предоставленный сам себе, будет думать о спасении своих войск... Но Багратион разгадал замысел. Вторая армия, искусно обходя приготовленные ловушки, вышла под Смоленск и соединилась там с Первой. Пришлось пересматривать заново весь план войны.

Пожар в Смоленске был настолько силен, что в воздухе носились горящие головни, разбрасывая искры, как ракеты. Взорваны были пороховые склады...

Император попытался вспомнить, какой герцог или король, покидая со своими войсками город, оставил письмо с пожеланием хорошо отдохнуть в сих аппартаментах.

Генеральский орден поблескивал и мешал Наполеону сосредоточиться, а темневшие за окнами домики для скворцов уж очень походили на избы, запрыгнувшие на деревья.

— Что еще?

— От нашего московского агента стало известно, что в полутора лье от Москвы в селе Воронцово тайно и спешно сооружается большой воздушный корабль для нападения на нашу армию с воздуха. Работу возглавляет некто по фамилии Шмит, откуда он прибыл — неизвестно, за работами наблюдает артиллерийский генерал. Работы ведутся с ведома князя Ростопчина, который назначен командующим в Москве вместо фельдмаршала графа Гудовича. Есть предположение, что этим делом интересуется Аракчеев и, кажется, сам император Александр. Донесение поступило с очень большим опозданием.

Император сидел, откинувшись на спинку кресла, положив руки на подлокотники, и исподлобья смотрел прямо перед собой. В памяти вставали неясные воспоминания, стертые бурными событиями последующих лет.

Подробно изучая будущего противника, Бонапарт как-то беседовал с историком Монжери, и тот рассказал о найденных записках философа Фурнье, который в конце XVI века побывал в

Константинополе. Фурнье описывал в своих дневниках, как северные славяне переплывали море и, приблизившись к берегу под водой, внезапно высаживались, наводя ужас на противника. Их длинные лодки — «чайки» — были обшиты сверху кожей, над водой торчала только широкая труба, в которой помещался наблюдатель и через которую свежий воздух проникал к гребцам.

Потом в памяти возникло другое... тогда Бонапарт был еще первым консулом Директории. К правительству Франции обратился американец, кажется, по фамилии Фултон, с проектом изобретенного им подводного судна. Морское министерство отказало изобретателю. Причину Бонапарт не помнит. Тогда перед его взором волшебно переливалась императорская корона, все реальней казалась мечта о мировом господстве.

Позже стало известно, что англичане купили у изобретателя патент за полторы тысячи фунтов стерлингов. Еще позднее лондонский агент донес, что это адмирал Сен-Вицент предложил английскому правительству купить патент и оставить его без внимания. Потому что, если англичане используют это изобретение, то и другие державы поступят так же, и морскому превосходству Великобритании будет нанесен величайший удар... А лет пять назад из Америки дошли сведения, что этот Фултон построил на реке Гудзон судно, приводимое в движение силой пара.

Кто знает, может, морское министерство поступило тогда опрометчиво, отказав изобретателю?

Весной этого, 1812 года Наполеон распорядился поддержать французских воздухоплавателей, решивших построить управляемый аэростат. Ведь железные предметы и стрелы, сбрасывавшиеся с аэростатов во время опытов, вонзались в землю с такой силой, будто были выстрелены из длинноствольного орудия. Из Вены был вывезен изобретатель, работавший над постройкой летательного аппарата...

Императору вспомнился доклад главы французской миссии при короле Вюртембергском. О том, что в Штутгарте некий изобретатель строит воздушный корабль. С этим изобретателем завел дружбу русский представитель при королевском дворе. Наполеон тогда дал указание повлиять на короля, чтоб тот приостановил эти работы...

Значит, теперь русские тоже строят аэростат. Если это получится, то какие формы и способы приобретут последующие военные действия?

Через неделю императору доложили, что московский агент по приказу нового командующего в Москве князя Ростопчина арестован и сослан в глубь России.

Новый агент, засланный взамен провалившегося, донес, что к месту строительства аэростата добраться невозможно, оно усиленно охраняется. Но известно, что там побывал император Александр и говорил с изобретателем несколько минут. Эту встречу наблюдал в сильную подзорную трубу с балкона своего имения соседний помещик, о чем он рассказывал в компании своих друзей и знакомых.

Петербургский агент доносил, что столичные заводы работают на полную мощность, готовится много оружия и амуниции. Только на частные чугунолитейные заводы, коих в России насчитывается 118, возложено изготовить 180000 пудов гранат, брандкугелей, книппелей, бомб и картечи. На ряде заводов применили оригинальные машины для быстрой полировки ядер и картечи — от этого увеличивается дальность и кучность пушечного боя. Но о работах над летательной машиной агент никакими сведениями не располагал...

В те годы во Франции и в России действительно делались попытки создать воздушное оружие.

Еще в марте 1812 года тайный советник Давид Максимович Алопеус, состоявший в Штутгарте русским посланником при короле Вюртембергском, послал секретное отношение в Петербург государственному канцлеру графу Румянцеву, а чуть позже — такого же содержания донесение прямо императору Александру. Алопеус сообщал о том, что в Штутгарте работает механик Франц Леппих, который несколько лет назад смастерил музыкальный инструмент пан-гармоникон. Из-за этого пан-гармоникона, привлекшего внимание публики во многих городах Европы, король Вюртембергский пригласил поименованного мастера к себе и дозволил иметь мастерскую.

Выступая в Вене с пан-гармониконом, Леппих познакомился с неким Дегеном, который показал ему свои опыты с изготовленными им летательными крыльями. Леппих отнесся к крыльям недоверчиво и заявил, что при помощи оных человек в воздух подняться не может. Но крылья, считал Леппих, понадобятся для того, чтобы летать на аэростатах заведомо зная куда, а не по воле воздушной стихии. На этом встреча с Дегеном, как рассказал сам Леппих, и закончилась.

Обосновавшись в Штутгарте, Леппих изготовил модель летательного аппарата в виде «худого шара». Испытания модели прошли успешно.

Далее Алопеус сообщал, что по рождению Леппих — немец, одно время служил в британских войсках и дошел там до чина капитана, потом оставил службу и занялся только изобретательством. В откровенном разговоре признался Алопеусу, что прежде обожал Бонапарта. Когда же тот провозгласил себя императором и фактически поработил всю Европу, возненавидел его и теперь мечтает построить аэростат для борьбы с узурпатором. Леппих собирался передать свое изобретение в Лондон, но Алопеус отговорил его, убедив, что британцы все свое внимание сосредоточили на флоте.

Французская миссия в Штутгарте интересуется работами Леппиха, но не вмешивается, выжидает, когда тот закончит машину и испытает ее. Сам король Вюртембергский работой этой не интересуется...

Изложив все это, Алопеус просил императора Александра о выделении средств для помощи Леппиху.

К письму Алопеус приложил чертеж общего вида аэростата, выполненный самим Леппихом. Это был баллон обтекаемой формы в виде вытянутой груши. Верхнюю половину его оболочки охватывала сетка, которая крепилась к деревянному обручу, опоясывавшему баллон в экваториальной плоскости. Обруч соединялся с жестким деревянным килем при помощи подкосин. На киле размещалась гондола, по виду несколько напоминавшая открытую дачную веранду.

Перемещение аэростата в воздухе предлагалось осуществлять вручную при помощи двух больших весел с пятью крыльчатыми лопастями на каждом. Весла напоминали на чертеже человеческую кисть с растопыренными пальцами.

10 апреля 1812 года Алопеус снова пишет Александру. На сей раз о том, что король Вюртембергский послал к Леппиху целую комиссию для выяснения, на какие средства и для чего строит он эту машину. Леппих, предупрежденный Алопеусом, не растерялся и ответил, что машина строится для добывания денег. На ней Леппих будет летать перед публикой и катать по воздуху желающих. Средства же на постройку ему ссудили под проценты знакомые купцы.

В комиссии было три профессора из Тюбингена. Тщательно обследовав сооружение Леппиха и чертежи, они заявили, что умоначертание машины очень пространно и только практика покажет истинность задуманного. Рассмотрев уже готовое днище гондолы, профессора единодушно признали его очень современным и отметили, что механик умеет применять в своей работе многосложные математические задачи.

Король выслушал доклад комиссии, вопросов не задавал и мнения своего не высказал. Однако на следующий день Леппих был вызван к министру полиции, который заявил, что король повелевает всякую работу прекратить, мастеровых отпустить, а самому Леппиху в течение десяти дней покинуть королевство.

Тогда Алопеус, решив, что дальше медлить нельзя, связался с князем Барятинским, находившимся в Мюнхене, и через него достал паспорта. Один — на имя курляндского уроженца доктора медицины Генриха Шмита для Леппиха, второй — на имя тоже курляндца Фейхнера для фельдъегеря поручика Иордана, приставленного к Леппиху. С этими паспортами, сообщал Алопеус русскому императору, Леппих и Иордан выедут 11 апреля в Раздвиллов, где их надобно встретить и препроводить в Россию.

Далее Алопеус предупреждал, что изучил чертежи машины Леппиха и, хотя сам не силен в механике, считает это дело заманчивым. Надо построить опытный корабль и проверить его на практике.

Леппих считает возможным построить аэростат, способный поднять в воздух экипаж в сорок человек и двенадцать тысяч фунтов груза, часть которого составят боевые ракеты. Леппих ожидает «особливо большого действия от ящиков, наполненных порохом, которые, будучи сброшены сверху, могут разрывом своим, упав на твердые тела, опрокинуть целые эскадроны».

В заключение письма Алопеус сообщал, что даже если проект не удастся, то все равно Александр приобретет искусного механика. Алопеус далее предлагал учинить за Леппихом частный надзор — только потому, что он увлечен своей идеей и по-детски откровенен. Он охотно рассказывает всякому, кто поинтересуется, о своих замыслах.

В начале мая 1812 года находившийся в Москве князь Ростопчин получил через специального фельдъегеря секретное письмо от Александра. В конце письма император сообщал, предупредив о безусловной тайне излагаемого, что во Франции ведутся работы по созданию воздушного корабля. В Россию ввезен механик Леппих. Он, кажется, добился больших успехов, чем французы. По крайней мере, тот опыт, который он предлагает, следует сделать.

Далее император писал, что не хочет передавать это дело командующему в Москве фельдмаршалу графу Гудовичу, опасаясь, что все станет известным доктору Сальватору — домашнему врачу и доверенному лицу Гудовича, серьезно подозреваемому в шпионаже в пользу Бонапарта. Александр предлагал поручить это дело гражданскому губернатору Москвы Николаю Обрескову. Заканчивалось письмо так: «...Я желаю, чтобы этот человек (Леппих) не являлся в Ваш дом, но чтоб Вы виделись с ним в месте, наименее привлекающем к себе внимание».

27 мая 1812 года гражданский губернатор Москвы Н. В. Обресков отправил в Петербург письмо, в котором докладывал императору, что ввез в Москву Леппиха под видом доктора Шмита и поручика Иордана — «курляндца Фейхнера». Приискал место для производства работ в шести верстах от Москвы. На отпущенные восемь тысяч рублей Леппих приобретает материалы. «...Пребывание Леппиха и Иордана в Москве и перемещение в Подмосковную не обращает ничьего внимания, ниже любопытства, как о людях никому здесь не знаемых».

7 июня 1812 года ставший уже командующим в Москве князь В. Ф. Ростопчин донес Александру о том, что Леппих работает в семи верстах от Москвы за Калужской заставой.

Интересно отметить, что ни Ростопчин, ни Обресков даже в секретных письмах царю не называли точно места, где поместился Леппих, видимо, опасаясь шпионажа.

В этом же письме Ростопчин сообщал, что распорядился прислать для Леппиха мастеров, кузнецов, слесарей из Петербурга, а не из Москвы потому, что для сооружения машины Леппиха требуется тонкое мастерство и искусство, на что более способны корабельных дел мастера и мастеровые с адмиралтейской верфи, и еще потому, что так легче сохранить все дело в тайне.

Ростопчин писал, что по требованию Леппиха заказал изготовить пять тысяч аршин шелковой тафты особенного тканья. Подряд взял некий Кирияков, на это дело он употребит все станки своей фабрики и обещает поставить готовый товар через две недели. Такой большой и срочный заказ может привлечь к себе внимание нежелательных лиц. Для этого Кирияков придумал версию о том, что господин Шмит основывает собственную фабрику по производству пластырей и пригласил его в участники предприятия.

Далее Ростопчин сообщал, что с Леппихом еще не встречался, но вскоре собирается это сделать. Устроено все так, что владелец усадьбы, в которой размещены мастерские, Е. Г. Репнин пригласит Ростопчина отобедать у него. Письмо Ростопчин закончил следующим обращением к Александру: «...Для меня будет праздником знакомство с человеком, чье изобретение сделает бесполезным военное ремесло, избавит человеческий род от его дьявольского разрушителя (т. е. Наполеона) и Вас сделает вершителем судеб царей и царств и благодетелем человечества».

Громыхнув о порог прикладом тяжелого ружья, в горницу вошел солдат и доложил капитану, что прибыл из Петербурга обоз, а допускать на двор никого не велено.

Капитан сидел за столом в одной рубахе и растирал ладонью левую сторону груди.

Видя, что капитан ничего не понял, солдат вторично стукнул прикладом и доложил снова.

Капитан встал. В распахнутом вороте рубахи желтела мокрая от пота грудь.

— Отыщи господина Шмита... или Федота... Сейчас выйду.

Вытерев полотенцем лицо и шею, капитан снял со спинки стула мундир, влез в него, кряхтя и вздыхая, застегнул на все пуговицы и вышел во двор, сильно припадая на левую ногу.

Капитан был далеко не молод, под Аустерлицем получил две тяжелых раны. Его рапорты о зачислении в действующую армию отклонили и поставили начальником охраны строительства секретной машины.

Вскоре во двор въехали груженые телеги, и мужики стали развьючивать поклажу.

Франц Леппих, в распахнутом камзоле, испачканном маслом, и с фалдами, прожженными кислотой, держал в руках длинную тонкую сосновую доску. Звонкая, легкая, с прямыми слоями, она сверкала на солнце, отливала золотом. Леппих даже понюхал ее и восторженно крякнул.

Подошел корабельный мастер Федот Колчев.

— Хорош лес, барин. С адмиралтейских складов. Лет пять сох. — Взял доску, пощелкал по ней ногтем. — Хоть шлюпку делай, хоть скрипку.

Вытащил из густой бороды стружки и уже серьезно продолжил:

— По-моему, зря, доктор, все крепления на болтах да на гвоздях делаем. Тяжелые получаются. Лет пять назад я на Колу из Архангельска с кораблем ходил, побывал у лопарей. Вот сани-нарты делают, ни единого гвоздя, все на оленьих жилах схвачено! Гнется, а не ломается, и в руки возьмешь — перышко. Нам бы тоже ремнями сыромятными подкосины да распорки крепить.

Леппих мотнул головой:

— Железо — оно крепче.

— Как когда. Мне Гриха Червяков проспорил на верфи. - Железный прут взяли, а я такого же веса рейку из доброй сосны выстругал. Потом груз к ним подвешивали. Так рейка-то лопнула тогда же, когда и прут. А вот на изгиб — тут железо крепче.

Мастеровые носили доски в сарай и складывали их в штабель. В стороне от сарая под дощатым навесом топорщила ребра-шпангоуты недостроенная длинная гондола.

Федот поманил к себе возницу.

— Вернешься, женку мою отыщи, передай поклон, и что жив-здоров корабельных дел мастер Федот Федорович.

— А ты напиши.

— Не велено отсюда писать. На словах передай.

— Чего вы тут делаете-то?

— Дело делаем. Может, получится.

— Да ты по-свойски. Я — могила.

— Не велено, брат, не велено... Ну, пора. От зари до зари работаем.

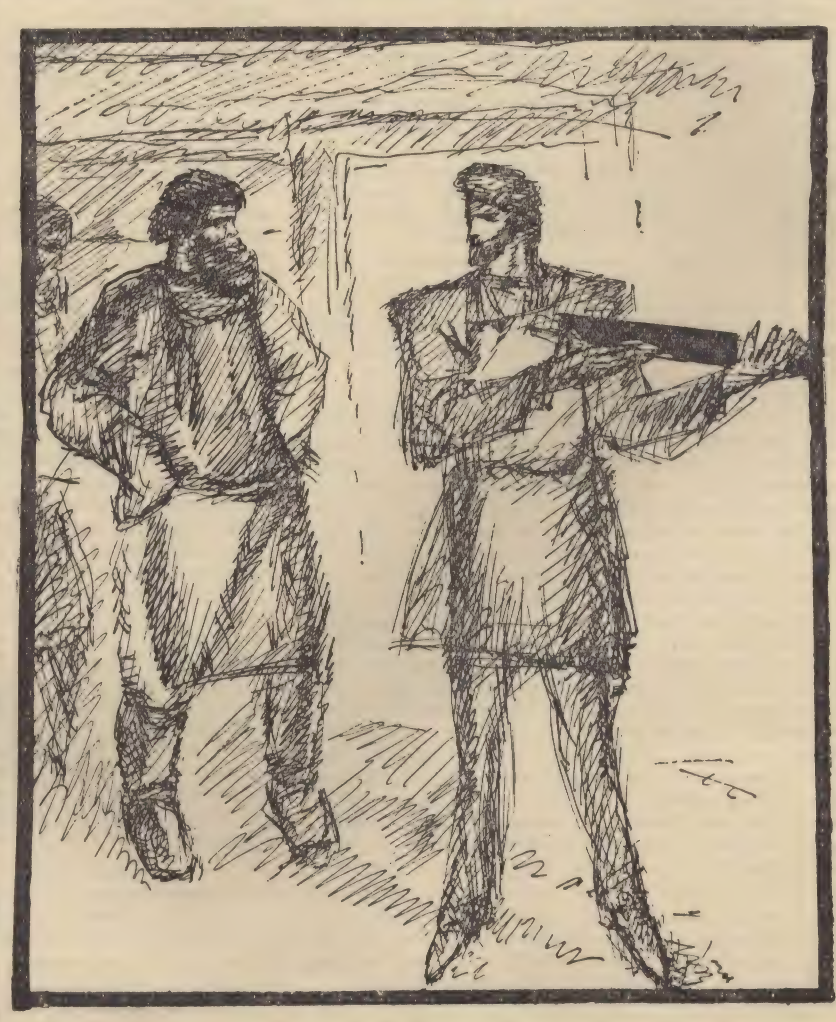
— А правда, что Бонапарт все прет и прет?

— Правда, брат. Ступай.

Проводив возницу, Федот подошел к капитану. Тот хмуро следил, как телеги одна за другой выезжают со двора. Потом посмотрел на гондолу под навесом, на небо... Федот вздохнул:

— Волнуются мужики. Прет Бонапарт. Трудно с ним совладать.

Капитан с тоской и раздражением посмотрел на мастера и рявкнул:

— Работать!

Потом еще посмотрел на небо и непослушными пальцами стал расстегивать мундир.

4 июля 1812 года Ростопчин писал Александру, что побывал у Леппиха. Тот проводит опыты по получению водотворного газа. Для ускорения дела решил вместо опилок железных опускать в купоросное масло скрученные в трубу железные листы. Большую машину обещает сделать к 15 августа. Охрана усадьбы из двух офицеров и пятидесяти солдат днем и ночью службу свою несет исправно.

В заключение Ростопчин сообщал, что Леппих очень старателен, встает первым и ложится спать последним. Все приставленные к делу люди, числом в сто душ, в лености не наблюдаются и работают по семнадцать часов в день, пока не свалятся от усталости.

В июле 1812 года Александр, будучи в Москве, посетил мастерскую Леппиха и несколько минут беседовал с ним.

8 августа император писал Ростопчину: «...Как только Леппих окончит свои приготовления, составьте ему экипаж для лодки из людей надежных и смышленых и отправьте нарочного с известием генералу Кутузову, чтоб предупредить его... Особо рекомендую, чтобы при пробном полете Леппих был внимательным и не попал в руки неприятелю».

22 августа Ростопчин получил другое письмо.

«Милостивый государь мой гр. Федор Васильевич!

Государь император говорил мне об еростате, который тайно готовится близ Москвы. Можно ли им будет воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее.

Надеюсь дать баталию в теперешней позиции, разве неприятель пойдет меня обходить, тогда должен буду я отступить, чтоб ему ход к Москве воспрепятствовать... и ежели буду побежден, то пойду к Москве и там буду оборонять столицу.

Всепокорнейший слуга кн. Г.-Кутузов».

В этот же день Ростопчин отправил в Петербург короткое письмо царю, где сообщал, что Леппих сделал малый шар для пяти человек и завтра будет опыт. Большой шар он обещается изготовить через неделю.

Но уже на следующий день Ростопчин послал новое донесение Александру.

«...С прискорбием извещаю Ваше величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, который должен был поднять пять человек, и назначил мне час, когда он должен был подняться. Но вот прошло пять дней, и ничего не готово; вместо шести часов он употребил целых три дня, чтобы наполнить шар, который не поднимал и двух человек. Затем возникли затруднения. Потребовалась какая-то особенная сталь. Несмотря на его громкие утверждения, мои возражения о пружинах крыльев оказались справедливыми — они слабы по отношению к весу. Большая машина не готова и, кажется, надо отказаться от возможности извлечь из нее ту пользу, которую мы ожидали.

Я принял свои меры, и если кн. Кутузов еще потерпит неудачу и двинется то ли к Москве, то ли в сторону, я отправлю Леппиха в Нижний без эскорта вместе с шелковой оболочкой шара...»

По Калужской дороге в клубах пыли уходила из Москвы армия Кутузова. В село Воронцово приехал отставной генерал-майор Чесменский, которому Аракчеев поручил организовать эвакуацию мастерских Леппиха. Времени на сборы было очень мало.

Имущество погрузили на сто двадцать подвод, и обоз тронулся. Он влился ничтожной частицей в длинный и скорбный путь отступления.

Во дворе брошенной усадьбы жарко, без дыма, горела недостроенная гондола, валялись бутыли из-под купоросного масла, листы железа, лохмотья, обломки досок...

Капитан — начальник охраны — хромал еще сильнее, лицо его то багровело, то становилось серым, и тогда глаза стекленели. Сердце давало перебои, и капитану казалось, что падает он в темную бездонную яму. Словно во сне, слушая себя со стороны, он тогда сказал генералу:

— Ну, с богом, Александр Алексеевич...

— А вы?

— Я еще раз осмотрю все и последую за вами. Прощайте.

Когда генеральская коляска выехала на Калужскую дорогу и была подхвачена галдящим потоком отступающих войск, Чесменский подумал, как догонит его капитан? Хотя, наверно, у него есть конь...

Коня у капитана не было. И уезжать он никуда не собирался. Кому нужен искалеченный старый солдат? Пусть уж здесь он до конца выполнит свой долг, справит свою службу.

Капитан постоял, растирая ладонью грудь. Над горизонтом поднималась мутная расплывчатая туча. Может быть, это уже горела Москва.

Потом капитан заковылял по двору, часто останавливался, подбирал лоскутки бумаги, не читая комкал их в ладони и бросал в пламя горящей гондолы.

Потом он заглянул во флигель, где артиллерийский офицер показывал, как надо снаряжать ящики с порохом. Долго и неуклюже ловил какую-то записку, гоняемую по полу сквозняком, поймал, скомкал ее и вышел во двор.

Туча над горизонтом поднималась все выше и выше. Но было тихо. Откуда-то донеслось несколько выстрелов, и снова навалилась тишина.

Капитан приковылял к себе в горницу. Тщательно стер пыль и пепел с мундира, снял с полки два пистолета, внимательно проверил их, взвел курки и положил на стол перед собой.

— Ну, вот и все... вот и все, — тихо произносил он, потом замер.

Ему вдруг показалось, что он оглох. Тишина давила. Тишина не давала дышать. Наконец капитан уловил треск горящего дерева и на миг успокоился, но дышать становилось все труднее и труднее... В ушах зазвенело, невероятная сила стиснула сердце. Углы комнаты прогнулись внутрь и закружились, брызжа фиолетовыми искрами... свет померк в глазах. Капитан навалился грудью на стол, рука его искала пистолеты, потом замерла неподвижно.

Сердце старого солдата не дотянуло до последнего боя.

Когда генерал, великий судья французской армии, граф Лауер узнал, что село Воронцово пусто, все имущество из мастерских, где сооружали аэростат, вывезено, он долго думал и вдруг сказал:

— Это не так уж плохо...

Москва горела.

Наполеон, стремясь отвести от себя вину за пожар, приказал найти и судить поджигателей.

Вскоре было арестовано двадцать шесть русских, обвиненных в поджоге Москвы. Они стояли понуро и обреченно, слушая приговор. Двадцать шесть. Офицер, раненный и не успевший уйти из города, десять солдат, два кузнеца, обойщик, портной, чернорабочий, пономарь, два лакея и еще несколько людей, профессией которых никто не поинтересовался. Важно было устроить суд, а над кем — безразлично. Кто и когда разберется, виновны они или нет?

К приговору был приложен документ специальной комиссии, оглашенный на судебном заседании.

«1812 г. сентября 12. — Подробное описание разных вещей, найденных в строении на даче Воронцова близ Москвы, принадлежащих воздушному шару или адской машине, которую российское правительство велело сделать какому-то по имени Шмиту, англичанину без сумнения, но называемому себя немецким уроженцем, имевшей будто бы для истребления французской армии и ее амуниции.

Лодка, которая должна быть подвешена к оному шару, но которая была сожжена днем прежде вступления французских войск в Москву. Оная лодка находилась около 100 шагов от помянутого строения, имела около 60 стоп длины и 30 ширины, в ней находится много остатков винтов, гаек, крючей, пружин и множество прочих железных снарядов всякого роду. Большой отруб дерева по виду шара, который, верно, имел служить для образца.

В двух горницах помянутого строения находится еще 180 великих бутыль купоросу; сверх оного назади и спереди оного дому 70 бочек и 6 новых чанов необыкновенного сложения.

Найдено сверх того человеческое тело, которое, как говорят, есть какого-то русского капитана, имевшего присмотр над оной мастерскою и помершего, как сказывают, днем прежде нашего вступления в Москву.

Генерал великий судья армии граф Лауер».

Далее комиссия утверждала, что все преданные суду люди причастны к работам над зажигательными ракетами, а в приговоре говорилось: «...Доказано, что приготовление к построению великого шара только выдумано для того, чтобы скрыть истину, ибо в оном селе Воронцове ничем другим не занимались, кроме фейерверками и составлением прочих зажигательных машин».

Десять из подсудимых были приговорены к расстрелу.

Комиссия вынесла решение отпечатать приговор в тысяче экземпляров для обнародования.

Фельдъегерь поручик Штос нагнал обоз на марше и вручил генералу Чесменскому письмо от Аракчеева. Председатель департамента военных дел Государственного совета благодарил генерала за участие в кампании Леппиха и передавал повеление царя, чтобы и в Нижнем Новгороде все находилось под надзором Чесменского. Поручика Штоса, прибывшего с пакетом, из того места, где он настиг обоз, направить вместе с Леппихом и потребными людьми на почтовых лошадях в Петербург.

Было тревожное, решающее для России время. Наполеон сидел в горящей и разоренной Москве, ожидая предложение о мире; император Александр метался по своему кабинету, не зная, что предпринять дальше, а Кутузов в Тарутине готовил армию для разгрома французов.

Леппих, прибыв в Петербург, добился приема у Александра, а чуть позже написал царю письмо о том, что на эвакуацию из Воронцова дали всего три часа, многое не успели вывезти и уничтожили на месте. Изобретатель просил дать ему в Ораниенбауме строение размером пятьдесят на двадцать футов и восемь других покоев, отапливаемых ежедневно. Еще он просил отпустить лес и вернуть людей, отправленных из Воронцова в Нижний Новгород с обозом.

5 октября 1812 года Аракчеев доложил Александру, что в аптекарских складах Петербурга нужного количества купоросного масла нет. Но известно, что оно имеется у купца Таля по цене пятьдесят рублей за пуд с погрузкой и выгрузкой. «...Г-н Шмит на известное Вашему императорскому величеству употребление требует 200 пуд купоросного масла и 200 пуд листового железа».

Деньги по указанию царя были отпущены.

6 ноября 1812 года, в дни, когда остатки армии Наполеона отступали по ими же разоренной смоленской дороге под непрестанными ударами русских войск, Леппих отослал Александру новое письмо. Он сообщал, что не может прилететь, как обещал, из Ораниенбаума в Петербург вследствие мороза и из-за баллона, в котором от непогоды и длительных перевозок образовались дыры. И еще газ уходит через неприметные отверстия.

Вскоре Аракчеев направил в Ораниенбаум адъютанта Тизенгаузена, который ознакомился с работой господина Шмита и пришел к выводу, что предложения оного основательны.

Ноябрьский ветер гнал струи снега. Изредка мутная пелена рассеивалась, и тогда была видна пятнистая гладь замерзшего залива, низкий хмурый берег Кронштадта.

Над двором мотался аэростат, удерживаемый веревками на высоте нескольких сажен. В гондоле аэростата маячила взъерошенная фигура Леппиха. Откидываясь всем телом так, что подбородок нацеливался в небо, он изо всех сил махал крыльчатыми веслами. Устав, перевешивался через край гондолы и спрашивал, не появлялась ли слабина у веревок, пока он греб.

Мастер Федот отрицательно мотал головой. Леппих требовал подтянуть аэростат к земле, отсоединял от гондолы весла, бежал с ними в мастерскую и переделывал.

Потом снова, с посиневшим от стужи лицом, лез в гондолу, аэростат вновь поднимался над крышами Ораниенбаума, и снова изобретатель до полного изнеможения махал крыльчатыми веслами.

Поразмыслив, Леппих перенес крепления весел из гондолы к середине аэростата, построил дополнительные рычаги.

Федот стоял у веревки, удерживающей аэростат в воздухе, тянул ее, но как бы сильно Леппих ни греб — натяжение веревки не уменьшалось. Леппих снова требовал опустить аэростат и снова уходил в мастерскую.

— Одному против такого ветра не выгрести, — бормотал Федот. — Лодку против течения, ежели не идет, бечевой тянут. — Федот навалился плечом на веревку и попытался тянуть аэростат против ветра. — Ого! Тут разве лошадь ломовая справится...

Прошел год.

20 ноября 1813 года генерал-майор Вындомский донес рапортом Аракчееву, после посещения Ораниенбаума, что господин Шмит по нескольку раз в день поднимается в шаре на привязи, но тафтяные крылья оказались слабыми, и сколько Шмит ни бьется, сила крыльев не увеличивается. В заключение генерал заявил, что шар если и полетит, то только по воле ветра, и что Шмит шарлатан и ничего не понимает в рычагах.

К концу 1813 года работы по созданию аэростата были свернуты. Из имеющегося донесения и Аракчееву известно, что механик Шмит 25 февраля 1814 года уехал в Вюрцбург.

Так закончилась первая в истории попытка создать управляемый аэростат.

Вероятно, где-то во французских архивах хранятся документы о попытке построить нечто подобное и во Франции. Неизвестно, как проводились работы, но одно ясно: и они обязательно должны были закончиться неудачей.

В те годы аэростаты уже поднимались в воздух. Но они не могли передвигаться в желаемом для человека направлении. Пройдет еще более полувека, пока отец русской авиации Николай Егорович Жуковский твердо заявит о том, что человек полетит не силой своих мускулов, а силой своего разума. А тогда по примеру лодок и галер хотели и на воздушных кораблях использовать человека в качестве двигателя. Не знали еще, что одним из главных критериев применимости двигателей на транспорте, особенно воздушном, является так называемый удельный вес двигателя: сколько килограммов собственного веса двигателя приходится на единицу его мощности.

Создатель первого в мире самолета Александр Федорович Можайский сумел построить паровую машину с удельным весом 8 килограммов на лошадиную силу. Но и при таком весе самолет его мог летать только горизонтально, любая попытка набрать высоту привела бы к потере скорости и падению, что и произошло при втором испытании самолета.

И если даже допустить, что Леппих осуществил бы свой проект и аэростат поднялся бы в воздух, не трудно понять, что все усилия сорока гребцов аэростата были бы напрасны. Аэростат все равно стал бы игрушкой ветра. Такая же участь постигла, видимо, в те годы и французских воздухоплавателей.

Но не стоит посмеиваться над усилиями изобретателей прошлого, — они шли не по проторенному пути. В смелых догадках и мыслях, в своих, казалось, безумных попытках они нередко предвосхищали будущие открытия.

В проекте аэростата, строившегося в 1812 году в селе Воронцове, были заложены основные принципы дирижабля полужесткой системы. Впервые такой дирижабль был построен во Франции 90 лет спустя. В сетке же, охватывающей оболочку аэростата, нетрудно увидеть прообраз «грузовой цепной сети», которая применяется на современных мягких американских дирижаблях типа «блимп», хорошо показавших себя в длительной эксплуатации.

А неудача... Что ж, из таких неудач, горьких и неизбежных, вырастало величие научно-технической мысли современного человечества.

«В НАРОДЕ БЕЗ ЖЕЛЕЗА, КАК ПРИ ОБЕДЕ БЕЗ СОЛИ»

Этими афористическими словами начинается записка Герасима Раевского, поданная Петру Первому в 1714 году. В записке содержался проект государственной монопольной торговли железом по образцу уже испытанной тогда соляной монополии.

В народной речи таких метких изречений о важности и значении железа в человеческом обиходе встречается много.

В пословицах и поговорках всех народов мира железо отмечается, прежде всего, как мерило необычайной прочности.

Если ты настоящий человек, будь крепким как сталь (*киргизская*).

Терпеливый даже железо разорвет (*татарская*).

Старательный горы свернет, старанье железную веревку оборвет (*узбекская*).

Правдивое слово и железо пробьет (*азербайджанская*).

Крепок, как стальной меч (*японская*).

Человек прочнее железа, тверже камня, нежнее розы (*турецкая*).

Сколько ни бей по железу, ему все нипочем (*азербайджанская*).

Но ничто не вечно в этом мире. Даже прочнейшее железо. И тогда говорят арабы: и железо рассыпается в прах.

Есть у железа страшный враг — ржавчина. К чему она приводит, как с ней бороться — и об этом говорит народная мудрость.

Человека губит горе, железо портит влага (*турецкая*).

Сердца ржавеют, как ржавеет железо (*арабская*).

Береги железо от ржавчины, а одежду от моли (*азербайджанская*).

Коль меч не чистить, на нем ржа появится (*тамильская*).

Пока железо в работе, его и ржа не берет (*азербайджанская*).

Последнюю пословицу уместно дополнить двумя старинными афоризмами:

«Жизнь человеческая подобна железу. Если употреблять его в дело, оно истирается; если не употреблять, ржавчина его съедает» (*Катон Старший*).

«Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет» (*Леонардо да Винчи*).

Железо железу рознь. И эта мысль также проходит в народных изречениях.

Железо и сталь выходят из одной печи: одно становится мечом, другое — подковой осла (*таджикская*).

Из плохого железа меча не выковать (*турецкая*).

Сталь, да не на ту стать (*уральская*).

Из гнилого хлопка не будет бязи, из ржавого железа не выкуешь меч (*азербайджанская*).

Хорошее железо не ржавеет, хороший родственник не забывает (*калмыцкая и монгольская*).

Но, пожалуй, наибольшая группа народных изречений о железе посвящена кузнецу и его ремеслу. Из пословиц и поговорок разных народов можно составить целую технологическую инструкцию по кузнечному делу. Помимо меткой образности изречений, обобщающих различные явления жизни и сохраняющих обычно назидательный смысл, эти народные высказывания очень точно подмечают и технологические детали кузнечного ремесла.

Дело — знатоку, железо — кузнецу (*амхорская*).

Железо само не станет мягким (*корейская*).

Холодное железо незачем ковать (*сербская*).

Не гретое железо не согнешь (*украинская*).

Только огонь делает железо мягким (*горская*).

Куй железо, пока горячо (*русская, болгарская, турецкая, киргизская, индонезийская и др.*).

Куешь железо — не жалей угля; растишь сына — не жалей еды (*китайская*).

Кузнец орудует щипцами, чтобы не обжечь руку (*чеченская*).

Охладить щипцы еще не значит закончить ковку (*суахили*).

«Или от угля, или от железа», — говорит плохой кузнец (*узбекская*).

И наковальня виновата, коли ковка плоха (*финская*).

Виноват и кузнец, и уголь (*финская*).

Кто хороший серп скует, того смело называй кузнецом (*финская*).

С кузнецом не положено на «ты» говорить (*финская*).

О времени появления некоторых пословиц можно сказать довольно точно.

В древнем мире Индия была настолько известна на Востоке своими изделиями из стали, что у персов в разговоре о чем-нибудь излишнем и ненужном бытовала поговорка: в Индию сталь возить.

История болгарского города Самоков в середине века была тесно связана с производством железа. Тамошние кузнецы ковали изделия замечательного качества, и в Болгарии появилась поговорка: чистая работа как самоковское железо.

В древней Японии жил знаменитый оружейный мастер Масамунэ. Мечи его работы ценились очень высоко. В разговоре о чем-нибудь нелепом японцы стали говорить: мечом, изготовленным Масамунэ, резать редьку.

Народные изречения нередко обогащает юмор.

Урезонить сварливую жену — все равно, что ковать остывшее железо (*Шотландия*).

Хочет купить одну иголку, а спрашивает почем пуд железа (*армянская*).

О потерянном топоре всегда говорят, что он был сделан из хорошего железа (*корсйская*).

У чужой скотины железные кости (*арабская*).

Щи старого холостяка железом пахнут (*финская*).

Кто не пробовал людского кулака, свой считает железным (*азербайджанская*).

Заруби деревом на железе (*русская*).

Обычно все народные изречения славятся своей ясностью и понятны всем. Но встречаются и такие, над смыслом которых надо подумать. Что, например, означают эти русские пословицы из словаря В. Даля:

Что зубы ощерил? Аль железо увидел?

Жарко ковать — холодно торговать.

Собрал **Н. МЕЗЕНИН**

●

Иван КОЛОС

Рисунки Ю. Ефимова

ДЕСАНТ ВЫБРОШЕН

Рассказывает бывший разведчик

Наш гость — гебитскомиссар

Из Москвы поступил приказ: тщательно разведать район города Турова. По данным, которыми располагало наше высшее командование, гитлеровцы здесь строили вторую линию обороны.

В Туров я послал опытного разведчика Сергея Васильева. У него были там свои люди, и он уже не однажды пробирался ночью в город, добывая нужные сведения.

Но на этот раз ему не повезло: его обстреляла немецкая охрана, и он вынужден был вернуться. Тогда мы снабдили одного из партизан подложными документами на немецком языке, и он прошел в город «легально», встретился там с комсомолкой Олей Саевич и узнал от нее, что в город два дня назад прибыло около семисот эсэсовцев и полсотни полицейских.

В городе, по словам Саевич, появился какой-то странный гебитскомиссар. Придет к нему женщина, попросит паек — он напишет записочку, по-русски скажет: «Пожалуйста, получите», а затем примется расспрашивать о партизанах да еще с похвалой о них отзовется.

Это было неслыханно! Я больше года находился в тылу врага, многое видел, но такого еще не встречал. Дал подробную радиограмму в Москву. В ответ пришло: «Работайте». На нашем языке это значило: взять гебитскомиссара под постоянное наблюдение, поближе с ним познакомиться и, если удастся, заставить работать на нас.

Продолжение. Начало в № 11.

Однажды ночью мы вызвали Олю Саевич в партизанский лагерь, и я предложил ей сходить «на прием» к этому гебитскомиссару:

— Попроси у него паек, вступи в разговор и попытайся понять, что это за тип...

Оля вначале растерялась. Она долго молчала. Но, подумав, согласилась:

— Хорошо. Я понимаю, что, кроме меня, некому...

Разведчики проводили ее до опушки леса, а дальше, полем, она шла до города одна. В городе на перекрестках стояли часовые, по улицам ходили патрули, всюду сновали эсэсовцы. Оля приблизилась к немецкой комендатуре. Часовой потребовал пропуск.

— Нету,— громко ответила Оля,— нету пропуска...

— Цурюк!..— часовой наставил на нее автомат.

Разведчица отступила назад и еще громче пустилась объяснять часовому, что ей непременно нужно пройти к гебитскомиссару.

В это время в дверях появился седой, высокого роста офицер без фуражки.

— Ты, девушка, ко мне? — спросил он по-русски.

— Мне нужно к господину гебитскомиссару...

Офицер что-то сказал по-немецки часовому, тот отступил в сторону. Оля прошла за офицером в кабинет.

— Ты зачем пришла?

— Да я, господин гебитскомиссар, вот зачем...— плаксиво начала Оля.— В городе нет никаких продуктов, а говорят, что вы можете выписать паек...

— Почему это я тебе должен выписать паек? Как ты жила до сих пор?

— Были кое-какие тряпки, я их меняла в селах на хлеб. Больше ничего не осталось...

— Где живешь?

— На Подгорной, двадцать пять.

— С кем?

— Мать, братишка...

— А до войны что делала?

— Училась.

Немец расспрашивает и что-то записывает. На столе — два полевых телефона. То один звонит, то другой.

— Как тебя зовут?

— Оля.

— Оля... Ну-ка, Оля, садись! — Он пристально посмотрел на разведчицу.— Скажи, кто тебя прислал ко мне?

— Никто не присылал, сама пришла. Когда есть нечего... И люди о вас хорошо говорят...

Гебитскомиссар еще раз, что-то прикидывая в уме, оглядел Олю с ног до головы.

— Ну, что же, я тебе помогу,— и написал записку.— Знаешь, где получить?..

— Нет, не знаю...

— Вон там склад,— он показал в окно рукой.

Разведчица взяла записку, пошла к двери и вдруг:

— Нет, подожди! Посиди еще...

Немец прошелся по кабинету, посмотрел в окно, затем подошел к Оле, пристально взглянул ей в глаза и снова спросил:

— Так тебя, значит, никто ко мне не присылал?

— Да что вы, господин гебитскомиссар!..

— На какой, говоришь, улице ты живешь?

— Подгорная, двадцать пять...

— А про партизан что-нибудь знаешь?

Оля секунду соображала.

— Заходят на окраину... Сама я их, правда, не видела,— люди говорили.

— Как часто заходят?

— А вот, говорят, дней пять назад были утром на нашей улице...

— Как! — поразился гебитскомиссар. — На улице?!

— Да я как слышала, так и говорю вам!

Офицер быстрее зашагал по кабинету, разнервничался, снял телефонную трубку... С кем-то долго говорил, но слова «партизанен» ни разу не упомянул. Повесил трубку и — опять:

— Значит, говоришь, ходят по улице?.. Ай-ай! А в лесу их много?

— Говорят, много.

Гебитскомиссар положил на плечо девушки руку.

— Если тебе еще понадобится моя помощь — приди, я снова выпишу паек. Но у меня к тебе тоже есть просьба... Только никому ни слова! Договорились?

Оля кивнула, глядя гебитскомиссару прямо в глаза.

— Слушай внимательно: когда в следующий раз появятся на вашей улице партизаны, ты дай мне об этом знать.

Оля вздрогнула. Вскочила со стула.

— Господин гебитскомиссар, я не могу!.. Спасибо, что помогли, а такое...— Оля заплакала.— Мне и пайка вашего не надо! Вы не знаете, какие они — партизаны!..

— Какие же?

— Да ведь они меня потом повесят за предательство!

— Нет, нет, ты меня не так поняла,— стал ее успокаивать гебитскомиссар.— Я не сделаю им плохого. Мне только надо знать, когда они придут снова.

Оля долго отнекивалась, но в конце концов согласилась:

— Ладно, господин гебитскомиссар, я для вас сделаю!

— Только обязательно, Оля. Подойдешь к комендатуре, крикнешь часовым: «Кинд!» — и тебя пропустят ко мне.

Ночью Оля передала нам все подробности своей встречи с гебитскомиссаром.

Я, помню, сидел и думал: было ли подобное в моей практике разведчика? Нет, не было. Приходил к нам для переговоров лейтенант немецкой армии. Два солдата перешли. Но этот ведет себя донельзя странно... Ну что ж, если он решил познакомиться с партизанами, мы ему поможем!

Договариваемся с Олей: она вернется в город, а мы на рассвете вышлем к окраине группу партизан. Пусть постреляют, наделают шуму.

К рассвету восемнадцать конников подъехали к городу, спешились, сняли немецкую заставу и открыли такой огонь, что гитлеровцы подняли весь свой гарнизон. Оля побежала к гебитскомиссару. Услышав пароль, часовой пропустил ее. Вбежала в кабинет запыхавшись:

— Партизаны!

— Да, да,— закивал гебитскомиссар,— мне уже сообщили из гарнизона..

Взволнованный ходил он по кабинету.

— А ты их видела?

— Нет,— ответила Оля.— Как начали стрелять, я тут же к вам...

— О, ты девушка хорошая,— сказал ей немец.— В следующий раз, когда появятся партизаны на вашей улице, постарайся связаться с их командиром. Скажи ему, что я хочу с ним говорить.

Оля не ожидала такого поворота дела.

«Не провокация ли? — подумала разведчица.— Скорее всего, он уже догадался о моей связи с партизанами. Плохо я сыграла».

Но отступать было поздно.

Я дал радиограмму, указал точные сведения о гебитскомиссаре: Зустель, 54 года. Изложил кратко его разговор с нашей разведчицей. Из Москвы последовал приказ: «работайте». Это означало, что встреча с гебитскомиссаром должна состояться.

...Запыхавшаяся Оля снова стоит перед гебитскомиссаром.

— Ну, встретилась с командиром?

— Встретилась. Но так перепугалась, что думала — уж не вернусь...

— Как же тебе это удалось?

Оля рассказывает:

— Когда крикнули на улице: «Партизаны!» — я выбежала со двора... А навстречу мне — четверо. Наставили автоматы: «Руки вверх! Ты куда это, красавица, бежишь?...»

— Ну, и что? — перебил разведчицу гебитскомиссар.— Сказала ты командиру о моей просьбе?

— Сказала... Будут вас ждать послезавтра в 12 часов дня, в восьми километрах от города. Там такое урочище...

Гебитскомиссар вроде бы расстроился, стал быстро ходить по кабинету. Наконец остановился.

— Скажи, Оля: ехать мне или нет?

— Да уж я не знаю...

И он решился:

— Хорошо, поеду.

Мы все еще не знали, с кем имеем дело: с матерым разведчиком или честным немцем, решившим бороться против авантюрной политики Гитлера. А может быть, просто провокатор? Если он надумал встретиться с нами для того, чтобы обвести нас вокруг пальца, то за ним придут все семьсот эсэсовцев, бронетранспортеры... А, с другой стороны, этот гебитскомиссар, знающий русский язык, только что прибыл из Берлина — такая фигура представляла для нашей разведки несомненную ценность.

Операцию мы продумали до мельчайших деталей. К месту встречи подтянули конный отряд, устроили засаду.

Я приехал немного раньше назначенного срока. Со мной был ординарец Саша.

— А может, товарищ командир, соорудим шалашик? Интереснее как-то будет,— предложил он мне.

Пока партизаны под его руководством делали шалаш, я еще раз проверил, как действуют наши «глаза» и «уши». По левую сторону от грунтовой дороги расположились три десятка автоматчиков, по правую — столько же. Я послал ординарца с приказом командиру одного из отрядов, чтобы он тоже был наготове. Это — еще двести человек. Если гитлеровцы двинутся на нас, мы сумеем их встретить.

Когда был готов шалаш, подошел Васильев — командир роты разведки — и предложил вести переговоры вдвоем. Но потом мы решили, что без свидетелей немец будет себя чувствовать увереннее.

За тридцать минут я отдаю приказ — все по местам. Один партизан залез на большую сосну, чтобы с нее наблюдать за дорогой.

Семен Шукалович достал из кармана пачку папирос и протянул мне. Я даже удивился: это была пожелтевшая пачка «Красной звезды» довоенного образца. Она, видно, уже побыла в воде. Чтобы угостить гитлеровца, ребята высушили папиросы на костре и передали Шукаловичу, своему командиру, чтобы тот в свою очередь передал мне.

Я взял папиросы: в самом деле, надо же чем-то угостить гебитскомиссара.

И тут мой Саша опять предлагает:

— Товарищ командир, а может, мы его — чайком партизанским?.. Мы тут приготовили.

Я не сразу понял, о каком он чае говорит, а расспрашивать было некогда.

— Если понадобится,— говорю,— я тебе сигнал дам.

Все удаляются. Проходит еще минут десять-пятнадцать. Вдруг вижу сигнал партизана, который на дереве сидит: немец едет!

Вскоре на повороте и в самом деле показался гитлеровец. На пегой лошади, седло из красной кожи. Фуражка новенькая, козырек блестит. Подтянутый такой. Подъехал, соскочил с коня, прищелкнул каблуками и по-русски спросил:

— Можно вашего командира?

— Я,— говорю,— командир.

Он осмотрел меня с ног до головы. Уже после, когда мы разговорились, он признался, что ожидал встретить генерала с бородой.

Я пригласил немца в шалаш. Он вошел, осмотрелся, снял фуражку. Тут же полез в карман, вынул обернутую в целлофан пачку сигарет. Я достал «Красную звезду».

— Господин гебитскомиссар, что вас привело сюда?

Он встал с чурбака, на котором сидел, снова сел и ответил:

— О, понимаю ваш вопрос... Видите ли, мой отец и я — антифашисты. Да, да, антифашисты!

Он несколько раз, как заклинание, повторил слово «антифашисты» и продолжал:

— Когда Гитлер пришел к власти, мы знали, что он приведет Германию к катастрофе. Но мы не могли широко вести работу...

Гебитскомиссар делал глубокие затяжки — и говорил, говорил. Я молча слушал.

— Знаете, когда он бросил войска на Россию, я работал у себя на ферме, выращивал овощи. Семь месяцев назад меня забрали в армию. Тогда-то я окончил офицерскую школу интендантов. Здесь до меня был молодой гебитскомиссар, его отправили на фронт, а я прислан ему на замену. Когда приехал, прямо скажу,— просто своим глазам не поверил, увидев, что тут творили эсэсовцы...

Я не сомневался, что передо мной сидит разведчик. Но до чего же примитивно он действовал. Антифашист... Что он нас, за простаков принимает?

Он рассказал, что у него сын и зять погибли под Вязьмой. Дома остались жена и дочь с детьми. От них он последнее время не получает писем, видимо, перехватывают партизаны...

Затем он сказал, что с самого начала, как только приехал в этот город; старался связаться с партизанами, но женщины, которые к нему приходили за пайком, отказывались вести какие бы то ни было разговоры на эту тему. И только Оля... Сказал — и вопросительно посмотрел на меня. Я промолчал, решив про себя, что гебитскомиссар и без того уж догадался, кто такая Оля. Но одно дело догадываться, а другое — знать наверняка.

— Конечно, все это слова,— продолжал гебитскомиссар,— но я хочу доказать делом, что я настоящий антифашист!

— Каким же,— спрашиваю, — делом? Собираетесь помочь нам оружием, продовольствием?

— Увы, оружием я вам не помогу. К нему имеют доступ только эсэсовцы. Что же касается продовольствия, то оно — в моем ведении.

— Что ж,— говорю,— продовольствием, так продовольствием. И еще нам нужны медикаменты.

— О, нужно подумать,— ответил Зустель.

— Скажите: сколько эсэсовцев в городе?— спросил я.

Зустель сдвинул брови.

— Кажется, шестьсот или шестьсот пятьдесят...

— Семьсот,— уточнил я.

— О, вы лучше знаете.

— А сколько бронетранспортеров?

— Два.

— Нет, четыре.

— Вы извините, но я сейчас не готов к ответу,— сказал Зустель.— Если вас интересуют эти сведения, я их вам подготовлю позднее.

— Ну, как же вы нам доставите медикаменты?

— О, пусть придет ко мне ваша девушка! Через нее и передам медикаменты.

«Ваша девушка»!

— Мы пришлем к вам Олю,— сказал я.— И еще одно дело, господин гебитскомиссар. Вам, конечно, известно, что в городе есть продовольственный склад для эсэсовцев? Так вот, мы этот склад скоро заберем. Разгромим его.

— О, как вы его разгромите?

— А помните, как мы картофель раздали населению?

— Это вы сделали красиво,— улыбнулся Зустель.

А было так. Гитлеровцы награбили у населения 12 тысяч тонн картофеля. Подвезли его на берег Припяти, решили погрузить в баржи и по Днепро-Бугскому каналу доставить в Брест, а оттуда — в Германию.

Об этом узнали наши разведчики. Мы послали туда отряд, разбили охрану и быстро раздали весь картофель населению.

— О, это было красиво сделано! — повторил Зустель.

— Вот так и склад разобьем и все из него заберем!

— Нет, командир, я предлагаю сделать иначе,— сказал Зустель.— Я мобилизую шесть-семь гражданских повозок, погружу на них консервы, муку, галеты и отправлю, как картофель, на берег реки. А вы сделайте засаду и — цап-царап!

Мы договорились о времени.

Зустель снова закурил.

— Господин гебитскомиссар, насколько мне известно, вы два месяца, как из Германии...

— О да, я служил интендантом на складах немецкого генерального штаба в Бернау.

Я спросил, через какие города он проезжал, какие воинские части, какую военную технику видел. Попросил изложить все это на бумаге и при следующей встрече передать мне.

— Хорошо, я все это сделаю,— кивнул Зустель и беспокойно посмотрел на часы.

— Вы спешите?

— Да. Я сказал эсэсовцам, что поехал на прогулку, и теперь мне пора возвращаться.

— Мы вас не задерживаем, можете ехать.

— Да, да.

Он направился к своему коню. Из седельной сумки достал бутылку вина с яркой этикеткой. Вернулся в шалаш, поставил на чурбак две целлулоидные охотничьи рюмки...

— Ну, командир, выпьем за дружбу!

Я не стал отказываться, но предложил другой тост:

— За дружбу пока пить рано, а для начала выпьем за дела. У нас так заведено: сначала дела, а потом — дружба...

Выпили. И тут невольно пришло на ум: гебитскомиссар угощает партизанского командира вином, неудобно оставаться в долгу. Я вспомил, что Сашка предлагал какой-то «партизанский чай». По сигналу, как из-под земли, появился мой ординарец. У Сашки был очень внушительный вид: на ремне висели пистолеты различных марок и калибров, гранаты. Зустель при появлении его даже привстал.

Лихо козырнув, Сашка доложил:

— Товарищ командир, прибыл по вашему приказанию!

Уловив мой взгляд, быстро расстегнул пояс, снял помятую солдатскую флягу и стал разливать содержимое в две жестяные кружки.

Запахло самогоном.

— Крепкий? — спросил я у Сашки.

— Первач, товарищ командир!

Через несколько минут гебитскомиссар встал, с трудом нахлобучил на голову фуражку, и, попрощавшись, вышел из шалаша. Сашка помог ему сесть на коня.

«Как он поедет в таком виде? — встревожился я.— Еще попадется на глаза эсэсовцам».

Но через два дня Оля передала нам, что с гебитскомиссаром все в порядке. А на третий

день, как мы условились, в двенадцать часов дня, Зустель снова приехал на встречу.

Потом он приезжал к нам еще несколько раз. Но однажды он сообщил, что поступил приказ о переводе его на службу в Германию. Об этом я немедленно дал знать в Москву и получил приказ подготовить нашего разведчика Алексея Селезнева, хорошо знавшего немецкий язык, для поездки с гебитскомиссаром в глубь Германии.

Гебитскомиссар принял мое предложение и взялся подготовить для Алексея документ.

Когда в апреле сорок пятого года мы вошли в Берлин, я снова встретился с Зустелем на его хуторе под Магдебургом. Он сильно постарел. Но по глазам его — живым и веселым — я видел, что он очень рад нашей встрече. Он сразу, чуть ли не с порога, принялся рассказывать мне, как они «работали» с Алексеем Селезневым: сам Зустель разъезжал по городам, собирал различные сведения военного характера, а Алексей, живший все это время у него на хуторе, передавал их по радио советскому командованию.

— Знаете, командир,— сказал мне, смеясь, Зустель.— Я часто вспоминаю нашу первую встречу в лесу. И никогда не забуду тот «партизанский чай»: после него я два дня не мог работать...

Потом я еще несколько раз встречался с товарищем Зустелем, членом Социалистической единой партии Германии, настоящим антифашистом.

Вино на фамильном подносе

Часа в три ночи мы верхом подъехали к Мерлинским хуторам. Из темноты нас окликнули. Калинин назвал пароль. К нам приблизились смутные силуэты людей.

— Товарищ командир, это вы?

— Я, Овсянчук, я! Со мной капитан Колос и его разведчики.

Овсянчук доложил обстановку, и мы, спешившись, прошли к шалашу. Посреди шалаша, в глубокой яме, горел костер. Вокруг огня сидели партизаны.

Посовещавшись, решили так: Калинин с десятью разведчиками отправится на хутор, в штаб одного из отрядов, а я решил дождаться посланных в Лунинец двух своих ребят.

Уже начало светать, когда раздалось несколько отдаленных выстрелов. Затем, через короткий промежуток стрельба возобновилась. Я с разведчиками прошел вперед, на выстрелы, и метров через двести увидел каких-то людей в окружении конвоировавших их партизан.

— Шараев! — окликнул я.

Шараев узнал мой голос.

— Товарищ капитан, это цыгане! Вести их к заставе или здесь допросим?

— Ведите!

Старшему из цыган лет шестьдесят. Весь обросший, черный. С ним мужчина помоложе, четыре девушки и пять старых цыганок. Немного погодя привели еще шестерых.

Старый цыган сперва посматривал исподлобья, недоверчиво. Но потом разоткровенничался и рассказал от начала до конца всю историю, приключившуюся с его семьей. Это была удивительная история. Старик плакал, рассказывая ее. Да и мы с трудом сдерживали охватившее нас волнение.

...Цыганам все равно, для кого петь и плясать. Лишь бы людям было весело и хорошо. Когда в Польше хозяевами были поляки, цыгане веселили поляков, пришли гитлеровцы, стали выступать перед гитлеровцами. Но скоро понял старик цыган, что эта публика особенная.

— Они нас не считали за людей. Если ты цыган — значит, тебя можно ударить ни за что или даже застрелить, как собаку. Многих наших братьев фашисты расстреляли только за цыганскую кровь.

Старый цыган не разбирался в политике, но когда один поляк попросил его узнать кое-что о немцах, перед которыми должен был выступить цыганский ансамбль, старик согласился. Он узнал, все что было нужно, и передал поляку. Потом этот поляк обратился к старику с новой такой же просьбой. Ансамбль выступал в разных местах — и в офицерских клубах, и в ресторанах, и даже в воинских частях...

— Но, видно, попали мы под подозрение,— продолжал свой рассказ Абауров (так звали старика цыгана).— Арестовали они меня и моих детей, бросили в тюрьму...

Как-то вечером пришли в камеру офицер и четыре солдата. Цыгане лежали на соломе.

— Встать!

Цыгане встали. Пошли за офицером. Сзади — солдаты с автоматами. У подъезда ждала машина. Улицы Кракова были безлюдны и мрачны. Мрачно было на сердце у старого цыгана: думал, на расстрел везут. А привезли на квартиру к какому-то высокому чину. В просторной комнате сидели за столом офицеры и пили коньяк.

Абауров попросил у меня махорки. Я ему насыпал. Он набил трубку, затянулся и продолжал:

— Мы пели и плясали перед этими офицерами, а потом хозяин квартиры велел отвезти нас обратно в тюрьму. Всех, кроме моей красавицы дочери Юнки. Он хотел оставить ее у себя. Но Юнка не хотела оставаться и, вырываясь, ударила офицера по щеке. Юнку связали, потащили в соседнюю комнату. А нас, остальных цыган, прикладами загнали в угол. И тут в квартиру вошли еще пятеро офицеров в эсэсовской форме. Хозяин квартиры показал им рукой на нас:

— Расстрелять!

Цыган вывели на лестничную площадку. С поднятыми руками они спустились вниз. Только дочка Абаурова, Юнка, осталась наверху. Выйдя на улицу, Абауров оглянулся и вдруг увидел, что охраны никакой нет! Это было так неожиданно, что все как-то растерялись.

Надо было бежать, а цыгане топтались на месте и ошалело смотрели друг на друга.

А потом послышались шаги на лестнице и бежать было уже поздно. «Все равно поймают»,— решил Абауров. Но каково же было удивление цыган, когда они увидели хозяина квартиры и его друзей офицеров со связанными руками. Их вели под конвоем те пятеро эсэсовцев, которым было приказано расстрелять цыган!.. «Уходите скорее из Кракова!» — сказал Абаурову один

эсэсовец по-польски. «А Юнка, где моя Юнка?» — спросил Абауров.— «Уходите! — сказал снова тот же эсэсовец.— Юнка догонит вас». Смотрит Абауров: вон она, Юнка, сбегает вниз, бросается к отцу на шею... Потом цыгане долго шли на восток, и вот встретились с нами.

...Мне надо было срочно выехать к Припяти — там готовилась очередная засада. Операция прошла удачно: партизаны захватили две автомашины, тринадцать лошадей, восемь повозок. Когда же я вновь возвратился в Мерлинские хутора, мы продолжили с Абауровым разговор, и старый цыган сообщил мне ценные сведения о скоплениях немецких войск в районе Давид-Городка. Было ясно, что немцы продолжают укреплять свой второй эшелон и готовят широкую операцию против партизан.

На следующее утро я зашел к цыганам. Надо было что-то с ними решить: ведь не могли же мы оставить их в лагере.

Увидев меня, все цыгане, что находились в хате, разом поднялись и поприветствовали меня поклоном. А старик Абауров с торжественным видом взял со стола серебряный поднос, на котором стоял наполненный вином бокал.

— Выпейте, командир!.. Этот поднос гравировал мой старший брат, это наша семейная реликвия.

Узоры на подносе действительно были замечательные. Ручная работа настоящего художника.

— Где же он теперь, ваш брат? — спросил я.

— В России остался, — сказал старый цыган. — Давно это было...

— За ваше здоровье,— сказал я и выпил вино.

В штабной хате на длинных скамейках сидели в поддевках, шинелях и бушлатах командиры отрядов и внимательно слушали разбор очередной операции.

В углу отстукивал свои точки-тире радист в наушниках. Он держал связь с Большой землей. Калинин раскрыл самодельную карту, на которой были нанесены населенные пункты района действий бригады.

— Судя по всему,— сказал он,—немцы начнут наступление со стороны Лунинца. Следовательно, смотреть нужно в оба. Товарищ Шуканов! — со скамьи поднялся высокого роста командир.— Вы со своим отрядом возьмете под контроль дорогу Давид-Городок — Туров. А вы, товарищ Герасименя, — подходы к реке Припяти.

Вдруг в хату вбежал начальник заставы Николай Овсянчук:

— Товарищ командир, Симанчук погиб! Карпюк ранен...

Группа Карпюка ночью вела бой с гитлеровцами. Около трехсот солдат и полицаев вышли к реке и уже подготовили переправу.

— Где Карпюк? — спросил Калинин.

— В лазарете, товарищ командир! Поймали типа, который убил Петю Симанчука.

В хату ввели смуглолицего мужчину. Едва взглянув на его лицо, я узнал в нем одного из цыган.

— Все ясно,— сказал Калинин.

— Нет, Сергей,— с сомнением возразил я.— Тут надо еще разобраться. Пускай этого типа отведут пока в землянку.

Вскоре мы выдвинулись к реке. Калинин посмотрел в бинокль, затем передал его мне. Я увидел на противоположном берегу эсэсовцев на бронетранспортерах. За ними — колонна автомашин.

— Товарищ командир, смотрите, смотрите!— закричал один из партизан.

На противоположном берегу одна за другой взвились в воздух зеленые ракеты, и бронетранспортеры один за другим начали спускаться с берега в воду.

Вскоре у деревни завязался бой. Он длился около часа. Гитлеровцы не ожидали сильного сопротивления. Потеряв около тридцати солдат и полицаев, они отошли снова за реку, в сторону Лунинца.

А мы с Калининым вернулись в Терашковичи, в штаб, и допросили человека, убившего Петю Симанчука. Он был немецким агентом и успел собрать обширную информацию. Этой ночью он намеревался во время схватки незаметно перебежать к немцам, но ему помешал Симанчук.

Как выяснилось, он присоединился к табору по дороге, в лесу: сказал, что немцы вели его на расстрел, но ему удалось бежать. Абауров поверил этой легенде и принял незнакомца в свой табор.

Агенты и контрагенты

Необходимо было узнать день начала операции «Винтер». С этой целью я направил одного разведчика в Туров, а сам пробрался в Пинск и пробыл там некоторое время под видом работника молокозавода. В Пинске мне рассказали о некой Любови Федоровне Красик, симпатичной блондинке, работавшей сначала парикмахером, а затем переводчицей в комендатуре. Она часто бывала на квартире у самого фон Штрауса. Я попросил наших людей устроить мне с этой женщиной встречу.

Короче говоря, выяснилось, что Любовь Красик работает по заданию нашей разведки. Перед войной она была учительницей, жила недалеко от границы и не успела эвакуироваться.

Мы установили с ней тесную связь. Люба почти ежедневно стала передавать нам важные сведения, а однажды сообщила, что Штраус собирается заслать ее в партизанскую зону.

— Само по себе задание несложное,— сказал ей Штраус. — Главное — это переправиться через реку...

Красик привстала, сделала вид, что очень напугана. Разговор происходил за бокалом вина, в непринужденной форме. Штраус неплохо владел русским языком.

— Вы скоро вернетесь назад,— успокоил он Любу.— Дело в том, что все сведения должны быть доставлены нам не позднее десятого ноября.

— Понимаю...

Эсэсовец вынул из сумки заранее приготовленные документы и вручил их Красик.

— Вот ваша биография. А здесь — история вашего случайного появления в партизанской зоне. Легенда, на мой взгляд, составлена очень правдоподобно. Только выучите все это наизусть, покрепче, так, чтобы разбудили вас среди ночи, и вы могли тут же ответить на любой вопрос!..

— О, конечно, герр Штраус.

— Завтра вам помогут перейти через реку.

— Уже завтра?..— притворно ужаснулась Люба.— Когда же я успею все это выучить?

Штраус поднял на нее холодный, неумолимый взгляд:

— Это ваше дело — когда.

На следующий день к нему зашел майор Гольдке. Выслушав доклад, Штраус принялся его расспрашивать о работе агентов.

— Что с Кордовичем?

— Неосторожность... Партизаны взяли его живым.

— Нельзя ли что-нибудь предпринять?

— Пытались, но пока безрезультатно. Видимо, они его уже допросили, так что теперь уже нет смысла жертвовать ради него людьми.

— Что передал Штэер?

— Пока еще ничего. Видимо, еще не пригляделся...

— Некогда приглядываться, надо действовать! — начал выходить из себя Штраус.— Завтра туда пойдет Красик. Сделаем так, чтобы партизаны ее задержали. Их разведка допросит ее, а затем они предложат ей работать на себя. Пускай работает. Ваше мнение?

Долго эсэсовцы дымили сигаретами, обсуждая план засылки в нашу зону нового своего агента. Зазвонил телефон. Трубку взял Гольдке. Выслушав сообщение начальника охраны, он передал Штраусу:

— Нашелся, наконец, Нагорный. Что прикажете?

— Пусть приведут сюда этого негодяя!

Через некоторое время в комнату вошел бледный худощавый человек с опухшими от беспробудного пьянства глазами. Перешагнул порог, стянул с головы полинявший картуз и, прихрамывая, приблизился к столу шефа. Тот показал ему на стул. Нагорный сел.

— Болен?

— Да, господин подполковник, заболел. Нога...

— Ломит? — сочувственно подсказал Штраус.

— Ужас, как ломит, господин подполковник!

— И когда же ты думаешь пойти на задание?

— Как поправлюсь, так сразу и пойду, господин подполковник...— скороговоркой ответил Нагорный.

— Можешь быть свободным! — раздраженно сказал Штраус.— Иди!

Нагорный поднялся со стула и торопливо подошел к двери. Штраус выстрелил ему в спину.

— Убрать! — брезгливо поморщился он.

Каратели планомерно прочесывали прибрежные леса реки Припять и нередко навязывали партизанам бои. Мы уже около месяца маневрировали, выходя из расставленных нам ловушек. В целях еще большей оперативности и маневренности Калинин решил разбить два своих отряда на мелкие группы.

Командиром одной из групп был назначен Лонго, пожилой, но энергичный партизан. Пришел он в эти края еще в первую мировую войну. Поговаривали, что из Люксембурга или Бельгии. Во всяком случае, откуда бы он ни явился, а партизан он был опытный, район действий знал превосходно и не раз отличился при выполнении заданий.

Каждой группе, насчитывавшей 16—18 человек, отводился определенный район действия. В частности, группа Лонго должна была блокировать грунтовую дорогу Симоновичи — Туров.

Вскоре то тут, то там стали временами ухать взрывы. Ежедневно связные докладывали в штаб о результатах действия групп. И лишь от Лонго не поступало никаких сведений.

Время было напряженное. В последние дни мы потеряли около тридцати человек. Естественно, что мы все переживали за товарищей из группы Лонго: не случилось ли с ними чего?

Однажды Калинин, Дубов и я сидели в землянке и обсуждали план дальнейших действий. Дело было под вечер. В открытую низкую дверь нам была видна поляна, за которой начинался лес. Трава на поляне выгорела, и была вся истерта ногами партизан. А лес стоял изумрудно-зеленый, нетронутый, с густыми раскидистыми кронами деревьев. Мы радовались хорошей погоде, которая не так уж часто баловала нас, но в то же время нас ни на минуту не покидало состояние напряженного ожидания. Мы словно предчувствовали беду...

Неожиданно в дверях землянки, на фоне светло-голубого неба, показалась сухопарая фигура Лонго в плоской кепке. Он легко сбежал по утоптанным земляным ступенькам, подошел ко мне и доложил:

— Уничтожено 40 гитлеровцев и их приспешников!

Комиссар строго спросил:

— Почему не посылали связных? Почему не взорвали ни одной машины?

Лонго достал из полевой сумки капсюль:

— Это уже второй случай!

Капсюль был сломан пополам. Мы взглянули на Лонго.

— Сам ничего не пойму,— сказал он, как бы отвечая на наш немой вопрос.— Заминировали, замаскировали — все, как полагается. Пошли танкетки. Прошли — взрыва нет! Раскопали — капсюль сломан,— он пожал плечами и обвел нас вопросительным взглядом.

— Хорошо, идите! — сказал я.— Получите новые боеприпасы.

Лонго вышел.

А мы принялись внимательно рассматривать оставленный Лонго капсюль. Он был слегка надрезан, а уже после этого сломан. Редкий случай.

Опустив голову на сцепленные руки, задумался о чем-то комиссар Дубов.

— Мне это непонятно,— сказал он наконец.

— Что тебе непонятно? — спросил я.

— Все.

Я снова взял в руки капсюль и стал его рассматривать. И в этот момент зарокотал пулемет. В землянку запыхавшись вбежал Федор Сечко и доложил, что к передовой заставе подошли немцы. Мы мигом выскочили наружу. Калинин приказал своему начальнику штаба отходить с обозом и частью отряда в сторону деревни Тонеж.

Я же с группой разведчиков выдвинулся к заставе, чтобы, в случае необходимости, оказать партизанам помощь и задержать, сколько будет возможно, немцев. Не зная численности наших отрядов, гитлеровцы вели не только пулеметный, но и минометный огонь. Минут на двадцать мы их задержали, а затем начали отходить и вскоре, сманеврировав под покровом ночи, оторвались от них и зашли им в тыл, вернувшись почти на старое место.

Когда вновь были выставлены заставы, ко мне подошел Лонго:

— Разрешите идти выполнять задание?

— Получили боеприпасы? — спросил я.

— Еще нет.

— Получайте скорее и отправляйтесь в свой район.

— Слушаюсь!

Он повернулся и ушел, а у меня на сердце было тревожно, я все думал о надрезанном капсюле.

Через несколько минут ко мне подъехал наш связной с заставы, а следом за ним, в сопровождении партизан, пятеро конных в немецкой форме. Это были разведчики. Один из них подал мне записку от командира украинского соединения партизан Иванова. В записке говорилось о положении в районе Мерлинских хуторов.

— Товарищ командир,— обратился ко мне разведчик,— скажите, у вас есть такой партизан — Лонго?

— Откуда вы его знаете? — в свою очередь, немало удивившись, спросил я.

— Тут целая история. Его немедленно надо изолировать.

— Что такое?

— Едем на связь с вами,— начал рассказывать командир разведчиков,— видим: недалеко от деревни Рубеж, почти у самой дороги, горит в лесу костер. Мы остановились. У костра — двое молодых парней в гражданском. А мы, как видите,— в немецкой форме. Я подхожу ближе, и вдруг мне один из парней говорит: «Ждем вас с утра. Лонго должен вот-вот явиться». Я сразу сообразил, в чем дело. «Почему, спрашиваю, так долго его нет?» — «Не знаю, господин офицер,— отвечает мне парень.— Ждем его с минуты на минуту. Он должен был только показать вашим людям партизанский штаб и вернуться сюда». — «Хорошо, — говорю, — ждите». — Оставил я двух своих ребят с этими парнями и — к вам...

На полянке воцарилась гнетущая тишина. Только слышно было как лошади хрустели травой.

Калинин первым нарушил молчание.

— Где Лонго?

— Получает тол и капсюли! — Я бросился к землянке, где у нас хранились боеприпасы. Лонго уже садился на лошадь.

Увидев бегущих к нему разведчиков, он стегнул коня. Но двое партизан схватили коня под уздцы и остановили. Конь вздыбился. Лонго в ярости несколько раз выстрелил в партизан. Один упал, но другой, изловчившись, выбил у Лонго из рук пистолет и наставил на него свой. Лонго поднял руки.

Его увели в землянку. Потемневший, сгорбившийся, он шел, злобно косясь на людей, некогда веривших ему, враг этих людей, разоблаченный и бессильный. Он жил среди нас, ел вместе с нами хлеб и готовил нам гибель.

Как выяснилось, Лонго был связан с немецкой разведкой еще с времен первой мировой войны.

Вскоре после этого случая я выехал к Припяти для встречи с Любой Красик.

Уже долгое время не получая от Красик никаких сведений, немцы в спешном порядке стали готовить для засылки к партизанам новых агентов.

Штраус вызвал к себе полицейского Гайдая и подвел его к висевшей на стене карте:

— Вот здесь, в трех километрах от деревни Слобода, живет семья партизана Арсения Окулича. Сам он в отряде, но часто приезжает домой. Возьмешь с собой троих полицейских и сегодня же — на хутор. Нам нужен живой партизан. Ясно?

Одетые в гражданское, полицейские благо-

получно переплыли реку. У самого хутора Гайдай велел им залечь, а сам подкрался к окну хаты Окулича, постучал.

— Кто здесь? — послышался голос самого Окулича.

— Свои!..

— Входите — не заперто,— сказал Окулич.

Гайдай дал знак полицейским приблизиться и толкнулся в дверь.

— Ну-ка — открывай! — сказал он сердито.— Шутки вздумал шутить!

— Успеешь, не на свадьбу! Дай оденусь,— ответил Окулич.

Щелкнул замок. Гайдай шагнул в сторону. Дверь приоткрылась.

— Ну, где ты там? — спросил Окулич.

— Выходи! — сказал Гайдай.— Дело есть.

Окулич уже понял, кто явился к нему в гости. А Гайдай не знал, что в хате находилось еще шестеро партизан.

Один из них поднялся на чердак и открыл огонь из ручного пулемета, Окулич с остальными товарищами выскочил на улицу, отрезая полицейским путь к отступлению.

Все же тем удалось отойти в глубь леса. Во время преследования Гайдай и двое полицейских были убиты. Один убежал. В этой схватке погиб сын Окулича, Иван.

Через несколько дней гитлеровское командование начало наступление. Эсэсовцы переправились через Припять и заняли деревню Починок. Но у села Терашковичи уже стояли наготове три бригады Калинина. Ночью партизаны подошли к деревне Починок, залегли на огородах и, когда в воздух взлетела красная ракета — сигнал к атаке,— партизаны с криком «ура!» ворвались в деревню. В самый разгар боя подоспели конники Шуканова. Эсэсовцы в панике отступили к реке. Операция «Винтер» провалилась. А вскоре на этом участке начали успешное наступление войска 1-го Белорусского фронта...

В бою за деревню Починок мне участвовать не пришлось. В это время я вместе с Любой Красик и вернувшимися с задания разведчиками находился в Терашковичах.

Мы сидели в просторной хате и договаривались с Любой о ее дальнейших действиях. В углу, как обычно, отстукивал свои точки-тире радист Дмитрий Стенько. Люба слушала меня рассеянно и о чем-то все время думала.

— Чем вы опечалены, Люба? — спросил я, наконец.

Она вздрогнула, подняла на меня глаза и сказала:

— Скажите, как зовут командира бригады?

— Калинина? — удивился я неожиданности вопроса.— Сергеем.

— Сергеем Петровичем?..

— Так точно! — улыбнулся я.

— О, боже!.. — сказала Люба и до неузнаваемости переменилась в лице. Я дал ей выпить воды.

— Извините меня,— с трудом проговорила Люба.— Сергей мой муж. Я — Мария Воронок...

И тут я вспомнил рассказ Сергея Калинина о том, как он в самом начале войны потерял свою жену, и ее звали Марией...

Автомобилист из Кельна

Мы получили приказ продвинуться на запад, и через неделю уже находились в расположении партизанской бригады «Советская Белоруссия», которой командовал Андрей Петрович Томилов. Это был кадровый командир-пограничник. В начале войны он попал в окружение и организовал партизанский отряд южнее Пинска. Вскоре отряд вырос в бригаду. Томилов нередко и раньше прибегал к нашей помощи, чтобы связаться с Москвой или передать необходимые сведения в центральный партизанский штаб: у него не было радиостанции, а мы располагали даже двумя.

Бригада была немногочисленной — всего 420 партизан, но боеспособной и маневренной. Когда гитлеровцы попытались ее уничтожить, Томилов со своими людьми по запутанным тропинкам и лесным дорогам за одну ночь успевал обойти до двадцати сел и снова возвращался в свой партизанский лагерь. Эта его тактика наводила страх на гитлеровцев: ведь если партизаны за одну ночь появлялись в двадцати селах, значит их много, целая армия!

Как-то в апрельские дни 1943 года разведчики доложили Томилову, что в крупном селе Оздамичи находится около восьмидесяти солдат и шестьдесят полицейских — целый гарнизон. Разбить этот гарнизон,— значило получить выход к реке Припяти.

Ночью партизаны незаметно подошли с трех сторон к селу и открыли огонь. В первые же минуты боя были взяты в плен три десятка полицейских и шестеро эсэсовцев. Остальные засели в каменных зданиях в центре села и стали отстреливаться из пулеметов. Партизанам пришлось залечь. Бой длился уже около полутора часов. Томилов дважды посылал ударную группу на подавление огневых точек противника, но безуспешно: немцы не прекращали огня. Тогда командир бригады принял решение: дать три-четыре выстрела из ротного миномета. Стрельбу из этого оружия открывали только в самых исключительных случаях: весь боезапас миномета состоял из двадцати мин...

Вот раздался первый выстрел. Чафф!.. Мина разорвалась у самого здания, в котором засели гитлеровцы. Чафф!.. И тут гитлеровцы и полицейские не выдержали, в панике повыскакивали из здания и побежали. А в шести километрах от Оздамичей находилась партизанская застава, отрезавшая гитлеровцам пути отхода в сторону Давид-Городка.

На рассвете партизаны, сидевшие в засаде, заметили на грунтовой дороге вражеский отряд. Подпустив его поближе, они открыли огонь. Часть немцев и полицейских была уничтожена, а оставшиеся бросились бежать в лес. И тут Смотров услышал:

— Товарищи, товарищи!.. Помогите!..

В кювете лежал человек в красноармейской гимнастерке. Его лицо было в синяках, на губах запеклась кровь. Гимнастерка была вся в темных кровавых пятнах.

— Ты кто такой? — спросил у него Смотров.

Но и так было видно, что этот человек только что вырвался из немецкого плена.

— Они хотели меня с собой увести.. Я сидел в Оздамичах, в подвале... Чего они только ни делали там со мной...

Смотров снял с ремня флягу и сунул гор-

лышко красноармейцу в рот. Тот жадно стал пить воду.

Подошли другие партизаны. Красноармеец так ослабел, что сам уже не мог передвигаться. Партизаны положили его на плащ-палатку и восемь километров до лагеря несли на руках. В землянке его осмотрел партизанский врач. На теле этого человека было шесть ножевых ранений, а на груди вырезана пятиконечная звезда.

Документов у красноармейца, конечно, не оказалось. На другой день он рассказал, что родом он из Сумской области, фамилия его Малашенко. До войны служил на границе, в одной из частей Белорусского военного округа. В первые же дни войны попал в окружение, а затем — в плен. Почти два года сидел в лагере военнопленных в Лунинце. Затем как-то ночью он организовал побег целой группы красноармейцев. Надеялись сразу встретить в лесу партизан, но нарвались на немецкую засаду недалеко от Оздамич. Товарищи его погибли в бою, а он был схвачен и брошен в подзал.

Партизаны сочувствовали Малашенко, заботились о нем, кто как мог. А доктор пообещал мигом поставить его на ноги.

Через две недели Малашенко был «выписан» из нашего партизанского госпиталя. Он просил определить его сразу в разведку, но командование решило иначе: Малашенко зачислили в бригадный хозяйственный взвод, поскольку он еще не совсем окреп.

Партизаны хозвзвода нередко принимали участие в боевых операциях вместе с остальными партизанами, и Малашенко таким образом получил возможность показать, на что он способен. А был он храбр и сообразителен. Кроме того, характер у него оказался на редкость веселый и общительный. Нередко бывало так, что партизаны возвращались в лагерь до того уставшими, что даже не чувствовали голода, и тут Малашенко своими шутками-прибаутками поднимал общее настроение.

Так прошло три месяца. В середине лета Малашенко был назначен командиром разведчиков. Поэтому, когда мы прибыли в бригаду «Советская Белоруссия» я, естественно, в первую очередь заинтересовался этим человеком: подробно расспросил о нем Томилова и других командиров. Но, посоветовавшись со своими товарищами, я решил взять себе в помощники не самого Малашенко, а его заместителя, Андрея Савчука, который тоже был, как мне сказали, любимцем партизан и отличался большой храбростью. Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, что именно заставило меня сделать именно такой выбор.

Наша разведгруппа повела работу на железной дороге Брест—Гомель. Усилила активность и вся бригада Томилова. Почти каждый день партизаны наносили гитлеровцам ощутимые удары. И только подрывники что-то плоховали: когда они выходили на железную дорогу на участке Лунинец—Пинск, собираясь пустить под откос эшелон, то, как правило, нарывались на засады и теряли людей.

Однажды подрывники заминировали железнодорожное полотно недалеко от станции Молотковичи и, сидя в засаде, ожидали появления эшелона с техникой. Он должен был пройти, как сообщили наши связные, ровно в восемь утра. Но поезда не оказалось. К месту, где была установлена мина, подошли две дрезины с эсэсовцами. Пришлось ребятам отойти ни с чем. Более того, немцы обнаружили нашу мину и извлекли ее. Случайность ли это?

— А кто в бригаде знал об этой операции? — спросил я у Томилова.

— Разведчики, штаб, командиры,— ответил он мне.

— Нужно уточнить, Андрей Петрович,— сказал я.— Возможно, что кто-то и в самом деле информирует немцев.

— Я уже поручил начальнику особого отдела специально заняться вопросом, но пока результатов нет.

Мы договорились с Томиловым, что моя разведгруппа примет участие в этой работе.

В один из дней конца ноября 1943 года Томилов вызвал к себе Андрея Савчука и приказал ему с группой разведчиков и подрывников переправиться ночью через Припять, подойти к полустанку Березовичи и заминировать там железную дорогу. В это время Малашенко с другой группой разведчиков находился под городом Столином.

Ночью Савчук поднял своих партизан по тревоге, построил их. Я поставил боевую задачу, и группа из восемнадцати человек отправилась к месту действия. На рассвете они переплыли на бревнах через Припять и к одиннадцати часам вечера приблизились к хутору, расположенному в трех километрах от железной дороги. Еще издали разведчики услышали звуки гармошки. В окнах хат ярко горели огни. Двое прошли вперед: один направился прямо к ближайшей хате, а другой остался на огороде, чтобы в случае чего прикрыть товарища. За хатой, возле сарая, стоял, слегка пошатываясь, пьяный мужик и дымил самосадом.

— Дай прикурить, дед! — попросил у него разведчик.

Мужик от неожиданности громко икнул: повернув голову, он увидел перед собой дуло автомата. Хотел крикнуть, но тут услышал спокойный приказ:

— Молчать! Хутор окружен партизанами.

Мужик сразу отрезвел и послушно пошел, куда ему было велено. Через несколько минут он уже стоял перед Андреем Савчуком и словоохотливо рассказывал:

— Значит, свадьба у нас, дорогие товарищи. Сын моего кума высватал в соседней деревне девушку, вот и гуляем...

— А немцы или полицейские есть?

— Да как вам сказать... Тут все свои.— Мужик недоверчиво посмотрел на партизан.

— Полицейские, спрашиваю, есть или нет? — резко переспросил Савчук.

— Есть, есть! Пятеро. Тоже гуляют. Свои же!

— Шевчук, ты побудь с этим человеком,— приказал Андрей одному партизану.— Остальные — за мной!

В хате, где проходила свадьба, четверо полицейских с винтовками на плечах кружились в танце. Пятый, с зажатым в коленях автоматом, наигрывал на гармошке. Пожилой мужик в такт гармошке выбивал дробь на барабане.

— Ковальчук и Шамрай, прикроете нас,— тихо проговорил Савчук и с тремя разведчиками ворвался в хату.

— Сдать оружие!

Три полицая сразу подняли руки. Четвертый, который танцевал с девушкой, сдернул с плеча винтовку, но Савчук тут же в упор прикончил его. Упала и девушка. Полицай-гармонист выскочил в окно и был взят партизанами на улице. В хате поднялся невообразимый визг и крик.

— Прекратить шум! — закричал Савчук.— Всем оставаться на местах! А этих отсюда убрать! — указал он на полицейских.

Когда полицейских вывели, в углу возле девушки заголосили старухи. Девушка была ранена. Савчук приказал одному из разведчиков перевязать ей рану.

— Свадьба продолжается! — сказал Савчук и крикнул в окно: — Ковальчук, ко мне!

В хату вошел Ковальчук.

— Вот что, Гриша: поиграй-ка на гармошке,— сказал ему Савчук.— Ты в этом деле мастак. А то свадьба без гармошки — не свадьба.

Ковальчук взял в руки гармонь, накинул на плечо ремень, и полилась мелодия задорной польки. Савчук подхватил одну из девушек и закружился с нею в танце.

— Что приуныли? — крикнул он остальным. — Всем танцевать!

Но веселье не клеилось. Оно вошло в свое русло только после того, как раненой девушке была сделана перевязка и ее перенесли в другую комнату. Звали ее Настей. Она жила в Оснежинцах, в четырех километрах от Ставка. Полицейский, с которым она танцевала, служил в ее деревне. Часто заходил в дом, затем стал приставать: мол, ты была комсомолкой и твоя жизнь в моих руках. Выбирай: смерть или я. Настя попросила Савчука забрать ее в партизанский отряд.

— На обратном пути тебя заберем, — пообещал Савчук. — Сперва мы должны выполнить задание. Согласна?

— Спасибо, — улыбнулась Настя.

Было уже далеко за полночь. Савчук, взглянув на часы, сказал:

— Ребята, пора!.. — и подошел к молодым: — Ну, что же, друзья, желаю вам большого счастья в жизни. А вот с полицейскими якшаться не советую. Гармониста мы вам оставляем. Гриша, смотри, чтобы свадьба прошла хорошо! Ну, и в оба тоже поглядывай.

Партизаны вышли из хаты. На востоке ярко светила луна, хрустел под ногами первый снежок. Впереди понуро плелись полицейские.

— Товарищ командир,— обратился к Савчуку партизан Шамрай,— что нам с ними возиться? В расход их — и весь сказ!

— Подождите, ребята,— сказал Савчук.— Это всегда успеется. Может, дадим им возможность искупить вину?

Когда подошли к железной дороге, Савчук велел остановиться.

— Вот что, ситцевые друзья,— обратился он к полицейским.— Хотите искупить вину?

Полицейские переглянулись.

— Хотим, конечно!

— Так вот, пойдете вместе с нами на железную дорогу, обезоружите патруль и заминируете полотно. Понятно?

— Согласны! — оживились полицейские. Выбора у них не было.

— Но смотрите: начнете хитрить — пощады не будет!

В условленном месте партизан встретил связ-

ной с железнодорожной станции и сообщил, что через два часа должен проследовать поезд. Но с каким грузом? Неизвестно.

Приготовив две мины, партизаны подползли кустарником к насыпи, где патрулировали немцы. Савчук приказал полицейским выйти из кустов, встретить немецких патрульных и обезоружить их.

Минут через двадцать послышались шаги, а затем партизаны увидели силуэты. Савчук подал знак, и полицейские, окликнув патрульных и вступив с ними в разговор, приблизились, а затем внезапно набросились на них и скрутили.

— Ну, а теперь на насыпь! — крикнул Савчук.

Когда партизаны подбежали к рельсам, со стороны переезда застрочил пулемет. Вспыхнули ракеты и повисли в воздухе.

Стало светло, как днем. Нужно было отходить, но Савчук не спешил: гитлеровцы стреляли из окопов, вряд ли они станут преследовать партизан. Только проверив, правильно ли поставлены нажимные мины, Савчук отдал приказ отойти в лес. Метрах в ста от насыпи сделали засаду. Гитлеровцы еще долго вели беспорядочную стрельбу, потом все стихло. А в семь часов утра послышался шум приближающегося поезда. Еще несколько минут, и колесо первой платформы с песком наехало на мину. Раздался взрыв. Но вагоны с гитлеровцами остались невредимыми: поезд шел на малой скорости, и с рельсов сошли только платформы с песком. Партизаны удовольствовались тем, что обстреляли эшелон, а затем вынуждены были отойти.

...Вернулся Андрей Савчук со своей группой на хутор только под вечер следующего дня. Увидев командира, партизан-гармонист устало доложил:

— На сто два колена польку играл, товарищ командир! Все довольны.

— Молодец. А как Настя?

— Ничего. Ждет вас, не терпится побыстрее уйти с нами в лагерь.

К Савчуку подошел хозяин дома, отец невесты.

— Может, командир, выпьешь и ты за счастье молодых?

— Выпить, так выпить. Эй ребята! — крикнул Савчук.

Партизаны по одному заходили в хату. Выпив по чарке самогону, выходили на улицу. Пригласили и полицейских. Савчук сказал им:

— Вы часть своей вины сегодня искупили. Пейте самогон и шагом марш в свой участок! Там уничтожите начальника полиции и вернетесь через четыре дня сюда, на хутор, с докладом. Все ясно?

— Все, командир. Сделаем,— пообещали полицейские...

Под вечер группа Савчука вернулась в село, где находился штаб бригады. Андрей проводил в партизанский лазарет Настю и побежал докладывать. Он нашел Малашенко в хате бригадных разведчиков. Тот сидел в углу за столом и что-то писал.

— Товарищ командир...

— Можете не докладывать. Меня уже информировали о ваших действиях, — резко оборвал его Малашенко. — Вы арестованы! — и приказал находившимся в хате разведчикам: — Взять его!

Савчук не ожидал такого поворота, но когда к нему подошел партизан, чтобы забрать оружие, он спокойно вынул из кобуры пистолет и положил на стол.

— Это приказ комбрига? — спросил он.

— Это мой приказ! — ответил Малашенко.

Савчука отвели в хату, отведенную под гауптвахту и сдали часовому.

Утром, узнав, что арестован Савчук, я поспешил к Томилову.

— Понимаешь, отпустил, сукин сын, полицейских, спаивал на хуторе партизан и, главное, задание опять не выполнил,— начал перечислять грехи Савчука Томилов.— Мне кажется, что полицаи эти его связные...

— А девушку кто привел?

— Опять же он. Понимаешь, с полицаями приехала на свадьбу, танцевала с ними, а он ее притащил сюда. Ну, вылечить-то мы ее вылечим...

Вечером я зашел в лазарет, поговорил с Настей. Посоветовавшись затем со своими товарищами, а решил зачислить Настю в разведгруппу. Когда я сообщил об этом Томилову, он вначале выпупил на меня глаза:

— Да ты что, бог с тобой!

Но я ему сказал, что мне виднее, кто мне подходит, а кто не подходит, и он безнадежно махнул рукой:

— Дело, конечно, хозяйское!

Через три дня Савчук вернулся к разведчикам. Наказание свое он воспринял, как должное:

— Заслужил, значит...

Вскоре вышла из лазарета и Настя. Мы ей поручили пока легкую работу — готовить нам пищу. Она бойко принялась за дело и показала себя блестящим поваром. Жила она в одной хате с тетей Нюрой, старой партизанкой. Они быстро сдружились и стали поверять друг другу свои нехитрые тайны и мечты.

И вот однажды Настя вбежала в хату бледная и расстроенная. Тетя Нюра еще не видела ее в таком состоянии.

— Что с тобой, Настулька?

— Ой, тетя Нюра... По-моему, это он!..

— Кто — он? Присядь-ка да расскажи толком.

Настя немного успокоилась и, посмотрев в добрые тети Нюрины глаза, спросила:

— Тетя Нюра, кто этот человек, который с разведчиками живет, в коричневом полушубке ходит?..

— А...— улыбнулась тетя Нюра,— так это ихний командир, Малашенко. Влюбилась?..

— Ой, не то вы говорите!

Настя пугливо огляделась и доверительно, на ухо, сказала тете Нюре:

— Я этого человека видела весной в полиции, в Оснежицах...

— Какого человека?..— Тетя Нюра или не поняла, или не хотела верить своим ушам.

— Да вот этого, в коричневом полушубке!

— Ты, Настулька, что-то, видно, перепутала. Я тебе говорю: он ихний командир! Храбрец из храбрецов...

— Ой нет, тетя Нюра!.. Ой, нет!

И она снова — в который уже раз! — стала рассказывать тете Нюре, как домогался ее полицейский, тот самый, которого пристрелил во время свадьбы Савчук.

— Посадил он меня в подвал, а потом привел к начальнику полиции, и начальник полиции сказал мне, что меня берет на свое попечение этот полицейский и чтоб я без разговоров выходила за него замуж...

— Да Малашенко-то тут причем?..— с тревогой в голосе — уж не рехнулась ли девка? — остановила ее тетя Нюра.

— Постой, не перебивай меня! — сказала ей Настя и продолжила рассказ: — Так вот, начальник полиции и говорит: «Выходи за него замуж, а то тебе не сдобровать — ты ведь была комсомолкой...» Тут он и вошел...

— Да кто? — все еще ничего не понимая, спросила тетя Нюра.

А Настя будто и не слышала ее вопроса:

— ...Тут он и вошел, а начальник полиции и полицейский вытянулись перед ним...

— Бог с тобой, Настулька! Не может того быть.

— Тетя Нюра, клянусь!..

— Тогда ты пока об этом больше никому не говори,— посоветовала ей тетя Нюра.— А вечером, как вернется с задания ваш капитан, ты ему одному все это расскажи.

...Дополнительная проверка подтвердила все рассказанное Настей. Малашенко оказался агентом немецкой разведки. Ночью он был арестован. При допросе Малашенко признался, что летом 1942 года он закончил филиал Кельнской шпионской школы. Этот филиал находится в деревне Ставок, под Пинском. Официально он назывался: «Специальные автомобильные мастерские» — так значилось на вывеске.

Через день был арестован и завербованный Малашенко его сподвижник, некий Дыбайло.

В середине декабря Центр запросил подробные данные о шпионской школе в Ставке. Сообщенных Малашенко сведений было явно недостаточно, да и они нуждались в проверке.

Было решено послать на задание Настю, связного Тимофея Ашуркевича и опытного разведчика Виктора Ковальчука.

Родители Насти жили в Оснежинцах, всего в четырех километрах от Ставка, а Тимофей Ашуркевич сам был из местных. Он работал ветврачом, и бургомистр разрешил ему в сопровождении полицейских разъезжать по селам. Ашуркевич (или дядько Тимох, как мы его звали) оформил Ковальчука своим помощником.

Вечером группа отправилась в путь. Почти целые сутки пришлось вести наблюдение за патрулями, которые охраняли железную дорогу. Две попытки перейти через полотно закончились неудачей: оба раза гитлеровцы открывали сильный заградительный огонь. И только на вторые сутки глубокой ночью разведчикам удалось, буквально под носом у гитлеровцев, перебраться через железную дорогу.

На хутор, где жила Настина тетка, пришли утром, уже не скрываясь: ведь это была бригада ветеринарных работников Ивановского гебитскомиссариата! Два дня пробыли на хуторе разведчики. Дядько Тимох кастрировал нескольких поросят, и это укрепило престиж «ветработников». Тем временем Настя решила сходить в Ставок к одной своей школьной подружке. На заставе ее задержали эсэсовцы. Они проверили документы, учинили допрос. К счастью, в доме Настиной подруги жил немецкий лейтенант интендантской службы и, когда эсэсовцы ввели Настю в дом, лейтенант сделал им выговор за то, что они вошли без разрешения.

Разговор с подружкой Настя вела в присутствии лейтенанта. Она попросила купить ей туфли. Леокадия — так звали подружку — пообещала узнать насчет туфель и предложила Насте остаться в Ставке на пикантный кинофильм.

Настя спросила, во сколько начало, и вежли-

во отказалась от предложения, сославшись на то, что ее ждут дома, в Оснежинцах. Лейтенант и Леокадия проводили Настю до заставы и распрощались с ней.

Когда стемнело, Ковальчук и Ашуркевич отправились за «языком».

Подошли к небольшому, заросшему камышами, озеру на окраине Ставка и залегли. Кругом была темнота непроглядная. Только где-то в районе Пинска прожектор периодически разрезал ночную тьму. Слышались отдаленные выстрелы. Осторожно подползли к одному из домов в конце улицы. Отсюда слышна была немецкая речь. Ковальчук подал сигнал Ашуркевичу и пополз дальше, к забору, отгораживавшему сад от деревенской улицы. За ним последовал Ашуркевич.

— Здесь будем ждать. Приготовь кляп.

— Все готово,— шепнул Ашуркевич.

Около часа пролежали у забора разведчики, наблюдая за улицей.

Вот прошли в кино, громко переговариваясь и бухая тяжелыми сапогами, солдаты. Немного погодя в темноте на дороге сверкнул луч карманного фонарика. Два офицера! Соблазн захватить их был велик. Но и риск тоже немалый: двое против двоих. Малейшая оплошность — и все пойдет насмарку.

Решили этих офицеров пропустить и дождаться, когда пойдет в кино Леокадия со своим ухажером.

Ждать пришлось недолго. Снова на дороге сверкнул луч фонарика. Разведчики слышали, как немец несколько раз раздельно повторил один и тот же вопрос, а женщина, смеясь, все переспрашивала: «Was?.. Was?..» Было ясно, что она не знает немецкого языка.

Луч фонарика скользнул по стене дома и по забору, возле которого притаились разведчики.

Немец и женщина приближались. Ковальчук тронул за рукав Ашуркевича, давая понять, что пора действовать. Он первый набросился на лейтенанта и сбил его с ног. В одно мгновение подскочил Ашуркевич с кляпом. Офицер не успел издать ни звука. Женщина, видимо сразу поняв, в чем дело, молча пустилась наутек.

Когда в деревне поднялся переполох и началась стрельба, разведчики с «языком» были уже за озером. К рассвету они прибыли на хутор, а оттуда переправили свою добычу в партизанский штаб.

Пленный офицер рассказал нам, что является интендантом по снабжению агентов филиала одной из шпионских школ, созданной по приказу самого адмирала Канариса, руководителя фашистского абвера.

В филиале офицеры готовили агентов для заброски на территорию Советского Союза. В начале декабря двух из них — Василия Попенко и Петра Месяца — выбросили на парашютах в районе города Новозыбкова, с задачей взорвать железнодорожный мост под Киевом. Они должны были обосноваться в Дарнице под Киевом у тетки Попенко, Ксении Митрофановны.

В тот день наши две радиостанции работали круглосуточно. Все, что мы узнали от пленного офицера, было срочно передано в Центр. А в один из декабрьских вечеров 1943 года, когда диверсанты Василий Попенко и Петр Месяц уже были готовы приступить к выполнению своего задания, в доме Ксении Митрофановны Попенко появились работники Комитета государственной безопасности. Диверсанты была обезврежены. Военный трибунал Киевского военного округа приговорил предателей Родины к высшей мере наказания — расстрелу.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Борис ВОДОПЬЯНОВ

ЛОЦМАНСКИЕ БЫЛИ

ПАМЯТНИК

По Енисею от моря до самой Игарки расставлены памятники. Не на берегу, а прямо на воде. Это оградительные буи на опасных участках фарватера. Почти с каждым из них связано какое-нибудь событие из нашей лоцманской жизни. Расскажу об одном из них.

В ту пору я был еще лоцманским учеником, или «довеском», как иной раз называют у нас эту должность, не вкладывая, впрочем, ничего обидного в это слово.

Итак, нижний по течению — буй Сеченской банки. Банка с трехметровыми глубинами, песчаная, узкая и длинная, с заостренными концами. Так и кажется, что текла река, терлась о берега своими боками, занозилась, вскрикнула от боли, потом притерпелась.

Банка расщепляет реку на два рукава: узкий, под высоким обрывистым берегом, и широкий — под низким островным. Судовой фарватер проходит по широкому рукаву, он хорошо обставлен вехами и в общем-то безопасен. Беда в другом: от Караульного мыса рекомендованный курс ведет прямо на оконечность банки и, лишь чуть-чуть не доходя до нее, круто отворачивает в широкий рукав. А чтобы не промахнуться и не угодить в узкий рукав или на оконечность банки, точка поворота отмечена створными знаками на высоком берегу. Следи, когда один знак наложится на другой, и делай стремительный поворот вправо — беды не будет. Но поскольку поворот очень уж близок от опасной мели, постольку и самочувствие при подходе к этой точке не из приятных. Казалось бы, чего проще поставить в этом месте буй: враг был бы виден, а потому и не так страшен. Теперь оно так и есть, но в тот раз...

В тот раз лоцманом на финском пароходе шел Анатолий Сергеевич Сергеев, или просто Сергеич.

Вид у него довольно свирепый — приводит в замешательство не только рулевых, но даже и штурманов, которые помоложе. Две глубокие горестные морщины от переносицы к углам рта. Губы властно сжаты, нижняя дугой выгибает верхнюю. Серые, чуть навыкате глаза подернуты густой сеткой кровяных прожилок. Могучая грудь, огромные кулачищи, на которые из-под манжет рубахи выпирают темные густые волосы. Преимущества своей внешности Сергеич хорошо сознает, и время от времени, нахмурив брови, зычно покрикивает на рулевого:

— Скупо сдаете вправо, молодой человек!..

И так далее — в том же роде.

От других я знал, что у Сергеича добрейшая душа, но с непривычки — шел я с ним впервые — побаивался лоцмана.

Совсем иначе относился к нему рулевой, стоявший в тот раз за штурвалом. Это был финн. Громадный детина в синей полотняной робе с большим матросским ножом у пояса. Кстати, об этих ножах. Вещь эта для матроса совершенно необходимая. Скажем, захлестнуло тебе ногу канатом, одно лишь спасение, если нож под рукой. Но вот я как-то попал в Игарке на причал во время погрузки леса и услышал там разговор двух рабочих-сезонников, приехавших, видимо, откуда-то из глубин России.

— Гляди-ка, — сказал один, показывая на матросов-датчан, красивших пароходный борт. — Без ножа ни-ни, ступить нельзя.

— Ступишь, — с видом знатока отвечал другой. — Там, брат, такое дело, что если не ты, так тебя. Видал, как они пьяные на берегу шебутятся? Это на людях так, а что они промеж себя вытворяют?!..

Так вот, рулевой был громадный детина, красивый, только гладкая стрижка портила дело: как оказалось, постриг его

старший штурман за неумеренную любовь к русской водке, проявившуюся во время стоянки в Мурманске. Впрочем, даже стрижка не отнимала, а скорее даже прибавляла ему бравости: это был орел, настоящий «кингсейла» — королевский матрос.

На попытку Сергеича прикрикнуть этот королевский матрос ответил такой обворожительной белозубой улыбкой, что разом обезоружил старика. Тогда Сергеич сменил тактику и совсем мирно попросил:

— Держи, как по ножу.

— О, йес, — улыбаясь, ответил детина.

Надо сказать, что тяжелое судно он безукоризненно удерживал на курсе.

На штурманской вахте стоял седенький старичок, ясноглазенький, свеженький и розовощекий. Так и думалось, что вырос он и состарился где-нибудь на лесном финском хуторе, пропахшем запахами смородины и парного молока. Совсем неуместным казался на нем новенький, с иголочки, мундир и золотые погончики на плечах. Старичок беспрерывно вышагивал взад-вперед по открытому крылу мостика, мурлыкал себе под нос какой-то мирный мотивчик и сосал леденчики — отвыкал курить. Иногда он заходил в рубку, не переставая мурлыкать, заглядывал в штурманскую карту, и снова уходил. Мне думалось, что последнее он делает лишь для вида, целиком полагаясь на лоцмана. Однако, я ошибался.

Шли мы себе и шли по Енисею. Пароход громадный, но не слишком торопливый, не в пример гордому лесному оленю, замершему в стремительном прыжке на фирменном знаке, украшавшем широкую синюю трубу. И название у парохода до несолидного простецкое — «Алка». И день безмятежно-ясный, теплый. Покой, тишина, только слышно, как жужжат и бьются о лобовое стекло оводы, случайно залетевшие с берега.

Еще одна деталь. На открытом крыле мостика стояло плетеное кресло, на которое Сергеич косился весьма недружелюбно. Кресло это имеет к рассказу хотя бы то отношение, что Сергеич ненавидел его всей душой. Ненавидел он любую мебель для сидения, когда встречал ее на капи-

танском мостике. Он считал, что сидеть во время вахты — верх морской серости. Его пытались переубедить, говорили, что на новейших судах специально устанавливают поворотные лоцманские кресла, что в Английском канале, например, лоцман вообще возмутится, если не принесешь ему на мостик хотя бы стул.

— Ну что ты мне англичанами глаз колешь? — срывался Сергеич. — Англичане водку содовой водой разбавляют, — тоже пример? Люди не дураки были, которые в документах даже узаконили, что вахту положено стоять. «Стоять вахту». Не «сидеть» же, верно?

Короче говоря, сам Сергеич на мостике никогда в жизни в кресла не садился.

А мы все идем. Вот миновали Караул — притихший на жаре поселок, деревянными домами облепивший широкий, глинистый холм.

— Лоцман, — позвал меня Сергеич. — Глядь-ка сюда. — Мы оба склонились над картой. — Тут проходишь — кофе очень-то не распивай...

Честно признаться, в эту минуту мне очень хотелось взглянуть из рубки на берег. Но я же сказал, что шел с Сергеичем впервые.

— Тут с хорошего хода ткнешься — судно так и сомнется в гармошку. Или вот сюда, в узкий рукав — тоже не завидую...

Сергеич вдруг отшвырнул карандаш и поспешно шагнул вон из рубки. Я за ним. Створные знаки на берегу уже расходились в противоположные стороны, судно входило в тень от высокого берега...

Если бы Сергеич в последнюю секунду вздумал исправлять положение и попытался вывернуться на фарватер, мы неминуемо оказались бы на банке.

— Три градуса вправо, — приказал он рулевому, и в голосе его я не уловил даже малейшего волнения.

— Три вправо, — ответил рулевой, и пароход окончательно погрузился в теневую прохладу.

— Еще три вправо.

— Еще три вправо.

Да, рулевой был что надо!

— Так держать.

— Так держать.

Тут седенький штурман вдруг проглотил свой леденчик, вошел в рубку, внимательно посопел над картой, потом подозрительно глянул на створные знаки, и, подойдя к Сергеичу, тронул его за рукав:

— Лоцман, мы идем не по фарватеру. Банка должна быть слева.

— Здесь каждый ходит по своему вкусу, — важно ответил Сергеич. — Еще два вправо...

Штурман поозирался вокруг, пожал плечами и смиренно отошел в сторону. Коли уж лоцман так спокоен...

Это же спокойствие передалось и мне. Тошнящая тяжесть под сердцем быстро рассасывалась. Я, конечно, понимал, что пароход идет, едва не касаясь подводной отмели, но раз уж Сергеич чувствует себя так уверенно, значит дело ему знакомо: опыт, не мне чета.

Вот уже надвинулся на нас крутой Каргинский мыс, проплыл совсем рядом, камнем докинешь.

— Три градуса влево.

— Три влево.

Вот уж гористый берег начал отдаляться. Минута, другая, и хлынул солнечный свет. Опять простор, опять глубина от берега до берега.

— Так держать!.. Как по ножу, — добавляет Сергеич.

— О, йес, — улыбается рулевой.

— Теперь последите за курсом, — говорит мне Сергеич смертельно-усталым голосом и, чуть попятясь назад, тяжело садится в плетеное кресло. Ноги отказывают ему.

●

«ГЕОРГЕС» ИДЕТ В ИГАРКУ

Случай этот даже не редкий, а единственный. Но — по порядку. Океанское судно идет в Игарку за лесом. В устье Енисея его обязательно встречает небольшая моторная шхуна, несущая на мачте, согласно правил, ночью красный и белый огни, а днем особый флаг — государственный с белой окантовкой. И огни и флаг означают одно и то же — лоцманское судно при испол-

нении своих обязанностей. А обязанности состоят в том, чтобы высадить на встречное судно лоцмана и пожелать ему счастливого пути. Путь этот — около трехсот шестидесяти морских миль, а по времени — от суток до полутора, если все обойдется благополучно.

Я сказал — около трехсот шестидесяти миль. Почему «около»? Есть, конечно, вполне официальные границы лоцманской проводки. Расстояние между ними точно измерено и записано во все юридические, технические и денежные документы. Но тут надо учесть, что устье Енисея — это морской залив, а морской залив — это почти море. Там и шторма случаются, и ветру есть где разгуляться, и ледяные поля кочуют. Все это нередко заставляет поступаться пресловутой морской точностью и передавать лоцмана с борта на борт в том месте, где это наиболее удобно и безопасно.

Но так обстоит дело лишь с началом пути. Конец пути обозначен четко и никаких вариантов не допускает. Это граница внешнего Игарского рейда, где пришедшее судно становится на якорь в ожидании места у погрузочного причала. Собственно, здесь и кончается участок Енисея, который называется морским. Отрезок реки выше этой границы на штурманских картах размыт белым пятном, как бы напоминающим: сюда вход воспрещен. За всю историю Игарки этот запрет был нарушен морским судном лишь однажды, о чем я и собираюсь рассказать.

Речь идет о «Георгесе» — большом греческом лесовозе. «Георгес» прожил долгую, полную приключений жизнь, успел послужить разным целям и разным хозяевам. Всю прошлую войну англичане перевозили на нем танки в Африку. Всех его собратьев по этому рискованному занятию рано или поздно утопили немцы, а «Георгес» за все пять лет не получил ни единой царапины. Зато в первую же послевоенную неделю на нем случился большой пожар от окурка сигареты, брошенного на суконное одеяло пьяным английским солдатом, одним из пятисот, которых «Георгес» вез из Италии на родину. Обгоревший корпус купили американцы, наскоро его залатали, починили, покрасили и срочно отправили на Тихий океан, где ему была уготовлена роль подопытного кролика на испытаниях атомной бомбы. Несмотря на срочность, «Георгес» прибыл к месту с огромным опозданием, испытания обошлись без него, а сам он за умеренную цену перешел в руки небольшой греческой фирмы, которая и не замедлила поднять на нем выгодный ливанский флаг. Выгодный, потому что Ливан — маленькая, промышленно отсталая страна, своего морского законодательства не имеет, а международного не признает, открывая тем самым простор для разных темных махинаций.

Итак, ясным июльским утром, когда «Георгес», весь пятнистый от множества заплаток на корпусе, подошел к лоцманскому судну, на его корме полоскался ливанский флаг — развесистый зеленый кедр на белом поле между двух красных полос.

Вести «Георгес» до Игарки предстояло Владимиру Ненадежных. До Игарки и дальше. Впрочем, насчет «дальше» у Владимира, когда он поднимался по веревочному трапу на высоченный борт парохода, даже и в мыслях не было.

Не правда ли, при слове «лоцман» ваше воображение рисует нечто кряжисто-бородатое, угрюмо-замкнутое и слегка пьяноватое? Так вот, ничего подобного не было ни в наружности, ни в характере Владимира, кроме разве что замкнутости. Нарочитой замкнутости, которую он старательно культивировал в себе заодно с такими чертами, как чувство собственного достоинства и горделивость. Последнее ему особенно удавалось: слегка вскинутая голова, чуть прищуренные глаза, плотно сжатые губы. Конечно, лоцману приходится следить за собой: первый представитель государства, советчик и правая рука капитана и так далее. Но у Владимира была другая причина. Он был самым молодым среди нас. Девятнадцать лет при изящном телосложении и нежно-розовом цвете щек — разве это фон для трех золотых лоцманских нашивок? Наверное, так рассуждал Владимир, и мнимый свой недостаток старался заглушить мнимыми же достоинствами, порой теряя всякое чувство меры. Всем нам был памятен случай, происшедший с ним на «Дагестане». Этот лесовоз Владимиру предстояло вывести из Игарки в море. В назначенный час Владимир явился на грузовой причал, поднялся на борт судна и, разыскав капитана, представился ему. Пожимая лоцману руку, пожилой капитан спросил:

— Ненадежных — это что же, фами-

лия или, так сказать, ваш творческий псевдоним?

Разумеется, вопрос был задан в шутку, и лицо и голос капитана подсказывали это, но Владимир тут же отдернул руку.

— На станции я живу в седьмой комнате, — сухо бросил он и, круто повернувшись, ушел с судна.

Через двадцать минут пожилой капитан явился в седьмую комнату с извинениями...

Но иногда, в интимной обстановке Владимир снимал с себя маску горделивой неприступности, становился вдруг прост и откровенен. Именно таким он и был в этот вечер.

— Я ведь сразу что-то почуял, — рассказывал он мне про свои злоключения на «Георгесе». Мы сидели с ним в ресторане морского клуба, пили крепкий кофе и любовались из окна видом на городской рейд, где среди прочих морских судов стоял под погрузкой и герой его рассказа. — Не то, чтобы разумом, а скорее телом, спиной уловил, как оглохший Бетховен — музыку. Кротость его меня насторожила...

«Его» — то есть греческого капитана. Этого капитана мне потом довелось увидеть мельком, когда «Георгес» на обратном пути из Игарки подходил к нашей шхуне сдавать лоцмана. На крыле капитанского мостика стоял невысокий, поюношески стройный старичок почти без лица — таким оно было узким. На тонкой загорелой шее покоилась голова-профиль, будто вырезанная из коричневого картона: острый вытянутый подбородок загибался кверху, острый вытянутый нос отгибался книзу, и все это вместе напоминало щипцы для разгрызания орехов. Старичок был одет в белую нейлоновую рубаху с закатанными рукавами, теплый ветерок играл его седыми, гладко зачесанными волосами. На прощанье старичок разжал свое лицо-щипцы ласковой улыбкой и помахал нам рукой.

— И улыбка насторожила, — продолжал Владимир. — Довольно-таки иудина улыбка...

Я слушал молча, хотя про себя и не очень-то соглашался с Владимиром. Он явно перебарщивал в оценке капитанской улыбки. В конце концов все случившееся было не более как недоразумением.

А случилось вот что. Когда Владимир поднялся на мостик «Георгеса», капитан первым делом сказал ему:

— Лоцман, у нашего парохода две машины, два винта, всего по два, — капитан рукой показал на два машинных телеграфа в разных концах мостика.

— Тем лучше, — ответил Владимир и принялся разглядывать в бинокль береговые знаки.

Вообще-то два винта у торгового судна — явление довольно редкое, но и довольно счастливое. С двумя винтами можно сделать очень крутой поворот.

— Но вот беда, — продолжал капитан, сокрушенно взмахнув руками. — Левая машина совсем отказала: заметили, как мы плетемся? И не какой-нибудь пустяк, а главный цилиндр. Механики бьются от самых Карских Ворот, но пока я не слышу от них ничего утешительного. Как нам быть, лоцман?

— Идти под одной машиной, — Владимир даже плечами пожал: — Чего ж тут неясного?

— А если они на ходу сумеют управиться?

— Тогда пусть и вторую запускают.

— А вам докладывать об этом?

— Можно и без доклада, — Владимиру начинала надоедать капитанская дотошность в пустяках.

— Отлично, — сказал капитан. — Амигос! — крикнул он вахтенному штурману. — Передайте в машину приказания лоцмана, да не забудьте в журнал записать. Формальности, лоцман...

И капитан улыбнулся Владимиру: именно эту улыбку тот и называл теперь иудиной.

Когда «Георгес» подошел к Игарке, внешний рейд весь был забит судами — целая эскадра дымила разнокалиберными трубами в белесое северное небо.

Внешний Игарский рейд не очень широк, и вдобавок, в том месте, где от реки отходит узкая протока, громадной кучей черных камней в нее вдается Кармакульский мыс.

— Стоп машина! — скомандовал Владимир, когда судно подошло к якорной стоянке в дальнем конце рейда, в том месте, откуда как раз и начинается белое пятно на штурманской карте.

Капитан перевел ручку машинного телеграфа на «стоп».

— Лево на борт! — скомандовал Владимир.

Теперь оставалось только выждать, пока судно развернется носом на Кармакульский мыс, погасит инерцию и остано-

вится. Вот передняя мачта медленно поползла влево, вот она уже рассекает черный фон камней, а судно все продолжает идти вперед, не сбавляя скорости.

— Не отрицаю, — мужественно признавался мне Владимир. — Я там совсем мальчишкой выглядел. Представляешь: ведь вижу, что телеграф на стопе, а корыто наше прет себе и прет, и прямо на камни. С капитаном переглянемся, он только плечами пожимает, будто и самому невдомек. Ну, что мне оставалось? «Право на борт!» — кричу. Из-под самых камней вывернулись, и прямо за границу рейда, на белое пятно. Диспетчер наш всю эту картину со своей вышки видел, так у него волосы чуть фуражку с головы не сбросили. Ты зажмурь глаза, вдумайся: телеграф на стопе, вот он, под рукой, я даже рукоятку потрогал — твердо ли держится, а корыто знай себе прет. Потом чую — вроде как подрагивает палуба под ногами. И тут меня вдруг обожгло: машин-то две!.. Они, сволочи, когда мы носом на камни развернулись, втихомолку вторую машину на передний ход запустили. Меня аж судорогой повело. Как рявкну капитану: «Стоп вторая машина!» — тот в припадке усердия чуть телеграф не своротил. Бросили тут же якорь, огляделся я по сторонам, а Игарка где-то далеко-далеко за кормой, одни трубы заводские по-над лесом торчат. А вот обратно на рейд по белому пятну страшновато было выгребать: черт ее знает, что там под килем, — неизвестность сплошная....

— А капитан что?

— А капитан ванькой прикинулся. «Вот, — говорит, — лоцман, как нас механики подвели. Они ваше приказание дословно выполнили — такие ограниченные люди»...

И отхлебнув кофе, Владимир убежденно закончил:

— На страховку зуб точил. Я в порту справлялся: у него с английским Ллойдом контракт на двести тысяч фунтов. Внушает? Контракт десятилетний, через полгода кончается. А пароход совсем никудышным стал. Вот и не может капитан равнодушно на камни смотреть. Думал, шваркнемся о скалы, и точка с запятой...

Правду сказать, эта его убежденность не нравилась мне. Логически она, конечно, увязывалась со всем случившимся, но ведь все мы обнаруживаем большие способности к логическому мышлению, когда дело касается наших собственных промахов. Конечно, среди иностранных капитанов имеются охотники до страховок. Но большинство из них, впервые попадая на Енисей, реку большую и сложную, предпочитает целиком полагаться на лоцмана. А лоцман в чем-то может просчитаться, чего-то недоучесть...

— Знаешь, — сказал я Владимиру. — Очень хорошо, что ты сразу почуял недоброе этой самой... спиной. Но ведь случись что, судебные арбитры охотнее поверили бы судовому журналу, чем твоей спине.

Владимир вскинул голову, прищурил глаза, сжал губы. Можно было расплачиваться с официантом за кофе...

Из отчета, сделанного Владимиром в диспетчерском журнале, подробности происшествия стали известны всем лоцманам. Начались, как водится, пересуды. И вот тут-то впервые и была задета володина молодость. Один старый лоцман сказал:

— Старательный парень, грамотный, да только в муке еще не обвалялся как следует...

Если Владимир и не слыхал всех этих разговоров, то уж во всяком случае догадывался о них. Был он в эти дни особенно замкнут и неприступен.

Разговоры продолжались одиннадцать дней. Семь из них «Георгес» простоял в Игарке под погрузкой, потом, доверху груженный паркетными досками, он вышел в море, а еще через три дня радист нашей лоцманской шхуны принял с него сигнал бедствия. По объявленным координатам нанесли на карту место аварии — получилась каменистая банка Персей западнее Карских Ворот.

— Уметь надо в таком месте выскочить, — заметил кто-то из наших. Действительно, банка лежала далеко в стороне от фарватера.

Потом мы узнали подробности от знакомого штурмана с «Коломны». «Коломна» порожней шла в Игарку и к моменту аварии как раз была на подходе к Воротам.

— Грубейшая работа, — рассказывал штурман. — Коку судовому и то ясно, что к этим камешкам он заранее приценился. Без малейшего зазрения, среди белой ночи, так сказать... Мы его случайно заметили: он ведь сигналы не сразу подавать начал. Подходим, а он лежит правым бортом на камнях, будто отдохнуть при-

слонился. Пробоина через два трюма, метров на тридцать с лишним. А море вокруг все в паркетных дощечках, хоть мастикой натирай до блеска: с палубы у него весь груз при ударе за борт пошел. Вызываем его по радио, предлагаем помощь. Отказывается. Встали мы на якорь неподалеку, подождали часов шесть, опять помощь предлагаем. Опять отказывается. Тут крупная зыбь с моря пошла, стала долбать его днищем о камни. Долбала, долбала, живого места на нем не осталось. Тогда видим — шлюпки за борт спускают, и сами нас ракетой, по радио зовут. Теперь, говорят, можете приступить к спасению. И на шлюпках — к нам. Специально зыбь ждали, для гарантии, чтоб уж никакими ремонтами... Там теперь только груда вторичного сырья...

Не знаю, что творилось на душе у Владимира, но внешне не было и намека на злорадство. Сдержанность Володя тоже в себе воспитывал.

Рисунки Н. Мооса

О том, что на речке Лендахи есть золото, знали давно. Но золото было какое-то странное: то появлялось, то исчезало. Было ясно: по всей долине Лендахи разбросаны лишь золотоносные выносы из боковых притоков. Но в каком из притоков находятся коренные россыпи — оставалось загадкой.

Несколько лет загадку Лендахи пытались разгадать и проспекторы — вольноприносители, и опытные старатели, и даже геологи-энтузиасты — все безрезультатно. В конце концов найти коренные россыпи было поручено геологической партии. Но и ее постигла неудача.

Геологи нервничали, обвиняя друг друга в неправильных поисках, а тут еще ко всем бедам самый молодой разведчик, только что кончивший университет, «свихнулся» на лингвистике. За ним и раньше водились причуды: то он вдруг увлекался во вред основным делам фотографией, то вдруг «ударился» в целебные травы... Но все эти чудачества терпели, потому что ко всему прочему Вадим был отличным поваром, и это немаловажное в полевых условиях достоинство искупало все его «грехи».

Но когда Вадим вдруг увлекся изучением эвенкийского языка, терпению начальника партии пришел конец:

— Ты геолог или лингвист? Долго ты будешь своей тарабарщиной заниматься?

Вадим краснел, пыхтел, но, как только начальник партии успокаивался, опять углублялся в свои тетрадки. В августе Вадим окончательно замкнулся в себе и целыми днями просиживал над картой. На вопросы не отвечал, только умоляюще поглядывал: оставьте, мол, ради бога, в покое. Начальник партии махнул рукой: видимо, из парня геолога не получится. Приказал ему разработать самостоятельный маршрут и оставил в покое. И без этого чудака у Николая Владимировича неприятностей хоть отбавляй: ухлопали тысячи рублей, а золота по-прежнему нет.

Вадим совсем отстранился от полевых работ, пропадал где-то целыми днями, и Николай Владимирович решил было уже отослать его назад, в управление кадров, как вдруг однажды перед вечерней раскомандировкой Вадим зашел к начальнику в палатку и настойчиво потребовал дать ему, во-первых, двух поисковых рабочих, шурфовщиков, и во-вторых, разрешить ему создать «летучий» отряд для

рекогносцировочных работ. «Нужно же мне когда-то проявлять самостоятельность», — упрямо настаивал молодой геолог. И видя, что начальник партии колеблется, уверенно заявил:

«В конце сентября я вам дам ответ, есть ли хорошее золото в Лендахи и где оно находится, если есть».

«Да, самоуверенности у этого чудака не занимать», — усмехнулся Николай Владимирович. Но рабочих дал. «Можешь «лететь»,— разрешил он. Вадим, не ожидавший так быстро добиться согласия, даже растерялся, а потом бросился укладывать рюкзак.

Они ушли на рассвете.

Приближалась зима. Геологи заканчивали работу, увы! — безрезультатную. Лендахи свои сокровища спрятала надежно. На полевых работах остался только «летучий» отряд, с которым Николай Владимирович потерял связь недели две назад. Судя по последней рапортичке и у Вадима-чудака дела шли не блестяще. «Видимо на Лендахи придется поставить крест, — невесело решил Николай Владимирович и приказал свертывать лагерь.— Подождем день-два «летунов», а потом придется идти их искать».

Но искать «летунов» не пришлось. Они «вывалились» из распадка — измученные и исхудавшие.

Встречать «летунов» вышли все, и по сияющим заросшим физиономиям поняли: золото в Лендахи есть.

Доклад Вадима был назначен на утро — слишком уж вымотались «летуны». Докладывал начальник «летунов», держа в руках те самые пресловутые тетради с эвенкийскими словами, которые у геологов вызвали столько насмешек.

— Я обратил внимание, — начал рассказывать Вадим, — что большинство речек и ручьев, впадающих в Лендахи, носят странные названия. В русском языке корней слов, которыми названы эти притоки, как будто нет... Значит, надо искать в эвенкийском?

Я отлично понимал, что народ так просто имена рекам и речкам не дает. И если когда-нибудь на каком-нибудь из этих притоков со «странными» именами эвенки находили золото, они обязательно должны были закрепить свою находку в имени речки.

И что же? На первых порах я бился как рыба об лед. Дело в том, что все эти «странные» имена речек были уже обру-

севшими, так сказать, исковерканными, а мне надо было знать их первоначальные, чисто эвенкийские имена.

На мое счастье нашелся старик эвенк, отлично знающий не только свой родной язык, но и его многие наречия. Помните, я уходил из лагеря? Это я к нему ходил, за консультацией, так сказать.

Мы с ним перебрали около восьмидесяти названий, и так крутили и эдак — никакого просвета. Я уже было потерял всякую надежду, когда мы со стариком взялись за ключ Туринка. Начали мы с дедом колдовать над Туринкой — ничего подобного в эвенкийском языке нет, я уже было решил, что это чисто русское название — есть на Урале река Тура, ну, а в Якутии Туринка, как вдруг старик вспомнил, что когда-то давным-давно (это он слышал от своего деда) Туринка называлась иначе. Но как? В конце концов мы с ним узнали: Тюринкон.

Ну, а дальше — проще. «Тюринкон» можно разбить на два слова: «тюрин» — желтый и «кон» — ключ. Ну и что? До этого мы со стариком обнаружили среди восьмидесяти названий и голубой ключ, и зеленый... Но тут я вовремя вспомнил, что слова «золото» раньше в эвенкийском языке не было. «А как называли эвенки золото?» — спрашиваю старика. Он подумал и уверенно говорит: «желтый». Значит Тюринкон вовсе не желтый ключ, а золотой?!

Но это, конечно, только предположение. Вполне возможно, что Туринка могла оказаться и просто «желтым ключом» — ведь слово «тюрин» имело два смысла. Вот тогда я попросил у вас разрешения создать «летучий» отряд,— смущенно закончил Вадим и извлек из рюкзака мешочек с тяжелым золотистым песком.

А. ЖУКОВ

Рисунки Ю. Григорьева

Знакомые давно советовали мне побывать в этой студии. Но когда я шла туда, не питала особых надежд увидеть что-либо интересное: в «вундеркиндов» я не очень верю. Но вместо ожидаемых инфантильных домиков и корабликов, я увидела совсем иное...

Работ было много, показывал и пояснял их мне руководитель изостудии Визовского Дома пионеров города Свердловска художник Юрий Федорович Григорьев.

Разные это были работы, несомненно детские, робкие в технике и неуверенные в рисунке, но во многих из них была какая-то ошеломляющая зоркость, та зоркость видения, которая подчас доступна только детям.

Незаметно для себя я увлеклась — и было чем!

Это не совсем обычная изостудия — у нее в основном декоративно-прикладной профиль. Руководитель влюблен в свою работу и в своих ребят, он их друг и наставник. И, наверно, прав он, считая, что детские годы требуют увлеченной игры, а не нудности систематизированного преподавания. Дети у него работают увлеченно, свободно пробуют свои силы в освоении разной техники.

Основной состав студии — школьники 8—12 лет. Самой младшей художнице Марине Барбюсовой 6 лет, а самому старшему Валерию Вильбою — семнадцать.

Ребята стараются создать что-то красивое из всего, что им попадается под руку. Сальников Саша взял деревянную основу, серебряную пудру, клей, засушенные листья — и получился великолепный «Осенний дождь», красивый по цвету, с мягким, чуть грустным лиризмом.

Марина Захарченко учится в 3-м классе, но, взглянув на ее картину к «Трем толстякам», думаю, что и автор книги Ю. Олеша не отказался бы от такой иллюстрации.

Игорю Беляеву 11 лет и у него очень богатое воображение. Он увлекся керамикой. Так появились «Маленький Мук», «Рыбки» и какой-то, не то черт, не то еще кто, с таинственным именем «Черно-белый». А на пестро окрашенной фанере резвятся его проволочные «Дельфины».

Интересны и выполненные Андреем Тарановым (10 лет) декоративные шамотные вставки по сказке «О попе и его работнике Балде». Как много в них юмора и остроты! Только дети могут быть так щедры и искренни. Пусть не все из них со временем станут художниками, но любить и понимать прекрасное они, несомненно, научатся. И может быть, самый большой смысл заложен именно в этом.

Н. ГОРБАЧЕВА

Самый большой смысл...

Игорь БЕЛЯЕВ, 11 лет
О КОМСОМОЛЬЦАХ 20-х *(шамот, медь)*

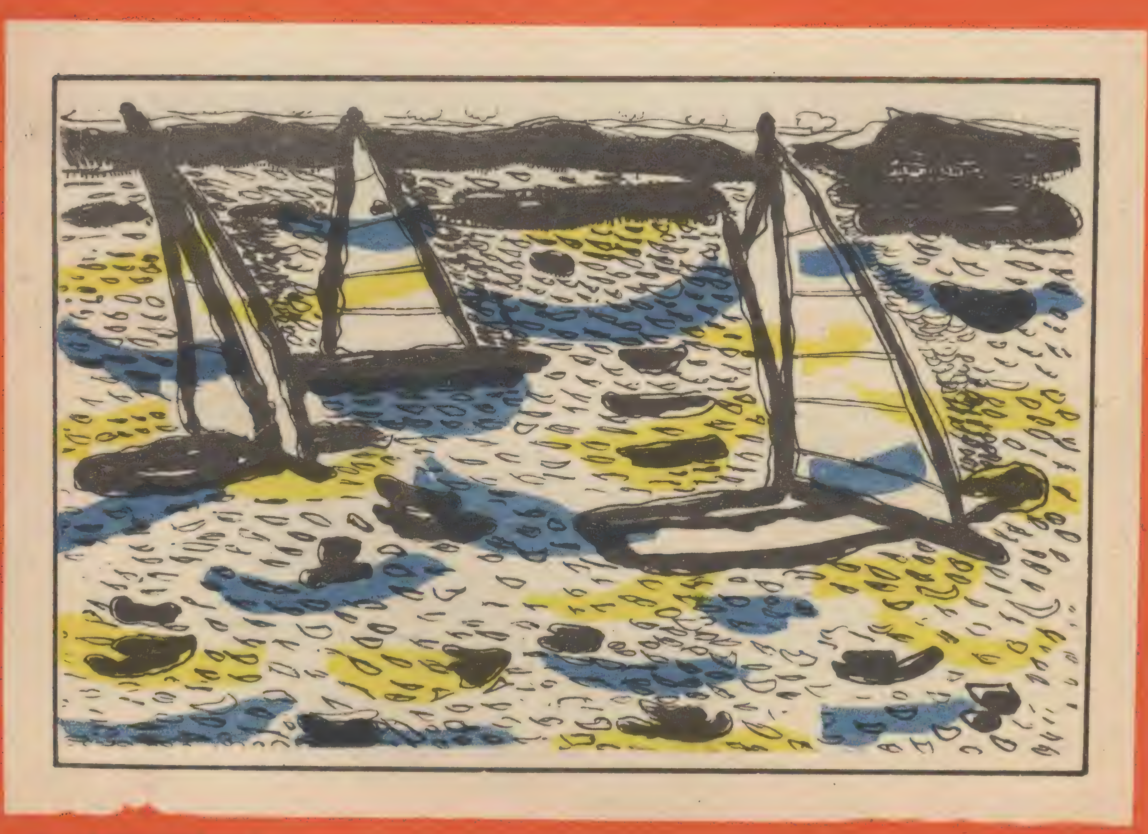
Слава ПОПОВ, 11 лет
РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК *(акварель тушь, стекло)*

Андрей ТАРАНОВ, 10 лет
СКАЗКА О ПОПЕ
И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ *(шамот)*

Игорь БЕЛЯЕВ, 11 лет
МАЛЕНЬКИЙ МУК *(керамика)*

Саша БЕЛОНОСОВ, 10 лет
ЯХТЫ *(акварель, тушь, стекло)*

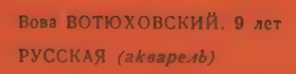
Игорь БЕЛЯЕВ, 11 лет
РОГАТЫЙ
(шамот, глазурь, стекло)

Валерий
ВЕЛЬБОЙТ.
17 лет
РАБОЧИЙ
*(чеканка,
алюминий)*

Юра НАСОБИН, 10 лет
СТАРИК ЛЕСОВИК
(дерево, глазурь, лак)

Вова ВОТЮХОВСКИЙ, 9 лет
РУССКАЯ *(акварель)*

Колумбы
каменного
века

В. ЛАРИЧЕВ

Когда впервые появился в Сибири человек? К какой расе принадлежал первый сибиряк? Что собой представляет его древнейшая культура? Какие причины заставили «сибирских колумбов» открыть и освоить новые пространства Земли? Что за силы увлекли их из роскошных тропиков на холодный север с его неприветливой тайгой: желание иметь новые охотничьи угодья, неистребимая и вечная человеческая жажда познания мира, страсть к бродяжничеству и приключениям, «авантюрный дух» или просто желание знать — что там, за очередным поворотом реки?

Сибирь хранит бесценные свидетельства, которые приоткрыли завесу над замечательными по значимости событиями и величественными подвигами, связанными с древнейшим человеком, нашим предком. Воображение привыкло рисовать его жалким дикарем, «троглодитом» — пещерным жителем. Но ведь именно ему, первобытному человеку, со всеми его слабостями, выпало на долю невероятно трудное — первым «путешественником» и «географом» шагать по Земле, открывая самые отдаленные и труднодоступные ее уголки. Это он за 40—50 тысяч лет до Колумба сумел пересечь из конца в конец Сибирь, форсировать Берингов пролив и открыть Новый Свет, Америку. Это он первым начал осваивать богатства Сибири, когда с успехом охотился на мамонтов и носорогов, бизонов и северных оленей, научился выискивать среди горных пластов подходящее для изготовления каменных орудий и ук-

...Воскресный день 14 апреля 1896 года оказался в Томске первым по-настоящему теплым весенним днем. Правда, снег сошел уже давно, но затем вновь вернулись морозы, которые сковывали подтаявшую было землю. Это воскресенье выдалось тихим и солнечным. Большой гарнизонный сад, раскинувшийся на берегу Томи, был переполнен гуляющей публикой.

Белое здание с колоннадой, первое и единственное в Сибири высшее учебное заведение, возвышалось над деревьями и было видно отовсюду. Учебный корпус по случаю воскресного дня сегодня закрыли, и за стеклянными дверями входа виднелась только унылая фигура сторожа.

Кому праздник и отдых, светские разговоры и возможность показать обновы, а кому работа и в воскресенье. «Чистая публика» брезгливо сторонилась, давая дорогу человеку с помятыми ведрами и лопатой в руках.

Это был один из томских гончаров, который решил воспользоваться теплой погодой и пополнить запасы хорошей глины, пригодной для изготовления горшков. Он знал одно заветное местечко. За зданием университета в сторону Томи выступал обрывистый мыс, возвышающийся над рекой на целых сорок метров. С западной стороны его прорезал старинный овраг. Стенки его часто обваливались, в особенности весной, когда начинала оттаивать промерзшая на большую глубину земля, и вот тут-то можно всегда найти местечко с нужным сортом глины.

Гончар обогнул университет, затем повернул вправо и стал спускаться в овраг. Он начал осмотр стенок оврага с самого устья, медленно поднимаясь по дну и временами подходя то к одному, то к другому борту, там, где виднелись свежие обвалы и размывы.

Еще издали он заметил обширную свежую полосу обвала, обнажившего стенку оврага на глубину около пяти метров. Гончар решил подняться выше, чтобы посмотреть ее.

С трудом лавируя между глыбами, опираясь на лопату, он взбирался наверх и вдруг остановился. Прямо под ногами лопата уткнулась в какой-то твердый продолговатый предмет и глухо звякнула. Гончар с трудом выворотил его из смерзшейся осыпи, соскреб с него глину и поразился — в его руках была кость.

Но какая кость! Ничего подобного он никогда не видел — в длину около метра и в несколько раз толще человеческой руки. Она принадлежала какому-то гиганту невероятной величины.

Гончар поднялся выше. То, что он увидел здесь, еще больше поразило его: прямо из глины снова торчали какие-то кости. Среди них легко можно было определить обломки ребер и позвонки. Размеры их не оставляли сомнения в том, что они принадлежали тому же гигантскому животному.

Обвал в овраге обнажил своего рода «могилу» великана. Что это за великан, когда он разгуливал по берегам Томи, каким образом его останки оказались в глине на такой большой глубине?

Ходят в городе рассказы о страшном великане слоне-мамонте, который живет под землей в темноте. Заворочается, дескать, он — и сотрясаются горы, но стоит ему случайно оказаться на поверхности и слон-мамонт становится беспомощным и погибает.

рашений сырье — кремень и кварцит, кварц и нефрит, графит и гематит.

Древний человек победил жестокий холод, когда с гениальностью прирожденного архитектора научился строить из дерева, костей мамонта и каменных плит хорошо приспособленные для условий севера дома. Сибирские морозы оказались не страшны ему в одежде, «разработанной» закройщиками и портными каменного века, — меховой комбинезон, плотно охватывающий тело, предохранял от самой лютой стужи.

Тяжелую борьбу за жизнь вели сибиряки каменного века. Она отнимала большую часть времени и энергии. Однако первые покорители Сибири оставили после себя волнующие и удивительные по силе выражения образцы искусства — наскальную живопись, скульптуру, украшения. Творческий гений первобытных людей красноречивее любых слов показывает, как давно «не хлебом единым» живет человек.

Первым всегда трудно, но быть первым 30—40 тысяч лет назад — можно ли представить меру тяжести, обрушившуюся на плечи человека? Он выдержал ее и потому заслуживает не жалости и снисхождения, а безграничного восхищения и удивления перед тем необычным подвигом, который ему удалось совершить.

Трудно сказать, какие из черт, особенно привлекательные в современном человеке, зародились в те далекие времена. Частицы железного характера и бесстрашия космонавта, когда он вырывается в просторы Вселенной, тонкость, изящество и проницательность ума физика, анализирующего основы мироздания, образность лирика, художника и музыканта, — разве не перешло все это к современникам через многие поколения от тех, кто впервые «штурмовал Землю», открывая тайгу Сибири и пустыни Монголии, саванны Африки и высоты Памира? Прежде чем завоевать небо, надо было освоить планету. Поэтому так интересно попытаться взглянуть сквозь мглу тысячелетий на древних покорителей Земли. Среди них первые сибиряки по величию совершенного ими подвига занимают одно из первых мест.

Всю жизнь он проводит под землей, а приходит время — и умирает своей смертью. Как же иначе объяснить, что кости его встречаются всегда на такой большой глубине?

«Может быть я, — думал гончар, — напал на такую могилу слона-мамонта? Надо сообщить об этом в университет профессорам — пусть придут и разберутся во всем сами, они люди ученые».

Вскоре к подножию обрыва нетерпеливо спустились профессор зоологии Томского университета Николай Феофилактович Кащенко и его коллега профессор Э. А. Леман. Их сопровождал гончар, который еще вчера побывал у Кащенко дома. Профессор принял его радушно, осмотрел кости и, смеясь, сказал, что ему, как зоологу, добавить к определению гостя нечего. Он действительно нашел кости слона-мамонта, лучше говорить просто — мамонта. Затем ученый начал дотошно расспрашивать, где, как и в каких условиях, на какой глубине найдены кости, есть ли еще их образцы в глине и необыкновенно огорчился (даже стукнул кулаком по столу), когда услышал, что какие-то люди собирались после ухода гончара искать в том месте клад.

Кащенко осмотрел место находки. Ошибки не было — в обрыве на глубине четырех метров залегали кости взрослого мамонта. Они располагались двумя большими гнездами, причем около восточной части обрыва встречались преимущественно обломки костей черепа и передней части скелета, а в западной — фрагменты громадного таза. Кости настолько прочно были охвачены смерзшимся грунтом, что попытки извлечь их из глины окончились неудачей. Но затем профессору неожиданно бросились в глаза небольшие черные точки и волоконца, рассыпанные среди кусочков глины. Как же он раньше не обратил на них внимание! Кащенко бросил беглый взгляд на лессовую стенку, где в отдельных местах торчали кости, и замер от удивления. Всюду между костями, а также несколько ниже и выше их на светлом фоне слоев глины виднелись те же черные точки и волоконца, только слегка размазанные, нечеткие.

Что за невидаль? Николай Феофилактович отложил собранные кости в сторону, поднял несколько волоконец. На пальцах осталась черная полоска.

Так это же уголь!

— Какой может быть уголь в толще лесса, что вы, Николай Феофилактович! — засомневался Леман.

— Не знаю пока, что это за уголь и как он попал в глину, но факт бесспорный, что он здесь имеется. Полюбуйтесь-ка на эти

черные примазки. Они могли быть оставлены только волоконцами сгоревшего дерева!

Леман присел рядом и они стали рассматривать мелкие черные частички. Вскоре он согласился, что это действительно уголь. Затем Кащенко показал частички угля, залегающие непосредственно в слое на той же четырехметровой глубине, что и кости, и торжествующе выпрямился во весь свой огромный рост.

— Как вы думаете, коллега, что бы это могло значить? — задал он вопрос Леману и выжидающее посмотрел на него.

— Думаю, самое естественное предположить, что здесь, на берегах Томи тысяч так двадцать лет назад горела тайга,— медленно начал Леман. — Можно предположить, что мамонт, застигнутый внезапным пожаром на водопое, не смог преодолеть стену огня, и прижатый к самому берегу реки, сгорел.

— А вы обратили внимание, коллега, — сказал, думая о чем-то своем, Кащенко, — на эту малиново-красную полоску лессовой глины? Там, сзади, около тазовых костей есть еще одна такая же. Это ведь не обычная случайная прослойка и железистые ржавые включения здесь ни при чем. Сильный огонь бушевал около нашего мамонта!

— Красновато-малиновая прослойка — опаленный сильным огнем слой лессовой глины, — весело подхватил Леман, радуясь, что их предположения, очевидно, совпали.— Ясно, почему они прослеживаются не всюду. Глина особенно сильно прокаливалась там, где падали и горели большие деревья.

— Интересная мысль, но я хочу высказать одно предположение, только, пожалуйста, будьте снисходительными к моей смелости, ибо область, куда я намереваюсь вторгнуться, для меня почти незнакома. Лесной пожар — это интересно, и трагическая гибель мамонта в огне — остроумная гипотеза, — задумчиво начал Кащенко.— Но почему бы не рискнуть объяснить все, что мы наблюдаем здесь и над чем вот уже час ломаем головы, несколько, может быть, неожиданно, но не менее интригующе — всему этому виновник человек!

— Какой человек? — не понял Леман.

— Человек каменного периода, современник мамонтов! Если остатки его культуры найдены на Ангаре и Енисее, то почему бы этому бродяге не забрести и на берега Томи?! — не то спрашивая, не то утверждая, воскликнул Кащенко.

— Но причем здесь человек, да еще современник мамонта?

— Как же причем? Прежде всего угольки и обожженная глина, — Кащенко схватил Лемана за руку и потащил его к месту, где торчали тазовые кости, и осторожно подчистил лопатой красновато-малиновую прослойку глины. — Посмотрите, ведь это же настоя-

Задача увлекательно рассказать о них полна трудностей. Слишком велика дистанция времени, мало оставили века и тысячелетия от ушедшей в безвозвратное прошлое жизни.

То, что находят археологи, занимающиеся древнекаменным веком — палеолитом, под многометровой толщей земли и глины, удивляет, на первый взгляд, примитивностью. Тем не менее, даже простой обломок камня, сколотый с кремневого желвака, — это целое повествование, которое, однако, надо, во-первых, заметить, во-вторых, суметь прочитать и, наконец, может быть, самое сложное и трудное — перевести этот рассказ в камне на «общечеловеческий язык».

В Сибири открыто много древних памятников: стоянки и поселения, охотничьи лагеря и захоронения. О каком из многочисленных открытий, полных захватывающих подробностей, лучше всего рассказать, кому из исследователей отдать предпочтение? Может быть, проще всего остановиться на работах последних десятилетий, заполненных особенно обширными плодотворными исследованиями?

Однако, как бы ни был выигрышен подобный шаг, все же, кажется, интереснее всего вспомнить первых исследователей, выявивших самых древних землепроходцев Сибири. Есть что-то общее и привлекающее к себе как в тех, кто раньше всех пришел в Сибирь, так и в тех, кто первым сказал людям об этих первооткрывателях новых земель. Каждый шаг для них оказывался полным необычного и загадочного, препятствий и лишений. История сибирской археологической науки, в особенности ее первоначальные шаги в изучении древнейших памятников, представляет исключительный интерес. Эти исследования проводились людьми, которые меньше всего думали о призрачной славе и известности, и тем более о чинах и званиях. Ими двигало бескорыстное служение делу и страстное увлечение любимым предметом. Наука обязана им тем, что они проложили первые тропинки на пути поиска сведений о первобытном человеке Северной Азии и уже поэтому их имена заслуживают особого уважения и памяти.

щая очажная линза. У нее четко очерченные границы. Видите, ровная линия вверху и полукруг внизу. Такое не могло получиться, если бы здесь горело просто дерево. Человек каменного периода выкопал неглубокую круглую ямку и достаточно долгое время поддерживал в ней огонь. Глина от него прокалилась и приобрела малиновый цвет.

У противоположного конца обрыва он подвел Лемана к куче собранных костей и попросил внимательно посмотреть их.

— Замечаете ли вы в этих обломках что-нибудь особенное, необычное?

— Ничего особенного, кроме, может быть, того, что кости, отобранные вами, разломаны не искателями кладов, а, очевидно, задолго до них.

— Прекрасно! Именно это я больше всего хотел услышать от вас, — воскликнул Кащенко. — Но как могли разломаться кости? Смотрите, они совсем не побывали в огне. А если это так, то остается предположить, что виновник такого явления...

— ...человек, современник мамонта? — закончил фразу Леман.

— Да, да, человек мамонтового периода! — подхватил радостно Кащенко. — Вероятно, люди убили этого гиганта и лакомились здесь его мясом. Кости раскололи они же. Что может быть вкуснее костного мозга, приготовленного на костре?

...Вскоре начались основные раскопки.

Все кости, найденные на площадке, принадлежали одному мамонту. Кащенко придирчиво и по многу раз возвращался к осмотру находки, но вывод оставался прежним: ни одна кость не дублировалась, они принадлежали животному одного возраста, никаких остатков других животных, помимо мамонта, на стойбище не оказалось.

Среди костей оказались также отдельные куски бивней со следами скалывания с них костных пластинок. Кащенко поэтому сделал вывод о том, что бивни, как особо ценное сырье, охотники унесли с собой.

* * *

— Господа! Я имею честь выступить перед уважаемым собранием с сообщением, может быть, несколько необычным, но тем не менее, надеюсь, интересным или, во всяком случае, заслуживающим внимания, обсуждения и дискуссий...

Николай Феофилактович волновался. Он поправил сползший в сторону узел галстука и строго оглядел зал заседаний Томского общества естествоиспытателей и врачей, где его сегодня, 30 октября 1896 года, попросили сделать доклад о результатах раскопок около Гарнизонного сада.

Со времени весенних волнений прошло ровно полгода. Как-то встретит его сообщение ученое томское общество?

Зал собрания полон. Помимо членов общества пришли студенты, а также профессора университета.

— Я расскажу вам, господа, — продолжал Кащенко, когда зал успокоился, — о находке, которая представляет нам хотя неполную, но живую картину, отрывок из жизни человека каменного периода, остатки его пиршества, состоявшегося, по всей вероятности, после удачной охоты... Известно, как Россия бедна находками глубокой старины, в особенности того времени, которое иногда называют делювиальным, или, попросту говоря, допотопным. Их можно перечислить буквально по пальцам. Позвольте напомнить, что первые неоспоримые остатки культуры допотопного человека России найдены в нашем холодном крае — в Иркутской губернии Чекановским и Черским, а через десятилетие на Енисее Савенковым. Правда, их находки приняты скептически. Попросту говоря, большинство их как бы не замечает. Однако происходит это оттого, что никто всерьез не разобрался в сведениях, ими собранных.

Первооткрывателей делювиальных культур в Сибири упрекают в том, что они не представляли доказательств совместного залегания каменных орудий и древних животных. Поэтому до последнего времени вопрос о первобытном, допотопном человеке в Сибири оставался открытым. Я боюсь показаться нескромным, однако, осмеливаюсь утверждать без каких-либо колебаний и со всей ответственностью, что в находке на берегу Томи около университета мы имеем первое и бесспорное доказательство одновременности существования в Сибири человека каменного века и мамонта...

По залу пронесся легкий шумок, а Кащенко подошел к длинному узкому столу, покрытому поверх темно-синей скатерти листами бумаги. На столе были разложены наиболее выразительные из находок: крупные трубчатые кости, раздробленные и лишенные эпифизов, фрагменты побывавших в костре и потому сильно пережженных костей, ребра и лопатки, тщательно очищенные от глины. На белом листе плотной бумаги темнели выстроенные в ровные ряды наиболее выразительные из каменных орудий — правильные ножевидные пластинки со строго параллельными гранями, «пилки» с зубчатыми краями, скребки.

Отдельно лежали кости, трубки которых обвивала мягкая, поблескивающая от света ламп, медная проволока. Николаю Феофилактовичу после кропотливой и долгой работы удалось по-

добрать отдельные, обнаруженные в различных частях раскопа части трубчатых костей и восстановить первоначальный их вид. Он радовался и гордился, что реконструкция оказалась успешной. Теперь можно было представить со всей наглядностью последовательность и этапы раскалывания человеком костей.

Начался увлекательный рассказ об обстоятельствах открытия костей мамонта и раскопках, которые последовали за ними. Кажется, Кащенко вновь переживал все перипетии исследования: трудности и мечты, сомнения и раздумья, радость успешного поиска и оправдание надежд. Николай Феофилактович говорил горячо, взволнованно и зажег неподдельным интересом к своему любимому предмету каждого из сидящих в зале.

— Господа! Прошу вас в заключение обратить внимание на главное обстоятельство — непременную связь каменных орудий с костями мамонта. Ни один обитый камень не встречен в глине выше костей, ни в слое ниже их. Мы специально обратили на это внимание. Пробные раскопы, заложенные в слое лесса ниже костей, не дали ни одной находки камня, хотя мы углубились на полтора метра по всей вскрытой площади. Все каменные изделия лежали или прямо на костях или непосредственно под ними, или, наконец, в пространстве между костями, но в точности в том же горизонтальном плане, что и они. Примечательно также, что ареал распространения кремней ограничивается площадью рассеивания костей. Вывод отсюда может быть только один — орудия человека каменного века одновременны костям мамонта. Они принадлежали тем древним охотникам, которые убили мамонта и съели его на берегу Томи. Углистые соли, покрывающие всю жилую площадку, так же как и зольники,— это остатки очагов первобытных, на которых поджаривалось мясо мамонта. Очаги, правда, расположены несколько в стороне от основной массы костей, но тем не менее одновременность их комплексу костей и каменных орудий кажется мне вне сомнения. Находки пережженных обломков костей мамонта, как и отдельных обитых кусков кремня в очагах, подтверждают это. Очаги, в сущности, завершают собой жилую площадку. Недаром раскопки за их пределами не дали никаких находок.

* * *

...Занималось утро нового осеннего дня. Старый охотник знал, что незаметно подкрадывалась зима с ее затяжными ветрами, снегопадами и метелями. Пора уходить вверх по реке к месту постоянного становища.

Трудно будет идти. Уже много дней вся еда состоит из небольшого кусочка жесткого, потерявшего всякий вкус, вяленого мяса. Для него, старого охотника, подобные голодовки, как впрочем и изнурительное, долгое до отчаяния ожидание зверя в засаде не так уж новы. Сколько их пришлось пережить за долгие годы странствий! Но с ним вместе теперь молодые охотники. Они впервые ушли так далеко от становища. Ему порой кажется, что случись с ним несчастье, спутники не найдут пути назад и погибнут в этой пустыне.

Охотник начал медленно и осторожно, почти бесшумно спускаться к реке. Совсем обжитое место — даже удобная тропинка протоптана.

Когда они пришли сюда, берега реки и окрестные возвышенности были одеты в пестрый, многоцветный осенний наряд. Теперь от былого великолепия осенних красок не осталось и следа. Ветер за несколько дней сорвал цветные одежды с деревьев и кустарников, безжалостно разорвал и разбросал их по земле. Все вокруг стало скучным и серым. Голые ветки тоскливо тянулись к небу, но оно уже не одаривало теплом, а чаще сыпало мелким дождем.

Вряд ли охотники остановились бы здесь, если бы не случайно обнаруженная хорошо протоптанная дорога на водопой, которая вела из оврага сквозь кустарники прямо к реке. Старый охотник осторожно обследовал ее и по глубоким следам, выдавленным в размягченной дождями глине, и веткам, поломанным на большой высоте, определил, что здесь не один раз проходило стадо мамонтов. Большое стадо! Дождик прошел недавно, а это значит: самое большее день назад мамонты брели на водопой — следы были почти совсем свежими. Охотников слишком долго преследовала неудача, чтобы не попытать счастья около этой реки. Они решили остановиться на ее берегу за оврагом, построили заслон от ветра и, не теряя времени, начали налаживать ловушку.

Там, где тропа, зажатая узким ущельем оврага, с крутыми, почти отвесными стенками, выходила к реке, они вырыли глубокую яму. Затем, перекрыв ее тонкими березовыми жердями, навалили на деревянный настил слой веток и травы, поверх которых рассыпали глину.

Старый охотник долго колдовал над ловушкой. Землю нужно было рассыпать и выровнять так, чтобы осторожные животные не за-

подозрили неладное. Поэтому он утаптывал ее в одном месте, рыхлил в другом, рассаживал по краям пучки травы и ветки кустарников.

Началось томительное ожидание. Обычно мамонты приходят на водопой дважды — утром, перед уходом на поиски лакомых трав, и вечером, когда возвращаются с плоскогорья сытые и мучимые жаждой. Но, может быть, духи навсегда отказались от покровительства охотникам и хотят погубить их голодной смертью? Уже сколько вечерних и утренних зорь встречали они в густом тальнике на склоне оврага, но стадо ни разу не появилось на тропе!

Но что это? На полянке, рядом с редким леском, там, где овраг круто поворачивал вправо, возник мамонт. Он постоял, нерешительно потоптался на месте, тяжело поворачивая из стороны в сторону голову и покачивая длинными, круто загнутыми на концах бивнями, а затем двинулся вниз по тропинке, прямо к западне.

Старый охотник бесшумно опустился на землю и крепче сжал в руках копье. Когда он снова взглянул вперед, по дороге, протоптанной к реке, друг за другом медленно вышагивали мамонты. Процессию замыкал настоящий гигант — огромное животное, с четко выделяющимся горбом на спине и клочьями висящей почти до земли шерсти. Он неторопливо шагал вниз к реке, подталкивая бивнями впереди идущих.

Подоспеют ли помощники старого охотника?

Первый мамонт между тем приближался к замаскированной яме.

Прямо внизу под обрывом вдруг послышался резкий треск дерева, глухой шум падающего тела, и вслед за тем ужасный рев потряс окрестности. Многократно отраженные эхом звуки разнеслись в настороженной тишине, и сразу же все кругом ожило и зашевелилось, как будто только и ожидало этого сигнала.

Стадо великанов, испуганное неожиданным ревом, замерло на мгновение. Животные настороженно подняли головы, а затем, как бы очнувшись от оцепенения, затрубили хрипло и

тревожно, начали разворачиваться назад, толкая друг друга.

А между тем виновник переполоха продолжал трубить — то яростно, то жалобно. Проломив одной ногой замаскированный настил из деревьев, он завалился на правый бок. Задние ноги и передняя левая оказались наверху и теперь мамонт делал отчаянные попытки приподняться, удержать сползающее в котлован тело. Нога, наконец, нащупывает опору, тело грузно выползает наверх и вот уже мамонт трубит торжествующе, приподнимается на ноги и прихрамывая пятится назад от ловушки.

Мамонт уходил, а вместе с ним уходили последние надежды на успешный исход охоты. Уходила жизнь, сытая еда!

С громким криком выскочил из засады старый охотник и с силой метнул копье. Со свистом устремилось оно вниз и впилось в шею животного на всю длину каменного наконечника. Кровь брызнула на траву, а древко, качнувшись бессильно, опустилось вниз. Это был жест отчаяния — убить одним копьем толстокожего гиганта — такое случается только в сказаниях о мудрых богатырях-охотниках, всесильных предках рода!

Старик спрыгнул с обрыва вниз и оказался невдалеке от мамонта, оторопевшего от новой неожиданности и острой боли. Охотник хватал булыжники, валявшиеся у подножья обрыва, и метал их, издавая дикие вопли. Оставалась только одна надежда, что подоспеют молодые помощники. Неужели не слышно за косогором около шалаша всего этого шума и рева?!

Услышали! Сверху из зарослей тальника просвистело новое копье и впилось в поврежденную переднюю ногу мамонта. Он протрубил угрожающе и решительно двинулся вперед на старика, не обращая внимания на камни, которые тот бросал. Однако новое копье, брошенное более удачно, пронзило бок животного и вновь заставило его остановиться.

И тут произошло неожиданное — из-за дерева сзади мамонта мелькнула невысокая тонкая фигурка самого юного из охотников. Воспользовавшись тем, что внимание животного было отвлечено стариком и копьями, которые продолжали лететь с левого и правого борта оврага, он незаметно для всех зашел сзади и теперь бесстрашно прыгнул прямо под ноги разъяренному великану, готовому идти напролом и потому потерявшему всякую осторожность.

Броситься под ноги мамонту — на такое решаются только самые отчаянные и смелые охотники. Легче всего нанести смертельный удар гиганту снизу, со стороны живота. Но для этого надо уметь незаметно подкрасться и нырнуть под него, причем так, чтобы зверь не только не увидел, но и не учуял охотника. Малейший просчет и неосторожность будет стоить жизни — сколько смельчаков погибало под тяжелыми ногами мамонтов. Еще одно копье воткнулось в землю прямо перед хоботом мамонта и охотник, воспользовавшись мгновением его замешательства, стремительно метнулся навстречу опасности. Вот он уже под животом мамонта. Поднято древко с острым наконечником, короткое приседание и как разжатая пружина брошено вверх сильное молодое тело.

Каменное лезвие легко разрезает кожу и вместе с древком погружается в глубь тела. Мамонт, оглушительно взревев, рванулся вперед

и, проскочив мимо опустившегося на землю старика охотника, взбежал наверх по пологому склону оврага. Здесь, недалеко от берега реки, он на всем ходу рухнул, подминая под себя кусты.

Когда охотники с воплями и пронзительными криками подбежали к мамонту, он был уже мертв. Возбужденные удачной охотой юноши устроили вокруг убитого животного благодарственный танец духам.

Они скакали около него, нестройно напевая гимны хозяину-мамонту, духу-благодетелю, сжалившемуся над ними и ниспославшему им пищу. Охотники вздымали к небу руки, тянули их навстречу кровавому, выкатившемуся из-за горизонта солнцу. Началась таинственная мистерия, повторяющая в деталях эпизоды только что законченной охоты. Часть охотников «превратились» в мамонтов. Вот они, тяжело ступая, движутся к водопою, вот остальные бросают в них копья, и один из «мамонтов» падает на землю, притворяясь мертвым. Пляски около него. И о, чудо! — «мамонт» оживает, он снова полон жизни. «Возродись! Возродись к жизни, о хозяин гор и лесов! Мы, дети твои, просим тебя — возродись! О, возродись!».

Вскоре уже полыхали костры. Молодежь, оживленно переговариваясь, разделывала тушу. Каменными ножами с треском вспарывалась толстая шкура, покрытая густой шерстью. Мясо срезалось большими кусками и перекладывалось зеленой травой, сохранившей свежесть, несмотря на позднее осеннее время. Затем подготовленные к долгой дороге куски туши заворачивались в части ловко раскроенной шкуры и перетягивались широкими ремнями. После этого оставалось только привесить подготовленные тюки к толстым жердям, и запасы пищи можно переносить к стойбищу.

Ни одна часть туши не была выброшена — из всего можно приготовить еду. Тяжелые кости конечностей, которые трудно тащить на далекое расстояние, аккуратно укладывались на костры. Они содержали мозг — самое лакомое блюдо. Его обычно предназначали основным виновникам торжества — охотнику, выследившему зверя, или тому, кто нанес решающий удар.

Каменные инструменты изготовлялись здесь же, когда в них возникала нужда: на берегу оказались россыпи гальки. Подобрав с десяток речных голышей, старик, пошептав что-то над ними, стал раскалывать их сильными, точно рассчитанными ударами. Пластинки-ножи тут же шли в дело. Затупившиеся или неудобные для работы инструменты выбрасывались и заменялись новыми.

Сам старый охотник, пополнив запас инструментов, занялся головой мамонта. Он рубил приостренным камнем роскошные, слегка изогнутые на концах бивни. Лучшего, чем мамонтова кость, материала для изготовления наконечников копий, рогатин, оправ кинжалов и ножей с желобками для каменных пластинок не найти. Из бивней можно также вырезать самые разнообразные украшения — браслеты, обручи, подвески, бусы, бляшки. Давно у них не было таких прекрасных, крупных бивней.

Весь день продолжалась трудная работа, но занятые делом охотники не думали о времени. Когда солнце склонилось к горизонту, все было кончено. От громадной туши мамонта осталась только груда беспорядочно разбросанных около костра костей. Уснули сытые охотники.

Не спали лишь сторожа и старый охотник. Он бродил по площадке, собирая рассыпанные кости мамонта и складывая их в строго определенном порядке. Хозяин гор и лесов должен родиться вновь, а для этого ему вновь понадобятся кости. Пусть возродится хозяин-мамонт!

* * *

Кащенко выпил глоток воды и перешел к заключению.

— Вывод, господа, из этого сказанного может быть только один: в Томске обнаружено уникальное не только для Сибири, но и для России европейской, а возможно, и других стран Европы стойбище человека каменного периода, современника вымершего мамонта. Это не какие-то разрозненные находки, понять которые в целом трудно или вообще невозможно. Перед нами единственный комплекс, представляющий собой поразительную по живости картину жизни первобытных, отдельный эпизод их нелегкой жизни, вызванный из мрака небытия. Древние аборигены Томской губернии, если хотите, самые древние жители Томска, бродили много тысячелетий назад по берегам Томи и счастье, охотничья удача сопутствовали им.

Там, где сейчас находится перевоз, им удалось своими примитивными каменными орудиями убить мамонта. Здесь же охотники развели костры и пировали, пока не съели все мясо. Томь — поистине река удачи! Как некогда повезло нашим далеким по времени предшественникам, так посчастливилось и нам. Они утолили здесь голод, а мы утолили жажду знания истории человека в Сибири таких далеких времен, о которых несколько десятилетий назад никто не мог и подозревать.

Рисунки Е. Стерлиговой

Горы, как и люди, также имеют имена — иногда их дает сам народ, что живет окрест, иногда экспедиции, открывшие новые хребты и вершины.

В начале двадцатых годов началось составление пятилетних планов развития уральской промышленности. Предстояло не только восстановить и расширить старые производства, заводы и рудники, но и ввести в строй сотни новых, открыть щедрые сокровищницы природных богатств Урала, освоить неиспользуемые до этого дальние районы края.

Именно тогда Уралплан и Академия наук направили на Приполярный Урал комплексную Североуральскую экспедицию. За пять лет — с 1924 по 1928 год — экспедиция под руководством ленинградского ученого Б. Н. Городкова основательно исследовала прилегающие к Уральскому хребту районы севернее 64-й параллели, составила топографическую и геологическую карты их. При этом был открыт новый горный кряж, которому экспедиция дала имя «Исследовательский».

До этого географы считали самой высокой вершиной Уральского хребта гору Тельпос-из. В новооткрытом кряже сразу три вершины оказались еще более высокими, чем «Гнездо ветров» (как переводится на русский мансийское название горы). Одна из них была названа Народной (по имени реки Народы) и стала «чемпионкой» среди Уральских гор — ее высота составила (по измерениям того времени) 1885 метров. Другая, высотой 1795 метров, получила имя в честь выдающегося русского ученого, уроженца Урала — А. П. Карпинского. А третья (1764 метра) была названа горой Дидковского.

Имя Б. В. Дидковского, старого коммуниста, крупного геолога, видного организатора уральской промышленности было в те годы широко известно на Урале[1]. К тому же он имел самое непосредственное отношение к открывшей хребет Североуральской экспедиции. Именно он был ее инициатором и одним из руководителей. Роль его в успешной работе экспедиции была настолько значительна, что участники открытия единодушно предложили дать одной из «новых» вершин его имя.

Гора Дидковского сложена устойчивыми горными породами, которые у вершины образуют пикоподобный шихан. На восточном склоне ее — два горных озера, большую часть лета покрытых льдами. У подножья горы — ледник Манси.

Позднее имя Дидковского было незаслуженно предано забвению, а гора на некоторых картах-схемах стала именоваться по-новому — Манси-нер, хотя официально этого имени ей присвоено не было — просто надо же было туристам и геологам как-то называть эту вершину.

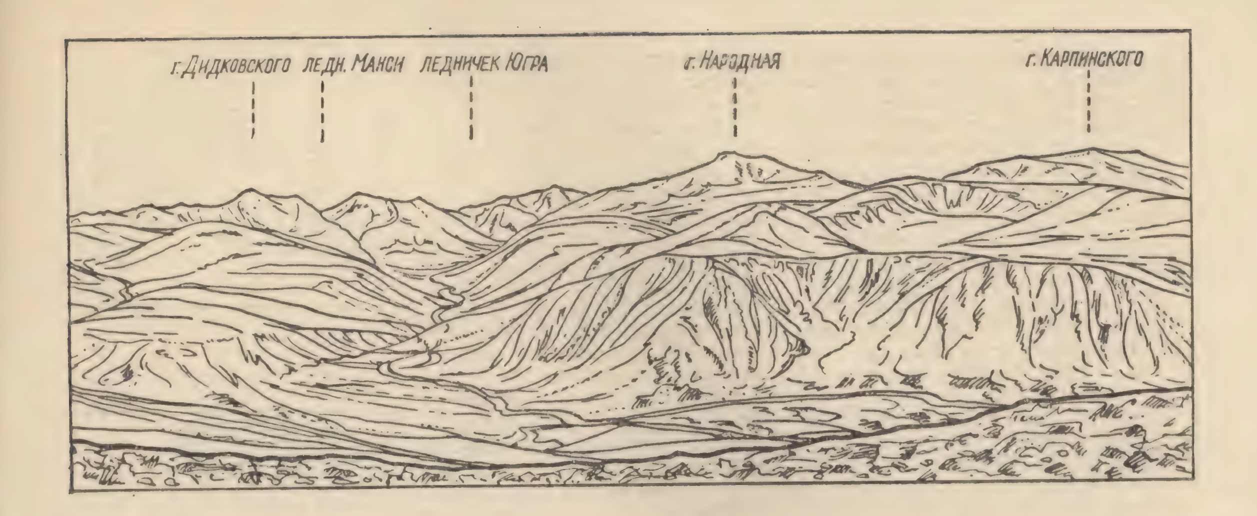
[1] См. о нем очерк «Труженик революции» в «Уральском следопыте» № 9 за 1966 год.

АЗЪ
БУКИ
ВѢДИ

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

В великой стране Словарии жило и не тужило одно могучее семейство — гнездо корня **здоров.** Сам хозяин Здоров, его хозяйка Здорова век старости не знали, сроду ничем не болели, зубы у них все целехоньки — крепкие да белые, в волосах ни сединки. И дети в родителей пошли — веселые, быстроногие, краснощекие: сын Здоровяк да дочь Здоровячка; да племянников и двоюродных братьев-сестер полным-полно: тут и Здоровенький и Здоровехонек, и Здоровенный, и Здоровящий, и Здравие, и Здравствуй, и Поздравление, и Здороваться (здоровья желать).

Собрались они однажды все за столы дубовые, принялись за яства-питья медовые. Здорово принялись, аж за ушами трещит: аппетиты-то у них — о-го-го, будь здоров! Вот уж обед к концу идет, и приготовился хозяин, сам Здоров, рассказать всем побасенку о том, что его дедушка Здоров Здоровилыч в декабре в проруби купался да по сто верст на лыжах хаживал, как вдруг в ворота застучал кто-то из всей мочи. Уж на что хозяин был красный весь, как зарево, а тут побледнел, как первый снег, побежал открывать ворота тесовые. Распахнулись они, и вбежали в дом всякие елки да палки, да коряги дубовые, да бревна со-

Накануне 50-летия Великого Октября Министерство геологии РСФСР, учитывая заслуги Б. В. Дидковского, обратилось с ходатайством о восстановлении названия горы. В феврале 1968 года ходатайство было удовлетворено решением расширенного бюро Междуведомственной комиссии по географическим названиям.

* * *

В честь полувекового юбилея Советского государства члены Свердловского клуба туристов совершили ряд походов по местам боевой славы. Экспедиция во главе с мастером спорта В. Карелиным прошла по местам похода отряда Б. В. Дидковского на Северном Урале (Кытлым — Павда — Растес — В. Косьва). Эта же группа побывала и на Приполярном Урале, в районе горы Дидковского. Там у них и зародилась мысль увековечить память этого замечательного человека.

И вот 4 апреля в адрес клуба туристов пришла телеграмма: «Взошли на пик Дидковского в плохую погоду. Маршрут подъема сложный. На вершине установили памятную плиту. Пик смотрится с запада очень красиво. Есть два мощных цирка на вершине. Подробности при встрече».

Возвратившись, туристы рассказали, что подъем был длительным и трудным. Встретились отвесные обледеневшие скалы и нагромождение каменистых глыб, грозящих обвалом. Дни стояли морозные, и дул ледяной пронизывающий ветер, готовый свалить людей с ног. Памятную плиту на вершине пика Дидковского укрепили болтами и тросами. Взяли несколько образцов горных пород, слагающих гору. Сделали фотоснимки и зарисовки обнажений и ландшафта. С вершины открывается чудесная панорама Исследовательского кряжа и живописный вид далеких отрогов Полярного Урала.

М. НИКОЛАЕВА

сновые: «Здоровеньки булы!» Кто стоя стоял, тот сидьмя сел. Кто сидьмя сидел, тот лежмя лег. А кто лежмя лежал, тому уже ничего не оставалось, как опять на ноги вскочить,— так все перепугались.

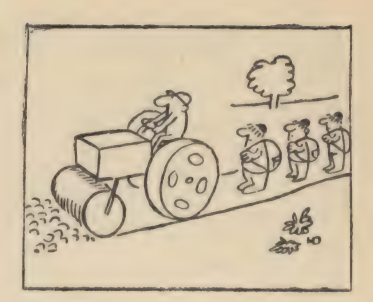
Стал хозяин их выспрашивать: «Кто вы, гости нежданные-негаданные, какого вы роду-племени?» А они отвечают: «Отведи нас сначала за столы дубовые да накорми-напои нас, мы тогда тебе и скажем». Нечего делать, отвел их хозяин за столы дубовые, напоил-накормил их досыта, да и опять спрашивать стал, откуда они пришли, из какого роду-племени. И встал Дуб Дубыч, всего лесного войска начальник и повел такую речь: «Эх, хозяин, Здоров-Здоровилушко, да как это ты родню свою забыл? Ну, погляди ты на красавицу Березу Белокорую, на статную Сосну Смолистую, на Ивушку Кудрявую, на добрых молодцев по имени Клен и Ясень, на старушку Осину Трясучую. Неужто ты нас всех забыл так, что и вспомнить не можешь?»

И отвечал хозяин: «Вы простите гости нежданные, я не знаю вас ни единого, я сам себе корень; ни рябины, ни осины, ни всяких там пеньев-кореньев да дров ведать не ведаю».

Услышал такие слова Дуб Дубыч и закричал во гневе громким голосом: «Ну-ка, Дубинушка-Деревинушка, напомни хозяину, где его родня! Хоть и ели-пили мы у тебя за столами дубовыми, да не любим мы зазнайства-гордости!»

Выскочила тут Дубинушка-Деревинушка и ну хозяина по бокам охаживать! Сразу он вспомнил, что у всех его гостей имя есть одно, древнее и почетное: **Дерево.**

Закричал хозяин: «Узнал я, узнал свою родню любимую!» И увидел он, что старушка Коряга Дубовая сидит и дубовый стол поглаживает, как дитятю родного, а Белая Березка в грусти деревянные ложки перебирает. И смягчился Дуб Дубыч, и началась тут беседушка честная и очестливая. Признался хозяин, что выдумал он дедушку своего Здоров-Здоровилыча, и что его, Здорова, пред-

Дорога

Дрова

ком было Дерево. Недаром на лесной Руси, за Волгой-матушкой и у седого Урала-батюшки, избы кондовые, бревна в обхват, по сту лет стояли. И недаром в неурожайные годы, когда хлеб выгорал или вымерзал, спасался грибами, ягодами да травами народ от голода. Лес давал все — и бревна, и жерди, и прутья, и лыко, и орехи, и лекарственные травы. Он давал жизнь. И не зря здорового, крепкого сложения человека сравнивали с деревом, и писали слово **здоров** в древности так: **съдоровъ** (приставка **съ-**, корень **дор-**, суффикс-**ов-**). Здоров — значит, крепок как дерево. И не только на Руси мы встречаем такое сравнение. В древнем Риме древесина дуба называлась **робур.** От этого существительного есть прилагательное **робустус** — первоначально сделанной из дуба, затем крепкий, сильный, здоровый, словно из матерого дуба вытесанный.

Оставим же теперь хозяина Здоров-Здоровилыча за мирной беседой с лесным семейством и пойдем дальше.

У корня дор-, дер- (вспомните известные чередования е-о: беру — сбор; нести — носить) имеется еще одно гнездо: деру, драть и его «дети»: задира, дерн (то, что дерут), задор, задрать, удрать, дранка, раздор (раздирание), вздор (первоначально — то, что сдирается с доски рубанком, стружки, отходы обработки дерева; затем слово изменило значение и стало означать чепуха, ерунда, нести вздор).

Слово **деревня** тоже относится к этому корню и означает: 1) очищенное от леса и зарослей место для пашни (лес выкорчевывался, выдирался); 2) пахотное поле; 3) строения возле пахотного поля. И слово **дорога** тоже родственное ему: оно означало сначала выдранное, расчищенное от леса место, проложенный по лесным зарослям путь.

Итак, мы видим, что корень до-, дер-, дир-, др- распался на три гнезда, теперь уже довольно далеких друг от друга; но исторически это **одно** гнездо. **Дерево** это то, что легко **раздирается,** в отличие от камня или металла. Но оно крепко, если это цельный огромный ствол. Отсюда **здоров.** Таковы смысловые связи этих слов. А теперь посмотрите на это развесистое дерево.

Многие другие корни разветвились не менее широко и пышно. Вот, например, **гром — грем.** От него образованы **гром, греметь, разгром, гремить, громкий, громыхать, огромный; т**акой большой, что его может охватить лишь раскат грома.

Первоначально слово **огромный** применялось для характеристики большого пространства, большой территории. В этом слове отразилась народная страсть к образности, наглядности выражения. Но яркая образность со временем стирается, забывается, и мы говорим, не смущаясь: огромное удовольствие, огромная корзина, огромный таракан, забывая о слове **гром.**

Стоит лишь повнимательнее всмотреться в судьбы самых простых слов, и мы увидим массу странного и нелогичного: **белила** — то, чем белят; **чернила** — то, чем чернят. Но вспомним, что чернила бывают и синие, и зеленые, и красные, и какие угодно. **Краска,** судя по корню, может быть только **красная.** Но она и голубая, и белая, и коричневая, и желтая, и черная. У слов **чернила** и **краска** произошло расширение значения, а у **белила** его не было.

У слова **квас** в древности имелось широкое значение **кислота** (до сих пор мы говорим: «квасить капусту», делать ее кислой), а затем оно сузилось, стало обозначать известный кислый напиток.

Итак, еще раз напомню, что у каждого слова — своя, особая история, и все то, что нам кажется странным, имеет свое разумное историческое обоснование. Страна Словария хранит тысячи загадок, ждущих своего разрешения.

В. ЖИТНИКОВ

ПИОНЕР ИЗ ГЕРАСИМОВКИ

14 декабря — 50 лет со дня рождения Павлика Морозова

Пожилая женщина идет по тротуару. Занята своими мыслями. Идет, не торопясь. Но вот оглядывается на двух мужчин. Их громкие голоса невольно привлекли внимание.

— Сколько лет, Иван! Сколько лет!

— А ты совсем седой. Ах, Пашка, Пашка!..

Давно не встречались, как видно. Может быть, вместе учились, может быть, воевали. Оба в годах...

Уже унесла, заглушила многолюдная улица этих неожиданно встретившихся мужчин. Но фраза: «Ах, Пашка! Ты совсем седой...» засела в голове, мешает сосредоточиться на том, о чем думалось раньше.

Ах, Пашка, Пашка... Ему было бы не меньше. Тоже бы воевал и, бог бы дал,— вернулся... Он непременно бы воевал...

Женщина проводит тыльной стороной ладони по лбу, словно хочет отогнать воспоминания, но они теснятся — разрозненными картинами, обрывками разговоров, родными голосами...

1918 год. Такой тревожный, такой голодный. Конец декабря. Деревня, заметенная снегом. И вся-то радость — в теплой избе, где убаюкался в люльке смешной несмышленыш. Ему всего-навсего несколько дней от роду... Низкое зимнее солнце золотит в окне оплывшую льдинку, раскачивает на побеленной печке зыбкую тень от люльки...

И сразу видится будто другая изба. Пашка уже подрос. Ему скоро тринадцать... Лампа горит посередине стола. Все дети спят, а Пашка сидит за столом, листает книгу. Без дела листает. Слушает, о чем рассказывает отцу егоршинский шахтер, в недавнем прошлом житель Герасимовки. Страшную историю рассказывает.

...Шел поезд в Тавду. Ночная тайга отступала перед жарким крикливым паровозом и плотно смыкалась за последним тамбуром, за красным хвостовым огоньком. В вагонах было душно, накурено. В простенке над проходом дребезжал фонарь, роняя желтый полусвет на утомленных пассажиров. Вдруг вагоны встряхнуло, грохнули с полок чемоданы, мешки. Закричали женщины. Теряя под колесами рельсы, вагоны рвали сцепки, сминали друг друга, летели, кувыркаясь, с насыпи по крутому склону, где, окутанный паром, разбросав самоцветы углей, умирал паровоз.

— Крушение подстроено было,— продолжал мужик.— Пока я без памяти валялся, кто-то у меня бумажник спер. Удостоверение шахтерское. И мертвых обобрали — документы и деньги...

— А документы зачем? — спросил Павлик.

— Как зачем! Карточку переклеил — и все. Законная фамилия на морде ведь не написана. Езжай, куда хочешь, еще пускай поезда под откос. Озлоблены они на нас до самой смерти,— и обернувшись к Трофиму, погоревал.— В отпуск, называется, приехал... Ты уж помоги мне, Трофим Сергеевич. Бумагу дай, что отсюда родом. Новые документы буду хлопотать...

Может быть, с того вечера и началось. Раньше-то Павлик не придавал значения, кому и для чего отец справки дает. Ну, этому шахтеру — по справедливости. А тем, из Тонкой Гривки, сосланным?... Ей-то самой невдомек было, что затянули мужа эти нелюди в трясину. За домашними работами света не видела. Но и то верно, что скрытен был Трофим...

Как мучался Павлик, когда почувствовал недоброе. Любил он отца. Уже после припомнился обрывок разговора. Пробегала по двору, слышала.

Трофим сидел, понурившись, на чурбаке. Павлик пилу держал, трогал пальцем острые зубья.

— Что же делать теперь? — глухо спросил он.

— Не знаю,— ответил Трофим.— Хоть в петлю, и то легче. Так и этак — выхода нет.

— А если я скажу?

Нет, он не угрожал, он вроде бы просил

отца: себе помоги, мне помоги, чтобы легче стало людям в глаза смотреть. Понимал, что не по злому умыслу поступил Трофим, оделяя первого ссыльного справкой сельсовета. На доброте его ловко сыграно было: дай, мол, Трофим, справочку, съезжу на родину, могилкам родным поклонюсь, месяца не пройдет — здесь буду, и справочку верну... Второй был нахальнее. А третий хозяином держался, прикрикнул: «Пиши бумагу, да поскорее!»... Коготок увяз, всей птичке пропасть...

А тут еще знакомый шахтер из Егоршино письмо прислал в деревню. Сообщал, что на соседней шахте случилась авария, обвал, что подозрение пало на бригадира, который по документам как будто из Герасимовки. Но по виду совсем незнакомый. Может, из новоселов? — спрашивал встревоженный шахтер.

Прослышав про письмо, двое ссыльных явились к Трофиму и пригрозили: если пикнет, пусть заказывает поминки.

И так и этак выхода не было. Впрочем, был один-единственный — как ни тяжело, сказать всю правду...

Ах, Пашка, Пашка! Даже врагу не пожелаешь тех мук, что довелось тебе пережить. И ту — последнюю, когда на глазах твоих убили младшего брата, когда нож занесли над тобой...

Тебя называют пионером-героем. Именем твоим называют парки и пионерские дружины. Среди деревьев, всегда в цветах, стоят твои памятники. Ты стал символом честности, непримиримости к злу... Когда разговор заходит о тебе, ребята, наверное, представляют прежде всего стройную бронзовую фигурку твою... Но для матери ты не из бронзы, не из гранита. Ты для нее — несмышленыш в люльке, мальчуган с первыми книжками за поясом, и уже паренек, который выглядит чуть старше своих лет. «Ты не печалься, маманя. Все будет хорошо»...

И только трудно представить матери, каким бы ты был сейчас, если бы остался жив. Похожим на тех, недавно встретившихся?.. В одном уверена — уважаемым человеком бы стал. С таким честным сердцем, какое было у тебя, нельзя не стать большим, уважаемым человеком. И сколько бы гордости, сколько тепла высказала бы она тебе при встрече: «Ах, Пашка, Пашка! Ты совсем седой...»

Л. РУМЯНЦЕВ

МИНЬКИН ХЛЕБ

А. ЩЕРБАКОВ

Догорал первый августовский день. Только что прогремел дождь, и теперь малиновые крыши домов, окрашенные чистым закатом, курились парком. Было тихо. Пахло полынью, укропом и свежими огурцами. Вдоль улицы, припадая к самой дороге, как выстреленные, проносились ласточки.

Мы с Михаилом сидели на длинном березовом кряже под окнами его дома, курили и неторопливо беседовали. Михаил днем работал на сенокосе. Травы этим летом вымахали такие, что их не перекосить, не переметать. Зайдет лошадь в такое буйное разнотравье — одни уши торчат. В колхозе уже давно заготовили сена, сколько планировали, но ведь пока есть, хочется взять как можно больше. Лето припасает — зима подбирает...

— Сегодня на Мартяшкиной закончили. Переезжаем на другое место,— рассказывал Михаил, попыхивая папиросой.— Чего, думаю, трактор гнать порожняком? Взял вот несколько хлыстов, обсучковал, привязал за серьгу и привез. Дровишки на зиму будут. Ведь все равно в колхоз за транспортом идти. А здесь как бы между делом, попутно...

Я слушал его деловитые рассуждения и не без гордости думал о том, что мы, недавние сельские ребятишки, стали уже совсем взрослыми. И разговор у нас взрослый, и дела нам доверяют серьезные. Гришка Теплых бухгалтером стал, Ванька Гришин — геолог, Федька вон бригадой руководит.

— Как у Лапина-то дела? — спросил я Михайла.

— А что? Федька — молодцом,— ответил Михаил, как будто ждал этого вопроса.— Дело у него идет. В партию вступил. Помнишь, он и в школе боевой был, и сейчас везде успевает. Бригада — одна из лучших. На молочной ферме — тоже все чин чином. На праздниках, на свадьбах — Федька первый запевала, да и так... В клуб на танцы с женой придет, так еще по привычке «цыганочку» отчубучит.

Да и мы тоже не запечными тараканами живем, в клуб ходим, в кино, в библиотеку, но, правда, танцор я, сам знаешь...

Михаил говорил и усмехался. Я чувствовал, что ему приятно сказать хорошо о нашем общем товарище. Мы на минуту замолчали, задумались, наверное, об одном и том же.

День угас. Только высоко в небе еще золотились легкие разводы облаков. На востоке, из-за потемневших крыш, паровозной фарой выкатила луна. У водопроводной колонки громко разговаривали женщины, бренчали дужками ведра и звенела о жесть тугая струя воды.

Я вспомнил, что такими же вот теплыми вечерами уходили мы в ближайший Гужевин лесок, чтобы поиграть, прячась в кустах, в «красны-белы». А когда совсем темнело, собирались у кого-нибудь на лавочке, рассказывали «страшные» истории, играли в «глухой телефон», в «красочки»...

Мы росли без отцов. Когда они уходили на фронт, мы были совсем крохотными и качались в зыбках, подвешенных к потолку на гнутком березовом очепе. Наверное, уходя, отцы склонялись над зыбками и целовали нас, потому что некоторые из мальчишек помнили колючие отцовские губы. Но самих отцов мы знали только по фотографиям. Нас растили матери. Мы не ходили ни в ясли, ни в садики. И редко кто из нас знал свою фамилию. А так как у одногодков имена зачастую были схожими, мы навеличивали друг друга по имени матерей. Гришка Нюрин, Гришка Кистин, Ванька Настасьин, Шурка Манин, Минька Евгеньин.

Потом, когда окончилась война и отцы стали возвращаться в деревню, в наших именах произошли изменения. Один Гришка Иванов, другой — Алексеев, Ванька — Гришин, Шурка — Ларионов, а Минька... Минька остался Евгеньиным.

Вскоре мы пошли в школу, и Минька Евгеньин учился с нами и как будто ничем не отличался от нас. Только, может быть, аккуратнее, чем у других, были наложены заплатки на его рубашках. И может, был он серьезнее нас и все реже играл с нами. Минька всегда торопился домой, чтобы поскорее выучить уроки и помочь матери по хозяйству. А вечерами, когда выдавалось свободное время, он часто уходил в столярку, где тетка Евгения работала сторожем. Минька доставал из шкафа топор, рубанок, фуганок — и вставал к верстаку. А утром он приносил в школу линейки, пахнущие свежей стружкой, и дарил их нам. Линейки были настоящие, не хуже фабричных, гладкие, ровные, с круглыми дырками и даже с делениями.

Минька повзрослел быстрее, чем мы. Он стал хозяином, мужчиной в доме, и наши матери ставили его в пример нам. И по сей день, когда я встречаюсь с Минькой и здороваюсь с ним, то чувствую к нему особое уважение, как к более опытному, бывалому человеку, которому выпала нелегкая судьба. С детства познавший труд, Минька рано возмужал, закалился, и хотя он — нескладный, худой, рослый, с впалой грудью и длинными руками — производил впечатление человека жидкого, на самом деле был железным в работе. В этом я убеждался не раз, но один случай особенно памятен мне.

...У старых прицепных комбайнов «Коммунаров» не было современных удобных соломокопнителей. Но, чтобы хоть как-то собрать солому, механизаторы сами к хвосту комбайна приделывали параллельные брусья и к ним на железных прутьях подвешивали скат, сколоченный из досок,— нечто вроде детской зыбки. От ската к штурвалу или бункеру тянулась веревка. Когда на досках собиралась порядочная куча соломы, нужно было дернуть за веревочку — и солома скатывалась на стерню. Дергать веревочку ребятишки шли с охотой, даром что там платили негусто. Работать со взрослыми, на комбайне — дело почетное. Все мы «дергали веревочку», и Минька Евгеньин — тоже.

Однако веревочка продержалась недолго. Копешки соломы получались мизерные, разыскивать их зимой под снегом было нелегко. Особенно — рассеянные в беспорядке. Пахать такое поле — еще труднее. Естественно, что сельские мастера стали искать выход.

К тому времени в район пришли первые «Сталинцы» с настоящими емкими копнителями. И вот по их образцу и подобию кузнецы в содружестве со столярами выполнили самодельный копнитель. Сначала один, потом целую серию.

В принципе это была большая таратайка, прицепленная сзади комбайна. Рама со скатом на оси, огражденным перилами, монтировалась на двух колесах, тележных с деревянным ходом, или же заимствованных у конной сенокосилки. «Веревочки» теперь не было. Копнильщик стоял под транспортером, поставив одну ногу на раму, другую на скатную доску. Он вооружался вилами и между перил метал большую, насколько мог, копну, затем убирал ногу, которая стояла на скате, доска опрокидывалась и копна благополучно сползала на землю. В теории выходило легко и просто. Но практика оказалась сложнее.

Вскоре бригады столкнулись с непредвиденным: никто не хотел вставать на копнитель. Приходилось на время уборки составлять список очереди по алфавиту: сегодня один, завтра — другой, послезавтра — третий... Однако был в селе Таскино человек, который работал на самодельном копнителе один, без смены — Михаил Закутилин, железный Минька.

Наверное, я бы до глубины не оценил, не почувствовал его подвига той осенью, если бы однажды, когда наш «Сталинец» стоял в кустах на ремонте, Минька не попросил меня на время обеда поработать за него на копнителе. Я согласился, но вскоре пожалел об этом, так как попал в сущий ад. Шаткое сооружение, как трясина, качалось под моими ногами. Я вынужден был, чтобы не упасть, хвататься то за перила, то за комбайн. Вилы выскальзывали из рук, я прыгал за ними на землю, а когда возвращался, хвостовик уже подпирало грудой соломы и комбайнер выразительно показывал мне кулак. На малейшем повороте соломенный поток обрушивался на меня, остье просыпалось за шиворот и разъедало потную спину. Скат отказывался опрокидываться, и я, собирая все силенки, сталкивал солому вилами. В суматохе я проезжал ряды копен и тогда комбайнер раздраженно рвал охриплый свисток.

Полчаса, пока Минька обедал, показались мне вечностью. Но всему бывает конец. Вернулся хозяин. Он неторопливо взял у меня вилы, очистил скат, поплевал на руки и махнул трактористу: пошел! Комбайн тронулся. Минька повернулся вполоборота к соломенной лавине, широко расставил ноги и стал мерно, будто махая веслом, отметывать солому. Работал он без суеты и четко, как заведенный. Напротив соломенного ряда, как бы мимоходом, убирал с доски ногу, и копна послушно становилась в строй. А Минька снова греб и греб, уплывая все дальше к горизонту, и уже казалось, что не комбайн идет через поле, а Минька плывет на огромном баркасе.

Пока агрегат не скрылся за поворотом, я все стоял и восхищенно скреб затылок. Не думаю, чтобы Миньке было легче, чем другим. Просто жатва для него уже тогда стала делом хлеборобской чести. Минька старался и за себя, и за своего отца. А крестьянин Евтей Закутилин плохо никогда не работал.

...Скоро все парни, что остались жить в селе,

выучились на трактористов, шоферов, комбайнеров. А Михаил еще долго был просто колхозником, работал на разных. И не потому вовсе, что ему трудно было учиться (он в школе учился довольно легко, ходил в ударниках), просто он знал многие работы и умел ценить каждую.

Сначала в бригаде то конюшил, то сено возил, то под зародом стоял... Потом на свиноферме работал. Водовозом был. Фураж молол. А потом все же решил стать механизатором. Окончил в Таскине вечерние курсы, и вручили ему тот самый серый, как ворон, трактор «ДТ», по прозвищу «детка», который стоял перед нами августовским вечером, посвечивая стеклами встречным машинам.

— Старик,— говорил Михаил, кивая на трактор,— старик, но дюжит. Весну отработал куда с добром. Теперь мы его снова проверили, подкрутили и на уборке будет ходить не хуже молодого.

Старый конь и впрямь в ту осень тянул лямку, как молодой, за троих, хотя упряжка у него была не совсем обычная и не очень надежная.

После первого лета разомлевшие хлеба подходили лениво и неравномерно. Страда обещала быть поздней, затяжной, трудной. Дополнительная техника — только она могла ускорить и сократить жатву. Но где взять эту самую дополнительную технику? На базаре не купишь... Вот тогда-то и пришла Михаилу мысль: а что если восстановить хотя бы один из старых прицепных лафетов?

— Назад, к средневековью? — неопределенно пожал плечами напарник Афоня Тимшин.— Да и где найти его, разве — в утиле?

Это походило на правду. Списанная жатка, больше похожая на старый коммунаровский хедер, стояла у мастерских в ожидании последнего пути именно туда, в утиль.

Однако председатель колхоза Иван Мартюшов отнесся к идее механизатора более доверчиво и благосклонно. Он сразу глянул в корень: лафет может заменить целый комбайн на скосе хлебов, а комбайн обмолотит валки худо-бедно на двухстах гектарах. Это ли не подспорье, когда «один валок и тот давай сюда»? За дело, товарищи!

На осмотр «руин» и дефектовку «останков» ушло полдня. Потом началась, как шутили ребята, «реставрация Бурбонов, привезенных в фургонах». Отдельные части лафета в столярку и кузницу действительно привозили в фургонах, как последних представителей бывшей династии.

Клепали, ковали, варили, наращивали. Кузнец Сергей Калачов подтрунивал над энтузиастами, волчком крутясь у горна, приговаривал:

— Как старую лошадь не подковывай, далеко не уедешь!

Но трактористы уехали уже на третий день. Правда, пока для пробы недалеко,— за поскотину, на Бызову пашню. Афоня, в глубине души еще не совсем веривший в затею, сел на трактор. Михаил — на железную, от конной сенокосилки, беседку лафета.

С тревогой оглядываясь назад, Афоня тронул вперед осторожно, мягко и пошел на первой скорости. Завизжал привод, замахали, рябя, крылья мотовил, подрезанные колосья валом повалили на стремительное полотно.

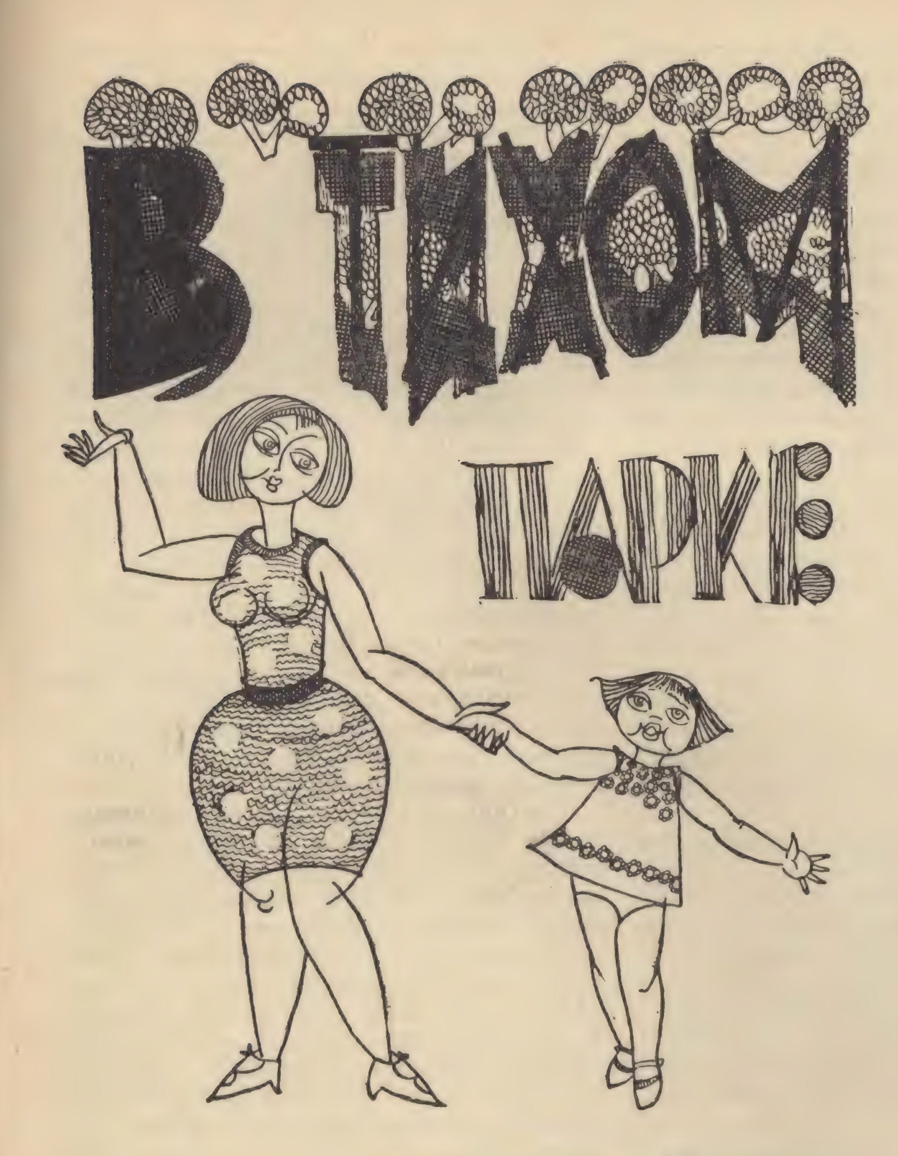
«Все путем»,— подумал Михаил и ободрительно закивал товарищу, показывая «козу» — два растопыренных пальца. Напарник понял. Трактор, на секунду приостановившись, побежал быстрее, сверкая гусеницами и слегка кланяясь на выемках и гребешках поля. Теперь тракторист уже сел за фрикционами прямо, смотря по загонке вперед. Когда же он оглянулся снова, Михаил что-то возбужденно кричал, привстав, и, размахивая рукой, показывал... четыре пальца! Давай на четвертую! Афанасий хлопнул ладонью по лбу и огляделся. Верно, полоса пошла чуть под уклон, колосья здесь были и ниже и реже, но на четвертую скорость он пока не решился, включил третью — для обкатки достаточно...

Ну, а потом была, конечно, и заветная четвертая, иначе как бы Михаил с Афанасием смогли скосить в эту осень без малого четыре сотни гектаров хлебов.

...В конце сентября получил я из Таскино письмо. Мне сообщили, что жатву колхоз им. Кирова завершил еще по хорошей погоде, что государству сдали вместо 20 тысяч центнеров хлеба 35 тысяч и что машины идут и идут в Каратуз с зерном мимо наших окон и нет им конца и краю.

Мне писали также, что Михаил Закутилин пашет зябь. Дальше в письме перечисляли всех моих остальных школьных друзей, и я снова с гордостью подумал, что мы уже стали совсем взрослыми и что Минька Евгеньин давно и прочно стал Михаилом Закутилиным.

Село Таскино, Красноярского края

В тихом парке

Михаил МИХЕЕВ

Рисунки Ю. Григорьева

Фантастический рассказ

Он так и назывался — Тихий Парк. Планировка его была самая старомодная — кусты, узкие аллеи, цветочные клумбы, удобные скамейки. Фонтаны на перекрестиях аллей,— тонкие струйки воды опрокидывались в бассейны с мягким шелестом, который не нарушал, а лишь подчеркивал тишину.

Как и все остальные парки, он был пластмассовый. И трава на газонах, и цветы на клумбах, и кустарники — все это было искусственное, все было сделано на Заводе декоративного искусства, из запрограммированной саморастущей пластмассы.

Двойная стена пластмассовых деревьев отгораживала парк от шумящего многомиллионного города.

Из городских жителей только древние старики еще смутно помнили, как выглядели живые цветы: по их мнению, искусственные растения в парке походили на настоящие не больше, чем мраморная статуя — на живого человека. Но стариков оставалось уже мало, и посетителей парка вполне устраивали искусственные растения. Тем более, что там были цветы, которые могли складывать и распускать свои чашечки и даже пахли: ароматные эссенции изготовлял Завод приклад-

ной парфюмерии. И были цветы, которые распускались только по ночам, лепестки их флюоресцировали в темноте — этого уже не могли делать живые цветы.

Песок на аллеях, конечно, тоже был пластмассовый, из упругого пылеотталкивающего метабистирола.

Даже воздух на аллеях... Специальные установки кондиционирования увлажняли его, обеспыливали, обогащали ионами и кислородом, и уже вот такой облагороженный воздух подавался на аллеи парка. Громадные насосы, фильтры, увлажнители находились глубоко под землей, шум работающих механизмов не нарушал тишины.

Тишина была самая настоящая. Это признавалось всеми и считалось главной достопримечательностью парка.

То, что он был пластмассовый, не удивляло никого.

Садовод такому парку не требовался. Но установки кондиционирования и сложная электроника запрограммированной пластмассы нуждались в уходе и регулировке. Человеку такое занятие показалось бы не творческим и поэтому скучным.

За всем хозяйством парка следили два человекоподобных робота.

Серийный технический робот РТ-120 считался специалистом по электронике и автоматике. В его метапластиковых пальцах были вмонтированы всевозможные датчики, индикаторы, миллиампервольтметры, и он мог обнаружить и устранить повреждение в электрической схеме во много раз быстрее, нежели человек.

Но РТ-120 разбирался только в технике и ничего не смыслил в искусстве. Если почему-либо ветка кустарника или цветок на клумбе начинали нарушать общий рисунок — тут он уже сообразить не мог. Поэтому декоративными работами заведовал другой робот — ЭФА-3, специально сконструированный для этой цели в опытном цехе Института Кибернетики.

Особенно хорошо было в Тихом Парке по вечерам.

Когда над грохочущим городом повисало ослепительное зелено-розовое зарево ночных светильников, аллеи парка заполнялись тихими сумерками. Подсвеченные струи фонтанов бросали вокруг дрожащие голубые сполохи, дальние уголки парка освещались только слабым свечением флюоресцирующих цветов.

К причальной колонке у входа в парк подплывали огромные городские воздухобусы. Высадив пассажиров на площадку лифта, воздухобус уносился дальше, как детский воздушный шарик, гонимый ветром.

Приехавшие спускались в парк и по одному, по двое исчезали в сумерках аллей.

Сюда приезжали не развлекаться — для развлечений имелись другие места, — сюда приезжали просто посидеть и помечтать в тишине и одиночестве. Или не спеша поговорить по душам с хорошим товарищем.

Заглядывали сюда и влюбленные.

Здесь было где уединиться, спрятаться от чужих глаз, выключиться на время из суматохи громадного города.

Скамейка ничем не отличалась от настоящей — она даже резалась ножом. Между тем в ней не было ни единой белковой молекулы: скамейку отлили на Заводе общественного оборудования из алюмонатрипластика, который, в свою очередь, делался из глины.

На скамейке сидели двое. Настоящие живые люди, сложное сочетание живых клеток, которые неживая природа в свое время бездумно и случайно синтезировала из хаоса белковых молекул.

Они впервые приехали в Тихий Парк.

Впервые выключились из толчеи городской жизни, где всегда нужно было что-то делать, где кто-то или что-то ежеминутно владели их вниманием, управляли их поступками. Впервые они очутились наедине, в темной тишине аллеи, предоставленные только самим себе. Почувствовали себя растерянно и никак не могли начать разговор.

Ветви искусственного кустарника нависали над их головами. Она протянула руку, подергала за листок, хотела оторвать и не смогла.

И сказала тихо:

— Прочная...

Он тоже потрогал листок и сказал еще тише:

— Да, полимерная пропиллаза... предел разрыва шестьдесят КГ на квадратный миллиметр.

— Это не пропиллаза, — робко возразила она. — Это — дексиллаза. Пропиллаза гладкая, а эта — бархатистая.

Он не понял:

— Какая?

И смутился.

— Бархатистая, — повторила она. — Ткань была такая — бархат, мягкая и пушистая.

Он не хотел спорить, но и согласиться не мог. И сказал расстроенно:

— Пропиллаза тоже бывает пушистой. Когда в основе ди-хлоркарболеновая кислота.

Она посмотрела на него с сомнением. Потупилась и сказала:

— На карболене... пропиллазу не запрограммируешь...— и тут же добавила радостно: — Хотя, если поставить усилитель Клапки-Федорова...

Он тоже обрадовался.

— Конечно! — подхватил он.— И пустить токи в релаксации...

— И программу записать на пленку,— закончила она.

Они исчерпали тему, и говорить опять стало не о чем. Он долго и мучительно раздумывал и наконец спросил:

— Ты что делала вчера?

Она оживилась.

— Вечером ходила в зал концертов цветомузыки. Играли желто-розовую симфонию в инфракрасном ключе.

— Хорошо?

— Не знаю... Видимо, у меня спектр зрения сдвинут в сторону фиолетового восприятия. Я ничего не поняла. Люди вокруг улыбались, а мне было грустно... Я думала, что ты придешь.

Он заволновался.

— Я хотел, но... В лаборатории установили новый диполятор, и вчера мы свертывали пространство.

— Почему вы свертывали его вечером?

— Мы начали днем, свернули почти кубометр, а потом в диполяторе лопнул мезодатчик, и мы никак не могли раскрутить пространство обратно.

— Оставили бы так.

— Ты же знаешь, что пространство держать свернутым нельзя. Может произойти временной парадокс.

— Пусть происходит.

— Что ты! Потеряется целый кубометр...

— Подумаешь, один кубометр у бесконечности! Никто бы и не заметил.

— Конечно, никто бы не заметил. Только наш профессор заявил, что мы не имеем права так бесхозяйственно обращаться с бесконечностью. Пришлось раскручивать пространство вручную, вот мы и крутили до вечера. Хорошо, что потом Бинель нашла в утиле старый мезодатчик.

— Значит, Бинель тоже... раскручивала?

— Конечно. Она же наш мезопрограммист.

— Так я и знала...

— Послушай... ты не права. Мы с ней работаем вместе, и только.

Она отвернулась. На глазах ее сверкнула слезинка. Он беспокойно задвигался на скамейке.

— Право, я не интересуюсь ею, как девушкой... Поверь, пожалуйста! У нас даже биотоки с ней разной полярности!

Она сразу повернулась к нему.

— Как ты узнал?

— Очень просто: мы не можем с ней вместе работать на мезонном ключе — нас бьет током.

Тут она поверила и улыбнулась.

— Вот видишь,— сказал он.— Я же тебе верю... Я не спрашиваю, с кем ты тогда была в автомате. Что это за молодой человек?

Она вдруг смутилась. Он заметил и насторожился.

— Это... это не молодой человек,— наконец сказала она.— Это мой отец.

— Вот как? Я думал, у тебя нет отца.

— Он недавно вернулся из экспедиции к Большой Медведице.

— Сколько же времени его не было?

— Восемнадцать земных лет.

— Он такой молодой.

— Они летели на субсветовой скорости. Сейчас он моложе меня на год...

Она совсем смутилась и замолчала. Он тоже молчал, обдумывая неожиданное признание. Она спросила виновато:

— Ты сердишься на меня?

— За что?

— За то, что у меня такой отец.

— Что ты... совсем нет.

Легкий, но холодный ветерок — настоящий, далекий гость с семидесятой параллели — проник за деревья, зашелестел искусственными листьями.

На ней было легкое платье без рукавов. Она невольно поежилась.

— Тебе холодно?

— Немножко. Мама говорит, что у меня плохо усваивается витамин группы «В», поэтому нечетко работает центр теплорегуляции, и я мерзну чаще других.

Он продолжал беспокоиться.

— В самом деле, холодный ветер. Не понимаю, почему здесь не устроили

би-поле над скамейками, для микроклимата.

— Вероятно, много потребуется энергии.

— Подумаешь! Над каждой скамейкой полусфера в десять квадратов. Повосемь на десять в пятой джоулей на квадрат...

Тут он наконец вспомнил про свою куртку. Снял, накинул ей на плечи.

— Спасибо,— сказала она.— А ты?

— Мне не холодно.

Но он подвинулся ближе, и она прижалась к его плечу. Ее щека коснулась его щеки. Время остановилось для него, как останавливалось оно в диполяторе, когда свертывали пространство. Ему хотелось сидеть так вечно...

Она думала о другом и спросила:

— Ты меня любишь?

— Что? — переспросил он.— Ах, ты в том смысле?.. Кажется, люблю.

— Почему — кажется?

Он замялся.

— Ну... это слово, как я помню, выражает общее состояние...

Она нетерпеливо повела плечом.

— Вот и вырази свое общее состояние.

— Я не знаю, как сказать.

— Ты же читаешь художественную литературу.

— Там нет таких слов. Разве только в старинных романах. Но кто же сейчас говорит теми словами.

Она вздохнула легонько.

— Старыми словами тебе говорить не хочется. А своих у тебя нет. Мне так захотелось, чтобы ты сказал какие-нибудь старые слова.

— Зачем тебе слова?

— Не знаю,— сказала она грустно.— Наверное, такие слова приятно слышать...

Он разволновался, задвигался, растерянно поморгал.

— Хорошо! Я скажу. Подожди, сейчас...—он помедлил, потом заговорил быстро и сбивчиво: — Мне всегда скучно без тебя... всегда трудно без тебя... Я всегда хочу тебя видеть. Я, кажется...

— Кажется...

— Нет, просто... я не хочу без тебя жить!.. Хорошо?

— Хорошо,— сказала она и улыбнулась.— Хорошо, почти как у Диккенса...

Незаметные в темноте, по соседней аллее прошли два робота. РТ-120 шагал методично и размеренно, каждый шаг его был равен метру, и делал он один шаг в

секунду. ЭФА-3 была ниже его, зато ножки ее двигались в два раза быстрее, и она не отставала от своего спутника.

Она остановилась первая.

Повернула в сторону сидящих на скамейке свои хорошенькие решетчатые ушки — очень похожие на кухонные шумовки,— но ничего не поняла.

— Ты слышишь, что они говорят?

Слуховые локаторы РТ-120 были несравнимо чувствительнее. Он отрегулировал усиление и без труда разобрал все слова.

— Он сказал, что, кажется, любит ее. Что такое «любит», ты не знаешь?

— Конечно, знаю,—сказала ЭФА-3.

— Объясни мне.

— Ты не поймешь.

— Я попробую понять.

РТ-120 подключил к киберлогике схему сложных понятий. Он еще ни разу ею не пользовался, и схема работала нечетко. Тогда он увеличил напряжение. На предохранителе защелкали голубые искорки.

Запахло озоном и изоляцией.

— Ну тебя! — сказала ЭФА-3.— Выключись, а то сгоришь. Я прочитала про любовь в справочнике.

— И поняла?

— Поняла. Почти все,— ЭФА-3 пощелкала переключателями эмоций — просто так, без надобности.— Что они еще говорят?

РТ-120 прислушался.

— Он сказал, что не хочет без нее жить. Как это так?

— Помолчи! — тихо сказала ЭФА-3.— А что он делает?

РТ-120 включил инфракрасные видеоанализаторы.

— Он обхватил ее руками за плечи, будто она падает.

— Как интересно! — сказала ЭФА-3.— Покажи, как он это сделал.

РТ-120 обхватил ее стальными руками, которыми легко завязывал в узел водопроводную трубу.

— Тише, тише! — воскликнула ЭФА-3.— Отпусти, сейчас же!

Она отступила на шаг.

— Посмотри, что ты наделал! Смял правый локатор. Теперь я потеряю слуховую ориентировку. Разве так можно!

— Я не знал, что ты такая непрочная,— оправдывался РТ-120.— Ничего, в институте тебе поставят новый локатор.

— Для меня нет запасных деталей! Я же экспериментальная модель, не то что ты.

— Локатор помялся совсем немного,— сказал РТ-120.— Я его выправлю сам.

Он щелкнул переключателем, и на его указательном пальце выскочила отвертка.

— Осторожнее,— сказала ЭФА-3.— Не поломай совсем.

Но повреждение на самом деле оказалось невелико. Да и сам локатор был не таким уж сложным, чтобы в нем не смог разобраться РТ-120, запрограммированный талантливыми инженерами Завода Кибернетики...

Трехлетняя девочка с матерью вышли из парка, поднялись в лифте к причальной площадке воздухобуса.

— Посмотри,— сказала мама,— какая красивая звездочка.

— Что ты, мама! Какая же это звездочка! Это астрономическая лаборатория ди-мезонов. На ней работает дифференциатором дядя Тримм.

— Ах да, верно,— сказала мама.— А я и забыла...

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

К СОЛНЦУ В ГОСТИ

Весь день моросило. Ну, прямо как в октябре. Выйти во двор даже не хотелось. А время стояло еще летнее — августа середка. Но под вечер потянуло ветерком, и дождишко перестал.

Выглянул я в окно и присвистнул. Ну, ну! Ветерок-то вроде и не сильно дул, а прескучно-серую кошму на небе всю-то всю разодрал в клочья. И гнал, и гнал эти лохматые клочья за лес, на север куда-то.

— Мишка, пойдем гулять,— сказал я гостившему у нас сынишке товарища.— Дождь перестал, на улице благодать!

Мишка весь день валялся на тахте, уткнувшись облупившимся носом в какую-то книгу. Он, похоже, даже и не слышал моих слов.

— Вставай, Миш,— снова окликнул я мальчишку.— Вредно так долго читать.

— Я сейчас... до точки только,— пробормотал Мишка, не поднимая от книги головы — черной, всклокоченной.

«Сейчас, до точки» у него могло продолжаться и час, и три часа. Я уж собрался подойти к тахте и отобрать у мальчишки увлекательную книгу, но в это время по окну резанул солнечный луч — такой огнистый, такой ослепительный, что мой неслушник Мишка от испуга чуть не подпрыгнул до потолка.

— Ой, что это... пожар? — вскричал он, прикрывая ладонью глаза.

Я засмеялся.

— Какой там пожар... солнышко в гости просится! А хочешь, сами к нему в гости пойдем? Только надо поторапливаться.

— К солнышку в гости? — удивился Мишка, спуская на пол длиннущие свои ноги.

— Да, к солнышку.

Недоверчиво так покосился на меня мальчишка серыми притомившимися глазами. Но промолчал. Насунул на ноги сандалеты, встал.

— Я готов, дядя Витя!

По сочной зеленой травке с бисеринами дождинок мы дошли до песчаной дороги — темной и влажной.

Над бором курчавился розовый парок. Откуда-то издалека — наверно, от лесного кордона — доносилось ликующее петушиное пение.

— Давай на Пушкинскую улицу свернем,— сказал Мишка, когда поровнялись с флигелем киномеханика Гены Трошина.— Сюда вот, налево.

Мальчишка прибавил шагу и первым свернул за угол на Пушкинскую, некруто поднимавшуюся в гору. Вдруг мой торопыга остановился, будто о что-то споткнулся.

Там, в конце улицы, между стеснившими ее слегка березами, висело слепяще-оранжевое солнце — огромное-преогромное. Нижним раскаленным краем оно касалось земли.

В этот счастливый миг мне показалось: если ускорить шаг, да успеть дойти до конца улицы, то непременно встретишься с солнцем.

— Ну, что молчишь, Мишка? — негромко спросил я пораженного не меньше меня черноголового мальчишку.— Пойдем в гости к солнышку? Дорога-то совсем прямая!

Засмеялся Мишка. А потом со всех ног помчался догонять солнце.

●

АПРЕЛЬ В ДЕКАБРЕ

Как-то в начале ноября вдруг повалил густущий снег. Целый день с неба падали и падали пушистые хлопья — словно белые бабочки.

В ночь ударил мороз. Снег не растаял. А потом в течение недели раза три еще перепадал снежок. И уж думалось: неужто затвердевший сахаристой корочкой снег этот так и не растает? Неужто так прочно, по-хозяйски, водворилась в наших краях зима?

Совсем незаметно подкрался декабрь. Как-то поздним вечером перевертываю листок календаря и слышу: в окно кто-то с яростью бросил горсть дробин. Заглянул за полушторку, а стекла в уличной раме все рябые от прозрачных слезинок. И в каждой слезинке — крошечной золотой бусинке — отражается уличный фонарь.

Все сильнее и сильнее барабанил в окно дождь. В желточного цвета кругу уличного фонаря осевший снег уже плавился, словно воск.

Наутро пошел я погулять в стоявший за домом лесок. Под ногами чавкала вязкая грязь. Глядел на раскиселившуюся по-весеннему дорогу и недоумевал: а был ли снег в самом деле? Всюду вокруг порыжелые поляны, весело зеленеющие сочной травкой бугры, фиолетово-коричневые пласты чернозема.

И лишь в лесочке под деревьями таились рваные грязно-серые лоскутки еще не истаявшего снега. И уж как-то не хотелось смотреть на эти неопрятные лоскуты-ветошки.

Вдруг сквозь перепутанные голые ветви засквозило синее-синее — апрельское — небушко. А когда я вышел на полянку, проглянуло и улыбчивое, прямо-таки знойное, солнце.

Надолго ли вернулось на землю тепло? И не сон ли все это?

Виктор БАНЫКИН

●

СЛОМАННОЕ КРЫЛО

Борис РЯБИНИН

Не часто удается увидеть, чтоб шел человек по улице и вел на поводке... уток! Водят собак на сворке, лошадей за повод, водят коров и коз. Но чтоб уток?! Не знаю, как кто, а я видел такое впервые.

Уток было две. И это были дикие утки, серые кряквы — вдвойне удивительно! Я определил их по оперению. А вел их солидный гражданин примерно того же возраста, что и я. Вел, как видно, не впервые, потому что получалось у него это очень ловко. Он шагал сзади, зажав концы бечевок в кулаке, и время от времени легонько подергивал их, как кучер вожжами, а утки с деловитым видом, не оглядываясь и не задерживаясь, бойко переваливались впереди.

Куда они направлялись? Я последовал за ними.

Они пришли к пруду, спустились по ступеням. Около гранитного обрамления здесь было немного песочка — желтенький мысик, намытый волнами; там хозяин пустил своих подопечных в воду. Утки с радостным оживлением поплыли от берега. Сверху, с набережной, за ними уже следила толпа.

Наплавашись вволю, кряквы сами вернулись к берегу, отряхнулись и без возражений позволили снова привязать себя. Совсем ручные! На шее у каждой был надет широкий мягкий ошейничек, к ним хозяин и пристегнул птичьи постромки.

Купанье закончилось — пошли обратно. Теперь не я один — добрый десяток увязался следом: взрослые и, разумеется, ребята. Без них разве обойдется! Они забегали вперед и, гримасничая, тыча пальцами, разглядывали крякушек и их владельца.

— Давно они у вас? — поровнявшись, спросил я его.

— Да уж порядочно...

— И ничего, живут?

— А почему им не жить? Птица умная.

Поначалу он показался мне не слишком словоохотлив, но пока мы дошли до места, успел выложить почти все, что интересовало меня. Первым делом я, конечно, спросил, как утки появились у него. Он ответил:

— Помните, какая осень в прошлом году была? Затяжная, зима наступала медленно, пруд долго не замерзал... Помните? Вот тогда вся эта история и началась...

Да, я помнил это. Как же, очень хорошо! Действительно, холода минувшей осенью сильно задержались, предзимье затянулось, и городской пруд покрылся ледяной коркой позднее обычного. Помню, прибежал кто-то из моих друзей и сообщил: «Видели? В центре города, на пруду, дикие утки...» Я бросил дела и тоже помчался на пруд. И вправду, на середине его, волнуемой свежеватым ветерком, темнело несколько точек...

Потом уток поубавилось, а пруд стало постепенно затягивать льдом. Лед нарастал от краев; казалось, берега все сдвигаются. Наконец, осталась лишь большая полынья на середине пруда. Некоторое время там еще можно было видеть нескольких уток. Затем полынья закрылась, исчезла, исчезли и утки.

— Вот-вот,— сказал хозяин уток, когда я выложил ему все это.— Только они не исчезли...

За разговором мы не заметили, как подошли

к высокому каменному дому. Здесь нам предстояло расстаться. Но мой новый знакомый неожиданно пригласил меня к себе.

— Хотите? Посмотрите, как они живут...

Утки и в лифте вели себя так, как будто для них его и сделали. А вышли из лифта — сразу направились к двери. Мне показалось, что они знают и назначение звонка: пока хозяин нажимал на кнопку, они, вытянув шеи, тоже смотрели на нее.

— Но они же у вас плавать разучатся,— опять начал я, пока мы стояли перед дверью.

— Почему разучатся? Сами видели, летом — на пруд, зимой — ванна... Водопровод-то на что!

— Зимой?

— А как же: всю зиму прожили здесь.

Час от часу не легче: дикие утки в ванне! Чтобы не оставалось никаких сомнений, хозяин сразу повел меня в ванную. Все точно. Ванна до половины заполнена водой, несколько перышек, плававших на поверхности, подтверждали, что это обиталище уток. Под раковиной умывальника — кормушка. В углу было устроено гнездо, в котором лежало полдюжины сероватобелых яичек. И птенцов выпаривают здесь же?!

Вскоре я узнал в подробностях всю историю.

...Он тоже следил осенью за полыньей. Он любил птиц и с возрастающим беспокойством наблюдал за тем, как оконце чистой воды становится день ото дня меньше и меньше, а птицы все никуда не улетают. Наконец, однажды они снялись, сделали в воздухе круг и понеслись туда, где не бывает зимы.

Но не все. Две остались. Точнее — сперва одна. Она тоже пыталась взлететь и последовать за товарками, махая крыльями, била себя по бокам, но тщетно. Пометавшись в полынье, она затихла и, запрокинув голову, провожала взглядом отлетающих.

Внезапно рядом с нею плюхнулась еще одна. Селезень не захотел покинуть подругу, добровольно вернулся к ней. Так их стало двое. Все это мой знакомый наблюдал с берега.

Что же будет дальше? Ведь еще день, может быть, даже несколько часов — и от полыньи останется одно воспоминание!

Наутро утки оказались в ледяном плену. Некоторое время им еще удавалось разбивать крыльями звонкий хрупкий ледок, но с каждым часом он становился толще, крепче,— и вот настал момент, когда они больше не смогли этого сделать. Две утки, два бессловесных беспомощных существа очутились одни-одинешеньки на гладком, как стол, и блестящем, словно зеркало, огромном пространстве, беззащитные, у всех на виду, без пищи, без товарищей.

Мой знакомый твердо вознамерился спасти уток, но надо было выждать, пока окрепнет лед.

На следующий день поднялся ранехонько, взял длинную веревку, лестницу и отправился на пруд. Рассвет только брезжил, на набережной не было ни души, никто не мешал ему.

Утки были на своем месте.

Спустился на лед, попробовал ногой — держит! За ночь значительно окреп, можно рискнуть.

Один конец веревки он привязал к чугунной решетке, обрамлявшей набережную, а другой зажал в руке и, толкая лестницу перед собой, стал медленно продвигаться к уткам.

Они заметили его. Одна почти немедля взмыла в воздух, но другая оставалась неподвижна, лишь порой взмахивала крыльями.

Ближе, ближе... Лед держал отлично, не понадобилась и лестница, а веревка вообще могла пригодиться лишь в том случае, если бы ему пришлось принять ледяную ванну. Утка встрепенулась. Странно, что она не пытается отбежать... Она лежала на боку, в какой-то неестественной позе. Селезень, со свистом рассекая воздух, продолжал кружиться над ними на небольшой высоте

— Ну, не бойся, не бойся... я же тебя не обижу...

Присев на корточки, он потянулся рукой. Утка рванулась и... осталась на месте: у нее примерзли лапки.

— Ах, ты, бедная, бедная... Как прихватило тебя! Сейчас, сейчас, обожди,— уговаривал он ее.

Утка притихла и больше не делала попыток вырваться, прислушиваясь к звукам его голоса. Черные круглые глазки ее быстро-быстро моргали.

Пришлось изрядно повозиться, чтобы не повредить лапки. Наконец, он освободил ее из этой западни, несмотря на сопротивление, упихал за пазуху и тем же путем, каким пришел, направился назад.

На берегу уже начали скапливаться зеваки. Все смотрели туда, на лед, на этого оглашенного с уткой. Вот отчаянный! Жизнь ему, что ли, надоела?

Его же волновало одно — утка.

Лед вдруг затрещал, когда спаситель и спасенная были уже у берега. Из-под ног выплеснула вода. Ух, до чего же холодна! К счастью, уже было мелко, лестница и веревка опять оказались ни к чему. Ломая льдины с острыми, как у ножа, краями, он выбрался на сушу.

Теперь скорей домой. Только бы сохранить птицу!

Дома, наконец, открылась причина ее странного поведения: сломано крыло. В пути она, очевидно, налетела на телеграфный провод и вынуждена была воспользоваться ближайшим водоемом. Вот почему утки сели на пруду и все тянули с отлетом: не хотели бросать раненую, надеялись, что крыло заживет и она полетит вместе с ними.

Крыло смазали йодом, сложили и забинтовали. Надо было спешить на службу. Утку заперли в ванной. Второпях позавтракал, быстро оделся, сбежал вниз и... Да это же селезень! Он был тут, нерешительно топтался возле дома, поспешно отбегая и прячась, когда из подъезда появлялся человек, и снова возвращаясь.

Что же делать с ним? Еще кто-нибудь зашибет...

Подумав, он распахнул дверь, сам отошел за кусты акации. Селезень потоптался-потоптался, впрыгнул на одну ступеньку, на другую — и исчез в темном проеме подъезда.

Александр Иванович — так звали моего нового знакомого — опрометью кинулся к ближайшему телефону-автомату, звонить домой: «Откройте дверь и не показывайтесь, к нам гость идет!..»

Только бы кто-нибудь из жильцов не вспугнул...

Так и есть. Послышался шум шагов, опережая их, из подъезда вылетел селезень и — фррр! — понесся прочь от дома.

Как сделать, чтоб он все-таки зашел?

В этот день Александр Иванович запоздал на работу. Позвонил по телефону, извинился, сказал, что не может, задерживается... что еще говорят в таких случаях?

Как заманить селезня?

Впрочем, «заманить» не то слово: селезень и сам рвался к своей подруге, но боялся — привычная осторожность брала верх.

А не сделать ли так?.. Александр Иванович вынес утку на балкон,— благо, дверь еще не была замазана к зиме. Она сразу оживилась, завертела головой и громко закрякала. Кряканье разнеслось далеко окрест. Селезень уже опять был у подъезда. Он внимательно вслушивался, подняв голову.

Утку снова посадили в ванную. Балконную дверь, не взирая на стужу, оставили открытой. Все ушли...

Вечером он был здесь.

Не трудно представить, как все произошло.

Селезень взлетел, опустился на перила балкона, не удержался на них, спрыгнул на пол. Открытая дверь манила, однако он не скоро, наверное, отважился переступить порог балкона и войти в комнату.

Утка, вероятно, закричала, услышав, что он близко. Селезень из комнаты перешел в коридор, из коридора... Дверь ванной была предупредительно распахнута, утка привязана. Он шагнул туда...

Но когда пришли хозяева, он поспешил улететь. В квартире был лютый холод. Выстудили.

Так повторялось несколько раз. День селезень проводил в квартире, со своей крякушкой, к вечеру улетал.

Но однажды, когда он, уже достаточно осмелевший, явился сюда как обычно, дверь за ним вдруг закрылась. Он метнулся — назад ходу нет. Попал в ловушку. Хотя едва ли можно было назвать это ловушкой. Ведь его спасали, так же, как и утку. Куда он, зимой, один, отставший от стаи?

Жили. Привыкали. Постепенно становились совсем домашними, ручными. Их кормили, о них заботились. Что еще надо? Ведь домашняя утка когда-то тоже была дикой, жила на воле...

Весной утка снесла шесть яичек, но высиживать не стала, как селезень ни ухаживал за своей подругой. Тогда-то их опекуну и пришла в голову мысль — сводить их на пруд.

Купанье не помогло: яйца продолжали лежать холодные. Но прогулки на пруд с того времени вошли в привычку, стали постоянными. Они доставляли удовольствие всем троим. А уж сколько радости было окрестным мальчишкам, которые табуном бежали за ними!

Крыло зажило, но утка по-прежнему не летала. Может быть, она просто разучилась летать...

Однажды ее верный спутник-селезень внезапно распустил крылья, захлопал и рванулся ввысь. Бечевка не пустила, он брякнулся наземь.

И тогда... тогда Александр Иванович отпустил его. Снял ошейничек. Пускай летит. Зачем ему лишаться свободы?

Он улетел и — с концом. Сколько ни ждали, не возвращается. Вольному — воля. Пожил взаперти, хватит! Печальный возвращался Александр Иванович в этот раз с прогулки. Он и не думал, что так привык к обоим! И крякушка притихла, все поглядывала на небо... А когда пришли домой, селезень уже ожидал их, сидя на балконе. Не улетел!

С тех пор он стал летать часто. И всегда возвращался. И купанья их совершались теперь уже без поводков.

И все шло спокойно до осени, пока... пока на пруду вдруг опять не сели перелетные утки.

Увидев их, услышав их призывные крики, наши две крякушки встрепенулись, заволновались. Туда, туда, скорей к своим! Вот когда пришлось задуматься Александру Ивановичу. Отпустить, не отпустить? Положим, утка все равно не летает. А селезень?.. Весь вечер думал. Советовался с домашними: ведь и они привязались к уткам.

Утром в воскресенье он был на пруду раньше обычного. Привел свою пару серых. Утки продолжали сидеть на воде. Ждут! Присев на корточки, он отвязал сначала одну утку, потом другую. Переваливаясь, они шустро побежали к воде. Захлопали крылья, пошел ветер. Как!? Ведь она же не могла летать! Не могла и — стала... Обе утки поднялись на воздух, сделали круг, другой. Круги становились больше, выше. Скрылись из глаз, ушли куда-то далеко на запад, где садится солнце, вернулись — и опустились в центре пруда, около стаи. Присоединились к своим.

Текло время. Перевалило за полдень, пробили городские куранты, а он сидел и смотрел на них, на уток, на темные перемещающиеся точки посередине пруда. Было грустно и радостно. Была гордость. Спас две жизни,— и теперь любовался ими. Хорошо...

Все же пора домой, надо подниматься.

Прощай, крякушка, прощай, ее любезный друг!

Дома чего-то не хватало Он старался не думать об утках, но не мог. Мысли все время возвращались к ним.

Ночь спал тревожно, ворочался. Показалось, что где-то крякнула утка — вскочил, бросился на балкон. Нет, никого нет. Накинул халат, пальто и долго сидел на балконе, прислушиваясь к ночным звукам, всматриваясь в ночную тьму, в спящий город.

На работу ушел раньше обычного. Весь день был рассеянный, работалось плохо. А когда вернулся домой, все такой же молчаливый и задумчивый, вдруг, еще с порога, услышал: крякают... По лицу жены понял: что-то случилось. Екнуло сердце. Враз представилась знакомая картина — утки обедают в ванной, подхватывая друг у друга выпавшие из клюва лакомые куски, и крякают от удовольствия...

— Неужели вернулись?

— Вернулись, — ответила улыбающаяся жена.

Они и поныне живут там.

Обе утки немного отяжелели, раздались, супруг-селезень — как и положено солидному супругу — отрастил изрядное брюшко. И как прежде, они ходят на пруд, совершают прогулки по городу — все так же в ошейниках и на поводках.

Но и ошейники и поводки — больше для видимости, ради соблюдения правил уличного движения и инструкции по содержанию животных в городах. Улетать они и не думают.

ШИШКАРИ

— Зверь! — воскликнул вахтенный, взмахнув рукой вправо от судна.— Да здоровый, черт! Кто такой?

Повернувшись в ту сторону, куда показывал матрос, я увидел на льду маленькое пятнышко. Всего полчаса назад наша научно-поисковая шхуна «Лахтак» подошла к кромке льда в восточной части Берингова моря, и мы знали, что до нас ни одно зверобойное судно здесь еще не было. «Кого увидел вахтенный? Лахтака? Нет, не лахтака — слишком большой,— думал я, глядя на лежащего вдалеке зверя. — Может быть, сивуч? Нет, тот темнее. Да ведь это морж!» — наконец-то я понял, рассмотрев белые бивни, торчащие из пасти. Судно подходило все ближе. Почти все свободные от вахты члены команды высыпали на мостик и палубу. Большинство видели моржа впервые. Трое стрелков принесли винтовки — у нас было разрешение на добычу для научных целей пятидесяти моржей, и, естественно, каждому стрелку хотелось отличиться.

Огромный желто-зеленый зверь, почти совершенно лишенный шерсти, лежал передо мной. Он лежал на боку, и мне хорошо были видны массивные ласты, мощное туловище с небольшой, как будто обрубленной спереди головой, с двумя толстыми у основания клыками. Словно две сабли, свисали они с верхней челюсти, упираясь острыми концами в лед так, что голова зверя была неестественно повернута и запрокинута. Судя по клыкам, вершины которых расходились в стороны, крупным размерам животного и большим шишкам, покрывающим шею, плечи и грудь зверя, перед нами был старый и очень крупный морж, обычно называемый шишкарем.

Шишки — это привилегия самцов. Считается, что шишки защищают их тело от ударов бивней других «шишкарей» во время драк за самку. Так ли это, сказать трудно.

Между тем судно приблизилось к моржу метров на сорок. Стрелки нацелились, стараясь попасть в голову или шею зверя.

— Парни, да он мертвый! — сказал кто-то.

Действительно, морж не подавал никаких признаков жизни. Больше того, по его телу важно прохаживали две чайки, что-то склевывая со шкуры. Все опустили винтовки. Оставалось двадцать метров, пятнадцать. Сокрушая лед, судно с выключенным двигателем двигалось по инерции. Мы медленно приближались к моржу.

— Николай Иванович! Давай пришвартуемся к льдине, нужно осмотреть моржа,— крикнул я стоящему на мостике капитану.

Я повернулся и увидел только всплеск и круги рядом с льдиной. Моржа на ней уже не было. Мы увидели его примерно через полминуты. Отфыркиваясь и выпуская из ноздрей облака пара, смешанные с брызгами, он быстро удалялся от судна.

Матросы развеселились.

— Вот это соня, чуть не наехали на него! Ну и обманул же он нас!

Так закончилась моя первая встреча с моржом. Впоследствии мне не раз приходилось наблюдать их на льду и в воде, и я всегда изумлялся, как эти грузные, неуклюжие и малоподвижные на суше животные могут так легко и быстро плыть, ловко, красиво и, я бы сказал, изящно нырять.

А ведь было время, когда вода была чужда моржу. Вернее, не моржу, а его предкам. Сотни тысячелетий назад предками моржей были хищники, как предполагают, близкие медведям. Плавучий лед в значительной степени заменил моржам землю. На льду очи отдыхают, самки рожают и выкармливают молоком беспомощных детенышей. Лед позволяет им располагаться непосредственно над участками морского дна, богатого излюбленной пищей моржей — моллюсками. В поисках их моржи вынуждены опускаться иногда на глубину до ста метров, туда, где царит вечный мрак. Добывать пищу на такой глубине морж также приспособился в процессе эволюции. Верхняя губа у него разрослась до огромных размеров и сплошь покрыта толстыми усами или, как их называют,— вибриссами. Вибриссы служат прекрасным органом осязания и, ощупывая ими грунт, морж легко может отыскивать съедобные организмы. А бивнями, как плугом, морж выкапывает добычу из грунта. Больше того, у моржа есть еще одно оригинальное приспособление для ныряния. Верхняя часть пищевода сильно разрослась, образовав два довольно вместительных мешка, которые в то же время сообщаются с трахеей. Некоторые ученые предполагают, что эти мешки выполняют двойную функцию: когда морж ныряет, эти мешки наполняются воздухом, откуда воздух поступает в легкие. А на дне моря найденные моржом моллюски попадают сначала в мешки и только потом, на поверхности, он их съедает. Один иностранный натуралист писал: перед тем, как съесть моллюска, морж захватывает его передними ластами, с огромной силой сжимает, раздавливая раковины, и только после этого завтракает. Но все это, к сожалению, пока догадки.

Считается, что морж — типичный обитатель Заполярья. Однако это не совсем так. Только летом можно встретить моржей в Чукотском и Восточно-Сибирском морях. Они располагаются на берегу и на кромке льда, образуя громадные лежбища по нескольку сотен и тысяч голов. С наступлением осени животные постепенно откочевывают на юг, уходя в Берингово море. Там они и зимуют. Такие миграции, очевидно, вызваны тяжелыми ледовыми условиями Чукотского моря. Лунок, в отличие от тюленей, моржи не делают и могут пользоваться только разводьями. Во время сильного сжатия льда эти малоподвижные животные, если и не погибли бы, то, лишенные доступа к воде, остались бы без пищи. Вот и приходится им в поисках «хороших» льдов ежегодно совершать миграции с севера на юг и обратно.

Всего около ста лет назад моржей было так много, что в период зимовки часть их вынуждена была уходить почти до южной оконечности Камчатки. Недаром одна из бухт, лежащая неподалеку от Петропавловска-на-Камчатке, названа Моржовой.

Но так было до тех пор, пока о моржах знало только местное население Камчатки и Чукотки. С открытием этого района слух о несметных ста-

дах ценных животных — каланов и моржей — быстро распространился среди промышленников. Погоня за наживой влекла сюда сотни судов, возглавляемых разного рода авантюристами, искателями приключений и прочим сбродом, шедшим со всех концов света.

Понятно, что при таком положении никому не было дела до запасов ценных животных. Многие считали, что они вообще неисчерпаемы. Действительность оказалась печальнее. Очень быстро была уничтожена морская корова, выбиты почти полностью каланы, в сотни раз сократилась численность котиков.

Та же участь в конце концов постигла и моржей. Клыки или «рыбий зуб», как их тогда именовали, кость которых по качеству почти не уступает слоновой,— вот главное, ради чего люди стремились в Заполярье. Спаивая местных жителей, они буквально за бесценок скупали клыки, а иногда и просто отбирали их у чукчей. Не ограничиваясь этим, многие сами совершали набеги на моржей, тысячами убивали их на береговых лежбищах. Вырубив клыки, они оставляли трупы гнить прямо на месте и, естественно, оставшиеся в живых моржи покидали берега. Так было разгромлено и опустошено около тридцати крупных береговых лежбищ. Осталось только три. Катастрофически падала и общая численность моржей, уменьшился ареал их обитания. Возможно, с запасами моржа произошло бы то же, что и с каланом,— остались бы считанные единицы. Однако этого не случилось. Большинство ценных животных на Дальнем Востоке, запасы которых оскуднели, были взяты под охрану. Охраняется в настоящее время и морж.

Несколько лет назад сотрудники ТИНРО проводили учет моржа с самолета, сначала подсчитывая визуально, а на следующий год и с помощью аэрофотосъемки. Результаты оказались почти одинаковыми. Численность моржей достигла сорока тысяч. Американские ученые считают, что в их районе обитает около десяти тысяч моржей. Таким образом, всего на Тихом океане сейчас живет около пятидесяти тысяч. Это не так уж мало! Считается, что ежегодно стадо должно увеличиваться при существующей добыче на три тысячи моржей. К сожалению, на самом деле не все так благополучно. У американской аристократии появилась мода украшать гостиные своих вилл головами моржей и коллекционировать выточенные из их клыков разные безделушки. Ну что стоит какому-нибудь богатому бездельнику слетать на Аляску, подрядить эскимосов и, сходив с ними в море, добыть несколько моржей. А доблести в этом никакой нет. Вооруженные винтовками, а подчас автоматами и гранатами, они моржей буквально расстреливают. На спорт это не похоже. Скорее на бойню. В результате численность моржей увеличивается крайне медленно. Ведь тихоокеанское стадо одно. Выход единственный: надо, чтобы США последовали примеру Советского Союза и ограничили охоту на этого редкого зверя.

Э. ТИХОМИРОВ,
зав. лабораторией Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

Рисунки В. Юрчикова

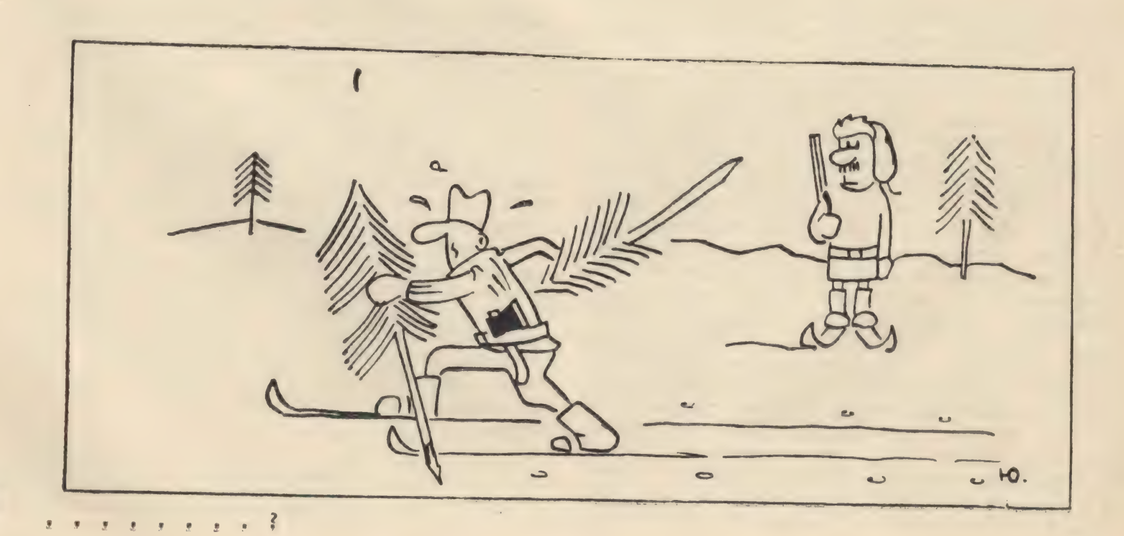

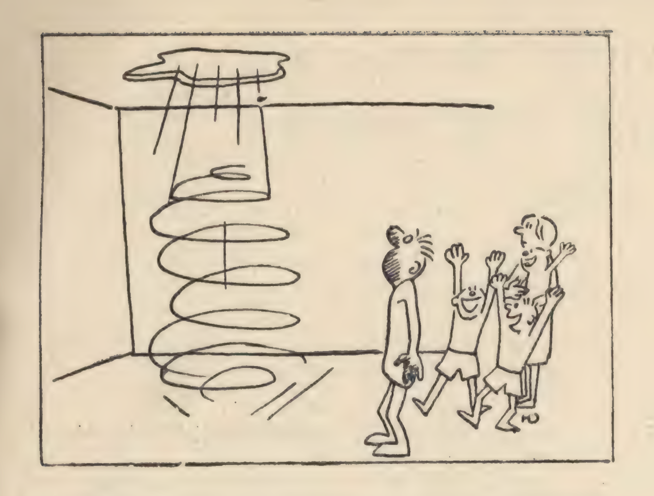
Пусть еще подрастет...

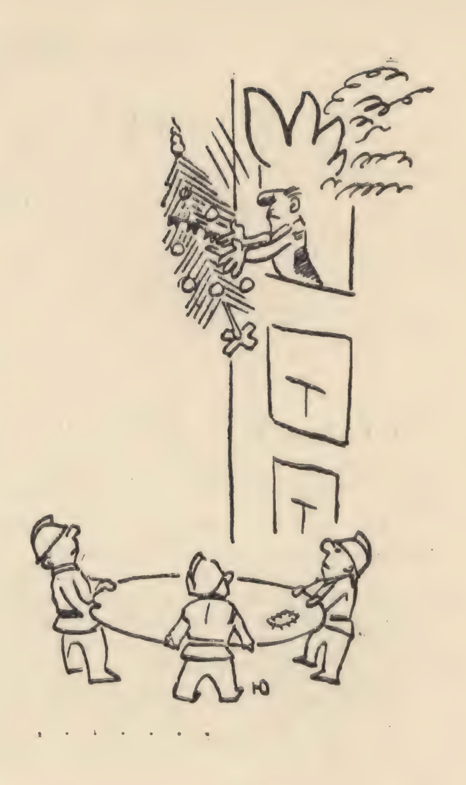

— Вам сколько?

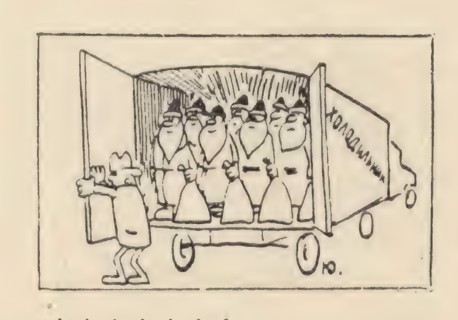

. . . . ?

— Выдавал себя за Деда Мороза!

ОТВЕТЫ НА РИСУНКИ-ЗАГАДКИ В № 11

Художник изобразил хвостовые перья (слева направо): глухаря, тетерева и рябчика.

На странице помещены силуэты выпи, бекаса и канюка.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ЗА 1968 ГОД

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

ДОРОГАМИ ПОИСКА

МЕЗЕНИН Н. Секреты древних мастеров. *№ 3.*

МАЛАХОВ А. Анти-Космос. *№ 4.*

МИЛЬ А. Ленинская медаль. *№ 4.*

ОСИПОВ В. Бригантина — наша! *№ 3.*

ПАЛИМПСЕСТОВА Т. Б. «Тупой угол» или «Девять знамен»?. *№ 6.*

ПЕХЕР К. Загадки Пльзенского подземелья. *№ 5.*

РУЖЕНЦЕВ С. Русский уникум. *№ 1.*

ЧЕЛЫШЕВ Б. О книжном знаке. *№ 5.*

ЧЕЛЫШЕВ Б. Пометка на старой книге. *№ 11.*

УРБАНЧИК А. Бутылочная почта. *№ 6.*

УСТИНОВ Г. Все людям. *№ 5.*

КРАЕВЕДЕНИЕ

АЛЬТОВ В. Съемка под огнем. *№ 10.*

БУРАКАЕВ В. Озеро мифического дракона. *№ 1.*

БЫКОВ А. А. Из Сибири в Иран и обратно. *№ 2.*

БАРСОВ Н. Открытие автографа. *№ 6.*

БОГОЛЮБОВ К. В поисках живого слова. *№ 7.*

Боголюбов К. Петрович. *№ 6.*

ВИСИМУ БЫТЬ. *№ 9.* Разговор о Висиме. *№ 3.*

ГОЛОВКО В. Уникальное сооружение. *№ 10.*

ДЕРГАЧЕВ И. Горький и Мамин в «деле 4-го марта». *№ 3.*

ЗАЙЦЕВ З. Д. Венерины башмачки. *№ 1.*

ЗОТОВ В. Урал — Калуга — Урал. *№ 4.*

КРИВЦОВ И. Памятник первой палатке. *№ 3.*

КОЖЕВНИКОВ И. Главный историк района. *№ 3.*

КУРОЧКИН Ю. Рукопись, молчавшая полвека. *№ 6.*

КУРОЧКИН Ю. Бирюковская копилка. *№ 7.*

КЛИМОВА Г. Пояса из Пармы. *№ 8.*

КАШИХИН Л. «Дело» о А. С. Грибоедове. *№ 11.*

КОРОВИН А. Ссыльный журналист. *№ 11.*

ЛИТВИНОВ А. Юналнаут, тигр и медведица. *№ 2.*

ЛУГОВЫХ П. Патриарх лесов. *№ 5.*

МАЗУНИН А. Наследие пытливого искателя. *№ 1.*

МАМАЕВ С. А. Лес на камне. *№ 7.*

МАРТЫНОВ М. В поисках «наказов». *№ 8.*

МОРОЗОВ В. Горький — рабкору. *№ 10.*

МОТЫРЕВ А. От Туринска до Кульджи. *№ 11.*

НОСИЛОВ К. Д. Бобры. *№ 6.*

НИКОЛАЕВА М. На пике Дидковского. *№ 12.*

ПЬЯНКОВ И. В. Путь к Аргиппеям. *№ 7.*

РИЗОВ Д. Закон обвольщины. *№ 5.*

РОХМИСТРОВ С. Первые текстильщики Урала. *№ 9.*

РЯБИНИН Б. Милые зеленые горы, сохраним вас! *№ 2.*

СОЛОВЬЕВ Ю. С. Тагильская малахитница. *№ 6.*

ТОЛСТИКОВ П. Семья энтузиастов. *№ 4.*

УТКИН Б. Подвигу 180 лет. *№ 1.*

УТКИН Б. Челябинский указатель. *№ 4.*

ФЕДОРОВ А. Погода и солнце. *№ 9.*

ХАРАСОВ Я. Медали Пугачева. *№ 9.*

ШУШАРИН М. Ртищево — Арзамас — Саратовка. *№ 10.*

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

БАНЫКИН В. Шагающие деревья. Прощание. Ночные вздохи. *№ 7.*

БАНЫКИН В. К солнцу в гости. Апрель в декабре. *№ 12.*

БАТАЛОВ В. Обида. По росе. Бантики. *№ 10.*

ВОРОБЬЕВ Н. Жорик. *№ 11.*

ДУДОЧКИН П. Рожок Михайлы. Собачья бровка и др. *№ 1.*

КЛЕЩЕВ Д. Погоня. *№ 4.*

КЛЕЩЕВ Д. На мелководье. *№ 7.*

КОБЕЛЬКОВ В. Когда приходит весна. Марьины коренья и др. *№ 10.*

КАПОРЕЙКО О. Трофеи охотника. *№ 11.*

МОЧАЛОВ П. Доверчивый уж. *№ 4.*

РЯБИНИН Б. Там чудеса, там леший бродит. *№ 7.*

РЯБИНИН Б. Сломанное крыло. *№ 12.*

ТИХОМИРОВ Э. Шишкари. *№ 12.*

ФОМИН Л. Косуля, кроншнеп и вороны. *№ 3.*

ЧИСТОВСКИЙ О. В чужом доме. *№ 4.*

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД». Следопыты Краснокамска. *№ 1.*

ИДЕМ В ГОД ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. Следопыты Челябинска. *№ 3.*

МЫ «КРАСНАЯ ГВОЗДИКА». Следопыты клуба «Красная гвоздика». *№ 6.*

ДАЛЬНЯЯ РАЗВЕДКА. Следопыты Ижевска. *№ 7.*

ЗА БАЛХАШСКИМИ СОКРОВИЩАМИ. Карагандинский клуб следопытов. *№ 8.*

СУХОВЕЙ Л. У орлиных высот. *№ 10.*

МИЧМАН СУХОПУТНОГО ОТРЯДА. Челябинские следопыты. *№ 11.*

ОСТЕРТАГ Л. Рассказ о трех поисках. *№ 12.*

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

АРТАМОНОВ А. Школа и улица Фени Пушиной. *№ 3.*

АРТАМОНОВ А. «Космос был его жизнью». *№ 8.*

БОГАЦКИЙ В. На пик Комсомола. *№ 10.*

ВОЛОДИН Б. Письмо Ленина. *№ 4.*

ГАШЕВ Б. Под знаменем «Горных орлов». *№ 5.*

ЖУКОВ Л. Алеша Журавлев — первый юннат. *№ 5.*

ЗЛОТКИН И. Найдите тимуровку Таню. *№ 7.*

КОНСТАНТИНОВА Е. Кедры на родине Ильича. *№ 4.*

КАПУСТИН В. Клуб исследователей. *№ 7.*

КОНСТАНТИНОВА Е. По следам легенды. *№ 7.*

КОРШУНОВ Ю. Необходимо проверить. *№ 4.*

НАША ШКОЛА ОСОБЕННАЯ. Следопыты села Ждановка. *№ 4.*

МЕДВЕДЕВ В. И рыбы учатся. *№ 6.*

В НОМЕРЕ:

ОБЛОЖКА С. КИПРИНА И В. ВОЛОВИЧА.

На второй странице обложки фото В. Каушанова.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 13263. Подписано к печати 6/XI 1968 г. Бумага 84×108/16 = 2,62, бум. л.— 8,82 печ. л. 10,36 уч.-изд. л.
Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 590.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Обметая снег у входа,
К нам стучат, как лунь белы,
Наступающего года
Бородатые послы.
В пестром вихре хороводов
Все им рады — ты и я.
С новым счастьем!
С Новым годом!
С новым поиском, друзья!

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!
С НОВЫМ ГОДОМ!
К НОВЫМ ПОИСКАМ, ДРУЗЬЯ!

Фото Б. Коробейникова

Л. ВЕЙБЕРТ *(Карпинск)* — СЕВЕРНЫЙ ПОСЕЛОК

30 коп

73413